
СТАТЬИ

ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ 1905 ГОДА И МОСКОВСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ *

С. Черномордик

Чем дальше отодвигается в глубь времён декабрьское вооружённое восстание московского пролетариата в 1905 г., тем ярче вырисовывается гигантское историческое значение этого события. «Декабрьской борьбой,— писал Ленин в 1910 г.,— пролетариат оставил народу одно из тех наследств, которые способны идейно-политически быть маяком для работы нескольких поколений»¹.

И действительно, пройдя через длительный период жесточайшей реакции, наступившей после поражения революции 1905—1907 гг., через террор периода империалистической войны 1914—1917 гг., народы России под руководством русского пролетариата во главе с большевиками продолжали дело, начатое в декабре 1905 г., и на баррикадах в феврале, а затем в октябре 1917 г. одержали окончательную победу и над самодержавием и над помещиками и буржуазией.

Одной из важнейших сторон великого декабрьского наследства является опыт работы Московского совета рабочих депутатов и районных советов, созданных в дни восстания. Этот опыт был яркой иллюстрацией к учению Ленина о советах как органах восстания и революционной власти.

Замечательно, что в решающий момент революции передовые позиции в борьбе с царизмом занял московский пролетариат. Московский пролетариат создал в лице Совета рабочих депутатов наиболее последовательную и решительную общеполитическую организацию, ставшую органом массового вооружённого восстания и зародышем революционной власти, организацию, давшую в конце 1905 г. тон движению во всей стране. Такова была сила уроков революционных событий 1905 г., позволившая московскому пролетариату, во главе которого шла большевистская партийная организация, высоко поднять своё классовое самосознание.

В начале XX в. рабочий класс России являлся в освободительном движении страны авангардом, за которым шли все остальные революционные силы, в первую очередь крестьянство. Во всенародном революционном движении рабочий класс был знаменосцем, глашатаем освобождения трудящихся страны от политического порабощения и экономической кабалы. Тем самым он завоевал себе положение гегемона в буржуазно-демократической революции 1905 года.

Вызванное расстрелом рабочих у Зимнего дворца 9 января 1905 г. стачечное движение прокатилось по всей стране и охватило сотни тысяч рабочих. Это стачечное движение, не стихавшее весь 1905 г., наряду с неудачами царизма в русско-японской войне, в значительной мере подры-

---

* Статья представляет сокращённое изложение нескольких глав большого исследования С. Черномордика о декабрьском вооружённом восстании в Москве. Статья подготовлена к печати А. М. Гуревичем.

¹ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 266.

вало устои самодержавия. Громадную политическую роль сыграла продолжавшаяся более двух месяцев стачка рабочих Иваново-Вознесенска летом 1905 г., в ходе которой был создан первый Совет рабочих депутатов, руководивший стачкой. Иваново-вознесенская стачка оказала большое влияние и на подъём революционного рабочего движения в Москве и во всём Центральном промышленном районе.

Политическое пробуждение московского пролетариата началось в период русско-японской войны, затеянной царским правительством, между прочим, и для отвлечения рабочей массы от революционного движения. Но этот процесс политического пробуждения протекал медленно. Московский пролетариат долго раскачивался, прежде чем, влившись в общепролетарское движение страны, занять в нём одно из передовых мест.

В стачечном движении, вызванном событиями 9 января, принимали участие далеко не все рабочие Москвы, а лишь передовые слои — металлисты, печатники, а из текстильщиков лишь рабочие крупных предприятий — Прохорова, Э. Цинделя, Даниловской мануфактуры, Шрадера. Рабочие большинства мелких и средних предприятий стояли в стороне. Забастовка 10 января 1905 г. в Москве, в которой участвовало свыше 40 тыс. рабочих, носила по преимуществу экономический характер. Политические требования под влиянием большевистской агитации хотя и фигурировали в общих требованиях бастовавших рабочих, но не они составляли основу январского движения.

После январских стачек забастовочное движение в Москве не прекращалось. В феврале и марте на ряде фабрик рабочие бастуют и предъявляют экономические требования. Эти экономические стачки в условиях усложнившейся политической обстановки были той школой классово-борьбы, которая ускорила политическое созревание основной массы московского пролетариата. Однако процесс политического роста рабочего класса Москвы происходил не самотёком. Руководство движением взяли в свои руки большевистские организации. Яркой иллюстрацией этого является разразившаяся в апреле 1905 г. забастовка булочников, в которой по призыву Московского комитета большевиков участвовало 15 тыс. рабочих. В мае ряды борющегося московского пролетариатаполнились отрядом железнодорожников, сыгравшим впоследствии важнейшую роль в революции. Корреспондент из Москвы сообщает об образовании «Союза железнодорожных служащих Московского узла при московском комитете РСДРП»¹. Вскоре же возникает организация городских рабочих и служащих. В июле происходит забастовка на ряде фабрик — Жако, Шлихтермана, Шустова, «Фарбенверке», Рябова, Брокера и др.

Политический подъём московского пролетариата со второй половины 1905 г. был неразрывно связан с деятельностью московской организации большевиков. Рост массового движения заставил Московский комитет перейти от полукустарнических форм организации к созданию разветвлённой партийной организации, которая смогла бы успешно руководить разрастающимся движением, охватить своим организационным влиянием массы рабочих и широко поставить политическую агитацию.

К середине 1905 г. московская организация была разбита порайонно. Во главе каждого района стоял ответственный перед МК организатор. Все ответственные организаторы районов входили в МК — из них в большинстве и состоял Московский комитет. Руководящим органом района был районный комитет. Позднее в районы стали входить наибо-

¹ См. газету «Вперёд» № 18 от 18 мая 1905 года.

лее выдвинувшиеся активисты с заводов. Вместе с тем на фабриках и заводах создавались низовые социал-демократические организации. С августа 1905 г. число их росло с исключительной быстротой. Непрерывавшаяся стачечная борьба, возникавшие по различным поводам разрозненные забастовки скрепляли неразрывной связью московскую большевистскую организацию с массами, и, когда эти разрозненные стачки в октябре слились в один мощный поток, большевики оказались во главе движения, а московский пролетариат твёрдо и уверенно шёл за своими вождями — большевиками.

Именно московские рабочие явились застрельщиками всероссийской всеобщей октябрьской забастовки. Начавшаяся в сентябре забастовка московских булочников и печатников вылилась в октябре во всеобщую забастовку, в которой решающую роль сыграли московские железнодорожники. Подъём рабочей Москвы был небывалый, доходивший до энтузиазма.

Всеобщая октябрьская забастовка явилась переломным моментом в истории рабочего движения в Москве и в развитии революции по всей России.

Октябрьская всеобщая забастовка, вынудившая царя издать манифест 17 октября с обещанием конституции, показала гигантскую мощь пролетарского движения в России. Она свидетельствовала о том, что пролетариат стал действительным гегемоном буржуазно-демократической революции, что в лице партии большевиков рабочий класс России имеет свой передовой отряд, способный и готовый вести его на решительные схватки с самодержавием. В то же время жизнь показала, что всеобщая забастовка является недостаточным оружием для полной победы над царизмом. Октябрьская всеобщая забастовка нанесла сильнейший удар самодержавию, заставив его пойти на уступки, но не разбила его. Это было удачно выигранное сражение, но не окончательная победа над врагом. Оно не решало ещё исхода борьбы. Куца царская конституция, обещанная в манифесте 17 октября, не разрешала глубоких классовых противоречий и вообще не разрешала ни одного основного вопроса революции. Во-первых, манифест 17 октября оставлял политическую власть в руках царского правительства и помещиков, привлекая к ней лишь крупную буржуазию. Во-вторых, он и не думал решать один из самых коренных вопросов буржуазно-демократической революции — вопрос о земле. Для пролетариата, руководимого партией большевиков, было ясно, что царский манифест — это тактический маневр самодержавия, попытка обмануть революционный народ и получить передышку, чтобы собраться с силами для подавления революции.

В результате октябрьской всеобщей забастовки создалось некоторое равновесие сил, «когда пролетариат и крестьянство, вырвав у царя манифест, ещё не в силах свалить царизм, а царизм уже не может управлять только прежними средствами...»¹. Но это равновесие сил долго продолжаться не могло. Друг против друга продолжали стоять враждебные силы, ждавшие благоприятного момента, чтобы в решительной схватке разрешить исторический спор о дальнейшем существовании самодержавия в России.

Полтора месяца — вторая половина октября и ноябрь — понадобилось царскому правительству для собирания и укрепления своих основательно дезорганизованных сил. Необходимо признать, что за этот короткий срок царское правительство достигло больших успехов. Прежде всего оно получило себе союзника в лице либеральной буржуазии. Потребовалось очень короткое время, чтобы рухнула распространявшаяся меньше-

¹ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 75. М. 1938.

виками легенда о революционности российской буржуазии в буржуазной революции и на деле подтвердились слова Ленина, что своеобразие русской буржуазно-демократической революции заключается, между прочим, в том, что буржуазия в ней играет контрреволюционную роль. В революции 1905 г. либеральная буржуазия, наконец, раскрыла себя всенародно как контрреволюционная сила. К этому привёл её длинный путь политического обмана и предательства интересов народа.

В течение второй половины октября и в ноябре собирался с силами и укреплял свои организации и рабочий класс. Но расстановка классовых сил в стране не была для него вполне благоприятной. Если внимательно всмотреться в ноябрьское революционное движение 1905 г., то бросаются в глаза следующие его особенности: разрозненность, отсутствие единства, согласованности и плана. Когда выступал пролетариат, — молчала армия; когда выступала армия, — молчал пролетариат. А разбросанное на тысячи вёрст многомиллионное крестьянство, охваченное великим бунтом, не было тесно связано ни с пролетариатом, ни с армией. Это обстоятельство помогло контрреволюции и было ею использовано. Царское правительство больше всего боялось, что движение может принять всероссийский характер. В самом деле, правительство было достаточно сильно, чтобы справиться с разрозненными выступлениями, но оно не смогло бы противостоять всенародному напору; оно легко подавляло отдельно восстания кронштадтских и севастьяпольских матросов и московских солдат, забастовку почтово-телеграфных служащих, но оно было бы бессильно, если бы эти разрозненные, разновременные выступления были объединены в единый, мощный революционный поток.

Правительство графа Витте всё своё внимание сосредоточило на том, чтобы разбить революцию по частям. Так оно и поступило в Петербурге, воспользовавшись политическими и тактическими ошибками Петербургского совета рабочих депутатов, меньшевистское руководство которого отрицательно относилось к вооружённому восстанию.

Роковая ошибка меньшевиков, вытекавшая из всего меньшевистского мировоззрения, заключалась в том, что возникшие в революции 1905 г. советы меньшевики считали только своего рода «рабочим парламентом» или «рабочим самоуправлением», в то время как это были организации, призванные объединить все революционно-демократические силы страны — рабочих, крестьян, солдат — для подготовки всеобщего вооружённого натиска на самодержавие и стать органом всероссийского восстания. Советы не были и «вторым правительством», как полагали меньшевики из Петербургского совета; но это уже были зародыши революционной власти, способной стать полнотой властью только в результате победоносного восстания пролетариата.

«Совет Рабочих Депутатов не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, — говорит Ленин, — а боевая организация для достижения определённых целей.

В эту боевую организацию входят, на началах временного, неоформленного боевого соглашения, представители Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (партии пролетарского социализма), партии «Социалистов-Революционеров» (представители мелко-буржуазного социализма, или крайняя левая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих «беспартийных». Эти последние являются, однако, не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением. Поэтому вполне естественно будет включение в Исполнительный Комитет и представителей революционного крестьянства.

По существу дела, Совет Рабочих Депутатов является неоформлен-

ным, широким боевым союзом социалистов и революционных демократов...»¹.

И ещё: «Эти органы создавались исключительно революционными и слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путём, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании... да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или если хотите, революционного правительства...»

Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей»².

Троцкистское руководство Петербургского совета своим отрицанием роли совета как органа вооружённого восстания убило этот «зародыш» революционной власти, не дав ему развиться до диктатуры.

В результате этого петербургский пролетариат, вписавший немало блестящих страниц в историю революционного движения, был демобилизован, ослаблен и обезоружен. Когда наступили решающие дни, он оказался неспособным на активные выступления»³.

Основная ошибка Петербургского совета проистекала из того, что он не сделал правильных тактических выводов из тех уроков, которые давали ноябрьские события. Он не учёл, что мирная политическая забастовка как исключительное средство борьбы уже стала себя изживать, что в порядок дня становилось вооружённое восстание, которое одно только способно было привести к свержению самодержавия.

В статье «Уроки московского восстания» Ленин объясняет, почему всеобщая забастовка после октября переросла в вооружённое восстание. «Забастовка выростала в восстание,— писал Ленин,— прежде всего, под давлением объективных условий, сложившихся после октября. Правительство нельзя уже было застигнуть врасплох всеобщей стачкой, оно уже организовало готовую к военным действиям контрреволюцию. И общий ход русской революции после октября, и последовательность событий в Москве в декабрьские дни поразительно подтвердили одно из глубоких положений Маркса: революция идёт вперёд тем, что создаёт сплоченную и крепкую контрреволюцию, т. е. заставляет врага прибегать к всё более крайним средствам защиты и вырабатывает таким образом всё более могучие средства нападения»⁴.

Всеобщая политическая стачка, таким образом, из главного средства борьбы превратилась в подчинённое. «Восстание становится главной, стачка — подсобной формой борьбы»⁵, — говорил Ленин. В «Тактической платформе к объединительному съезду РСДРП», написанной Лениным, эта мысль выражена с предельной ясностью: «...мирная всеобщая стачка оказалась при дальнейшем росте движения недостаточной, а частое применение её — не достигающим цели и расстраивающим силы пролетариата»⁶.

¹ Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 409—410.

² Ленин. Соч. Т. IX, стр. 116—117.

³ М. Н. Покровский даёт такое антимарксистское, антиленинское объяснение упадка активности петербургского пролетариата: «Пролетариат устал бороться, так как легко и быстро устаёт человек, у которого не ладится работа» (см. Покровский М. «Русская история в самом сжатом очерке». Ч. III, стр. 187).

⁴ Ленин. Соч. Т. X, стр. 48—49.

⁵ Ленин. Соч. Т. IX, стр. 165.

⁶ Там же, стр. 41.

Меньшевистские руководители Петербургского совета не сумели учесть этого нового фактора. Продолжая сеять своеобразные «конституционные иллюзии», они не призывали и не готовили массы к вооружённому восстанию. Тем самым Петербургский совет ослабил свои позиции и дал возможность врагу так легко одержать победу.

Период «равновесия» закончился не в пользу революции. Царское правительство готово было перейти в общее наступление. Предстояли решительные бои. В этих боях в первых рядах стоял московский пролетариат под руководством партии большевиков и Московского совета рабочих депутатов.

События, наступившие после 17 октября, с небывалой быстротой стали поднимать политическое сознание московского пролетариата. Рабочие Москвы поняли, что убийством выдающегося большевика Н. Э. Баумана агенты царского правительства хотели направить удар против рабочего класса и его большевистской партии. Дни после убийства Баумана (18 октября) были днями небывалого роста политической сознательности московского пролетариата. В это время возникла особая близость между большевистской партией и московским пролетариатом. И мы думаем, что с этих же дней ещё более вырастает влияние большевиков среди московских рабочих.

Процессия на похоронах Баумана 20 октября 1905 г. представляла невиданное до того в Москве зрелище. Больше ста тысяч рабочих по призыву МК явились проводить тело Баумана на Ваганьково кладбище. Похороны были как бы первым генеральным смотром революционных пролетарских сил. Силы эти оказались столь внушительны и дисциплинированы, что московская полиция не решилась вмешаться в демонстрацию и как будто в этот день куда-то исчезла.

Своей неутомимой работой в рабочих массах в «дни свободы» МК достиг того, что он стал общепризнанным руководителем московского пролетариата. Борьба московских большевиков в первых рядах пролетариата Москвы скрепила неразрывной связью большевистскую партию с широчайшими массами пролетариата и подняла её авторитет на громадную высоту. За сотнями большевистских активистов на фабриках и заводах шли тысячи и десятки тысяч беспартийных рабочих. Агитация и призывы МК и его районных организаций встречали самое горячее сочувствие у широких масс.

Результаты упорной, кропотливой работы большевистской организации в массах московского пролетариата сказались в декабрьском восстании. На баррикадах и на всех боевых участках рабочие массы вели бои под непосредственным руководством членов большевистской организации.

Революционные настроения и стремления московского пролетариата получили яркое выражение в деятельности Московского совета рабочих депутатов.

Московский совет рабочих депутатов возник значительно позднее Петербургского: первое его заседание происходило 21 ноября, т. е. за две недели до декабрьских событий. Столь позднее появление Московского совета на исторической сцене объясняется рядом причин.

До приезда из эмиграции в Россию В. И. Ленина среди части большевиков имело место совершенно ошибочное и вредное отношение к советам рабочих депутатов. Относясь к советам как к беспартийным рабочим организациям «низшего типа», многие большевики были склонны рассматривать их как стихийно возникшие организации, угрожавшие задержать политический рост пролетариата, оттеснить от него социал-демократию и тем самым подчинить его политическому влиянию буржуазии. Этих большевиков, растерявшихся перед лицом невиданной, гигантской

рабочей организации — Петербургского совета рабочих депутатов, — объединявшей сотни тысяч рабочих, пугал призрак «экономизма». Многие социал-демократы видели в растущем политическом значении Петербургского совета опасность ослабления авангардной роли социал-демократии и утраты пролетариатом роли гегемона в революции, поскольку он может подпасть под политическое влияние мелкобуржуазных элементов¹.

Эта «левацкая» точка зрения, выраженная в ряде статей газеты «Новая жизнь», получила вполне определённую формулировку и в официальных документах²: в резолюции Петербургского Федеративного совета РСДРП³ и в «Письме ко всем партийным работникам» ЦК РСДРП от 27 октября 1905 г. «Российская социал-демократия, — гласила резолюция Федеративного совета, — стоит в настоящий момент перед необходимостью открыто выступить в качестве партии пролетарских масс. На пути такого выступления она встречает политически неформленные и социалистически незрелые рабочие организации, создаваемые стихийно-революционным движением пролетариата. Каждая из таких организаций, представляющая известный этап в политическом развитии пролетариата, поскольку он стоит вне рядов социал-демократии, объективно оказывается перед опасностью задержать пролетариат на примитивно политическом уровне и тем подчинить его буржуазным партиям. Одной из таких организаций является Петербургский Совет рабочих депутатов.

Исходя из этого, Федеративный совет предлагал по отношению к совету рабочих депутатов следующую тактику: «1) Убеждать такие организации принять программу с.-д. партии как единственно соответствующую истинным интересам пролетариата. По принятии этой программы они, естественно, должны определить своё отношение к с.-д. партии, признать её руководство и в конечном счёте раствориться в ней (разрядка моя.—С. Ч.). В случае, если эти организации не стремятся к политическому руководству, а остаются лишь чисто профессиональными организациями, они исполняют определённую, чисто техническую функцию. 2) В случае отказа со стороны подобных организаций принять нашу партийную программу и принять иную какую-либо программу, с.-демократы должны выступить из них и разоблачать перед пролетарскими массами их антипролетарский характер. 3) Когда, наконец, организации отказываются принять ту или иную определённую программу и оставляют за собой право в каждом отдельном случае определять свою политику, с.-демократы останутся в них, доказывая как внутри этих организаций, так и в широких массах пролетариата всю бессмысленность подобного политического руководства и развивая свою собственную программу и тактику»⁴.

Эта резолюция рекомендовалась ЦК партии в «Письме ко всем партийным работникам» от 27 октября 1905 года.

Нет надобности после работ Ленина и Сталина о советах останавливаться на ошибочности и вредности этой резолюции, призывавшей партию вести борьбу с советами.

Приезд Ленина 8 ноября и появление в «Новой жизни» ряда его статей, в которых он выяснил природу, характер и значение советов как органа восстания, объединяющего всю революционную демократию, как за-

¹ Некоторые основания для подобных опасений были. Петербургский пролетариат, вписавший немало блестящих страниц в историю революционного движения, всё более демобилизовался и ослаблялся троцкистским руководством Петербургского совета, во главе которого оказался беспринципный авантюрист Хрусталёв-Носарь.

² Надо иметь в виду, что до приезда Ленина большим влиянием в ЦК пользовался Богданов, будущий «отзовист» и лидер «левацкой» группы «Вперёд».

³ Орган, временно объединивший центры большевиков и меньшевиков.

⁴ Цит. по книге Васильева-Южина М. «Московский совет рабочих депутатов в 1905 г.», стр. 16—17. М. 1925.

чаток революционной власти, положили в среде большевиков конец всяким шатаниям в этом вопросе¹.

Московский комитет большевиков, не принимавший активного участия в дискуссии о советах, занимал в этом вопросе выжидательную позицию. К тому же московская организация большевиков пользовалась таким влиянием в среде широких масс московского пролетариата, что после окончания октябрьской стачки, как ей казалось, не было настоятельной необходимости к организации совета как политического руководителя и организационного центра массовых выступлений московского пролетариата.

В ходе забастовки в конце сентября и в октябре в Москве возникли следующие советы рабочих депутатов: совет депутатов типографских рабочих (первое собрание состоялось 25 сентября 1905 г.), совет депутатов пяти профессий (образовался 2 октября 1905 г.)², совет депутатов столярного производства. Но это были организации для руководства стачкой рабочих определённых профессий, не претендовавшие на какое-либо политическое руководство. Это были, в сущности, рабочие организации профсоюзного типа. Об этом свидетельствуют документы этих «советов». Например, в воззвании наиболее крупного из них — совета депутатов пяти профессий — так определяются задачи и цели депутатов: «Без спроса депутатов никто не должен приниматься на работу, ни увольняться; при их участии должны устанавливаться правила внутреннего распорядка и все таблицы и расценки. Депутаты должны быть представителями нашими перед фабричной и правительственной администрацией. Пусть ни одно заявление, ни одно требование не идёт помимо депутатов и не иначе, как через депутатов. Только таким образом мы противопоставим силе капитала силу объединённых рабочих».

Совершенно очевидно, что тут мы имеем дело со стачечной организацией, возникшей в ходе стачки и продолжавшей своё существование после неё уже в виде профсоюзной организации. Такие организации под разными названиями — «Советы депутатов», «Советы уполномоченных» — возникали во время стачек и до 1905 г. и играли большую, но не руководящую роль в рабочем движении. За отсутствием в царской России профессиональных организаций они брали на себя функции профсоюзов. До всеобщей октябрьской забастовки, особенно под влиянием иваново-вознесенской стачки, всё чаще повторяются в воззваниях и требованиях рабочих призывы к организации «советов депутатов». В так называемые «дни свободы» советы депутатов различных профессий создавались в значительном количестве. Организацией их особенно усиленно занимались московские меньшевики, пытавшиеся таким путём укрепить своё слабое влияние в рабочих массах. В меньшевистской газете того времени — «Московской газете» — можно было почти в каждом номере прочитать извещения о собраниях таких «советов» и проекты их уставов. Последние свидетельствовали о том, что это были несовершенные зачатки профсоюзных организаций. И действительно, многие из этих советов в дальнейшем своём развитии пошли не по пути превращения в советы рабочих депутатов, а послужили исходным началом для профсоюзов³. «Роль Совета, как организатора профессиональных союзов, как инициатора анкет, как примирительной камеры и т. п., — писал Ленин, — была совершенно побочная...»⁴. Основное историческое значение советов рабочих депута-

¹ К сожалению, письмо Ленина в редакцию газеты «Новая жизнь» — «Наши задачи и Совет рабочих депутатов» — не было тогда напечатано и было опубликовано в «Правде» лишь в 1940 году.

² Типографщики, рабочие механического производства, столяры, табачники и железнодорожники.

³ К такому выводу приходит и А. М. Панкратова в своей статье «Текстильщики в революцию 1905—1907 гг.», написанной на основе большого фактического материала. См. сборник «Пролетариат в революцию 1905—07 гг.», стр. 108. Гиз. 1930.

⁴ Ленин. Соч. Т. IX, стр. 399.

тов в 1905 г., по гениальному определению В. И. Ленина, заключалось в их политической роли, как органа революционной демократии, подготовляющего и возглавляющего восстание, как органа революционной власти в результате победоносного восстания.

Как увидим ниже, лишь незначительная организационная связь существует между московскими профессиональными «советами» и будущим Московским советом рабочих депутатов, возникшим в ноябре 1905 года.

Вопрос об организации совета рабочих депутатов встал практически перед Московским комитетом партии в начале ноября 1905 года. К этому времени, во-первых, окончились всякие шатания в вопросе о советах и была усвоена ленинская оценка политической роли и значения советов. Во-вторых, стало ясно, что революция стремительно приближается к вооружённому восстанию и совет рабочих депутатов необходим как орган, подготовляющий и руководящий восстанием. Наконец, были специфические московские условия, заставившие большевиков торопиться с организацией совета.

Дело в том, что в ходе всеобщей октябрьской забастовки в Москве возник Стачечный комитет. Это не была чисто пролетарская организация: в него входили как представители рабочих, так и представители интеллигентских союзов (инженеров, врачей, адвокатов и пр.), объединённых в «Союз союзов». При этом последние оказались в Стачечном комитете в подавляющем большинстве. Во время забастовки Стачечный комитет никакой политической роли не играл; его основная задача заключалась в собирании денежных средств для поддержки бастующих, и в этом отношении он действительно принёс некоторую пользу. Однако по окончании октябрьской забастовки Стачечный комитет начал претендовать на политическое руководство движением.

Самый состав Стачечного комитета в значительной степени обуславливал его кадетскую политику, рассчитанную на то, чтобы затормозить революцию, не дать ей разрастись до вооружённого восстания. Достаточно сказать, что после объявления манифеста 17 октября Московский стачечный комитет постановил немедленно прекратить забастовку и послал приветственную телеграмму графу Витте¹.

В интересах успешного развития революции необходимо было повести борьбу за ликвидацию Стачечного комитета. В этих целях московские большевики в начале ноября повели агитацию за выход рабочих представителей из Стачечного комитета и за организацию совета рабочих депутатов. Но предварительно Московский комитет пытался разрешить этот вопрос «мирным путём», для чего им был внесён в Стачечный комитет следующий проект резолюции: «Московский Стачечный комитет, находя дальнейшее своё существование нецелесообразным, объявляет себя распущенным и предлагает всем рабочим и служащим в нём представленным, организовавшись, примкнуть к создаваемому Московскому Совету рабочих депутатов». Громадным большинством Стачечного комитета эта резолюция была отвергнута².

С этого времени и начинается подготовительная работа по организации Московского совета рабочих депутатов. Агитация большевиков за выход из Стачечного комитета рабочих представителей и организацию совета протекала успешно. На ряде рабочих собраний принимались соответствующие решения. Так, 2 ноября на собрании совета депутатов пяти профессий, на котором присутствовало 250 депутатов от 70 предприятий, было выражено недоверие Стачечному комитету и решено выбирать депутатов в районные и общегородской советы рабочих депутатов.

¹ Автор этой работы, неоднократно посещавший заседания Стачечного комитета, всякий раз уходил оттуда под неприятным впечатлением, что он присутствовал на кадетском собрании.

² «Русское слово» № 251 от 5 ноября 1905 г. «В Стачечном комитете».

Вскоре вынес такое же решение «Союз работников печатного дела», представители которого входили в Стаечный комитет. «Принимая во внимание,— гласила резолюция печатников,— что Стаечный комитет не представляет из себя истинно рабочей организации, и что в настоящее время для необходимого объединения всех действий организуется Совет рабочих депутатов, общее собрание постановило: 1) отозвать своего представителя из Московского стачечного комитета, 2) содействовать возникновению правильно избранного Совета, 3) предложить правлению на предстоящем первом¹ собрании рабочих депутатов являться временным представителем московских рабочих печатного дела и вместе с тем организовать в возможно скором времени специальные выборы в Совет депутатов» (разрядка моя.—С. 4.). 8 ноября состоялось собрание рабочих Брестской (ныне Белорусской) железной дороги, на котором было вынесено такое же решение с предложением Стаечному комитету «все свои средства, собранные для помощи бастующим рабочим, передать в Совет депутатов»². 15 ноября такое же решение было вынесено на многочисленном собрании рабочих в театре «Аквариум».

В это же время в некоторых районах Москвы рабочие приступили к выборам депутатов в районные и общегородской советы рабочих депутатов. 11 ноября в Лефортовском районе на собрании представителей 50 предприятий района были выбраны в Московский Совет 34 депутата³. Были выбраны депутаты и в Пресненском, Хамовническом и Городском районах.

В ряде районов ещё до образования Московского совета рабочих депутатов стали функционировать районные советы. Так, 13 ноября происходило заседание Пресненско-Хамовнического совета, на котором был сделан доклад о роли и значении советов рабочих депутатов. В тот же день состоялось собрание совета депутатов Лефортовского района. 17 ноября на собрании совета рабочих депутатов Городского района, на котором присутствовало 64 депутата, делал доклад представитель Московского Федеративного комитета большевиков и меньшевиков с деятельности Московского совета.

К 20 ноября была закончена вся подготовительная организационная работа по созданию Московского совета рабочих депутатов: рабочие представители ушли из Стаечного комитета⁴, были выбраны депутаты по районам, начали функционировать районные советы. Московский совет рабочих депутатов мог приступить к работе. 21 ноября 1905 г. состоялось его первое заседание.

До официального открытия Московского совета рабочих депутатов происходило несколько предварительных, подготовительных собраний депутатов. Об этом писал делегированный Петербургским советом в Москву для помощи в организации совета Степан Голубь в своём письме-отчёте председателю Петербургского совета Хрусталёву. С. Голубь пишет: «На заседании Федеративного Совета мы выяснили себе

¹ «Русское слово» № 302 от 16 ноября 1905 года.

² «Московская газета» № 2 от 11 ноября 1905 года.

³ «Московская газета» № 4 от 13 ноября 1905 года.

⁴ Интересна дальнейшая судьба Стаечного комитета. Его либеральные заправилы не без основания сопротивлялись образованию Совета рабочих депутатов. Лишившись рабочих представителей, Стаечный комитет, оставшийся при одних адвокатах, инженерах, судейских чиновниках и прочих мелкобуржуазных элементах, стал умирать естественной смертью вследствие бесцельности своего существования. Он ещё пытался некоторое время цепляться за жизнь. По уходе рабочих представителей Стаечный комитет для расширения своей деятельности решил «допустить в свой состав все организации непролетарского характера, не признающие забастовку выгодным средством борьбы с существующим режимом» («Русское слово» № 321 от 5 декабря 1905 г.), т. е. Стаечный комитет решил стать открыто контрреволюционной организацией для борьбы с забастовочным движением. Впрочем, эту роль ему играть не удалось: в дни декабрьского восстания он прекратил своё существование.

окончательно, что организуемый Совет рабочих депутатов имел уже несколько предварительных собраний, на которых присутствовало 200 делегатов, что в него входят представители семидесяти производств и что в понедельник 21 ноября будет полное собрание делегатов»

Московский совет возник в такое время, когда период равновесия кончился. Царское правительство готовилось к разгрому революции и переходило в наступление. Уже разгорались первые бои, в воздухе пахло вооружённым восстанием. В этих условиях Московский совет не мог быть ничем другим, как только органом восстания. Опыт Петербургского совета был поучителен. Блестящие ораторские выступления и яркие резолюции, не подкреплённые вооружённой силой, не могли быть противопоставлены собравшейся с силами контрреволюции. Оружие всеобщей политической забастовки также оказалось недостаточным в качестве основного средства борьбы. Царское правительство теперь располагало достаточными средствами для подавления забастовки.

Реальной революционной силой, способной отразить нападение вооружённой до зубов контрреволюции и в подходящий момент перейти в наступление, мог быть вооружённый пролетариат. Московские рабочие, осознавшие это, рвались в бой и требовали оружия. Московская большевистская организация не в состоянии была удовлетворить растущих требований рабочих. Вооружались чем могли, ковали холодное оружие. Такая революционная устремлённость московского пролетариата была результатом долгой и упорной работы большевиков, приведшей к завоеванию масс.

Московский совет рабочих депутатов в своей деятельности вполне отразил эти революционные настроения. Руководящую роль в Московском совете играли большевики, пользовавшиеся громадным политическим влиянием в рабочей массе, неустанно призывавшие её готовиться к вооружённому восстанию и немало труда положившие для его подготовки. Эта руководящая роль определилась не тем, что большинство депутатов состояло из членов большевистской партии. Нет, большинство депутатов были беспартийные, но эти беспартийные шли за большевистской партией, которую они считали своей верной руководительницей. Все постановления Московского совета, принимавшиеся единогласно, готовились Федеративным комитетом, который в свою очередь обычно утверждал проекты резолюций большевиков. Меншевики, потерявшие свои позиции на важнейших крупных предприятиях Москвы, чтобы окончательно не утратить связи с массами, вынуждены были в это время идти за большевиками. За московскими меньшевиками в то время установилась репутация «революционных меньшевиков»; такова была сила революционного напора московских рабочих масс¹.

Московский совет рабочих депутатов имел всего лишь пять заседаний: первое — 21 ноября, последнее — к концу восстания, 15 декабря².

¹ Это не помешало московским «революционным» меньшевикам после подавления декабрьского восстания покаяться в своих «революционных» грехах.

² О работе Московского совета сохранились весьма скудные сведения. Вследствие кратковременности своего существования Московский совет не успел как следует организовать свою работу; не было ни постоянного помещения, ни делопроизводителя. Не осталось ни протоколов, ни стенограмм заседаний Совета. Что касается архива московского охранного отделения, то в нём имеются лишь случайные сведения, а специального дела о Московском совете нет. Агентом охранного отделения, которое после октябрьской стачки вообще ещё не «пришло в себя» и работа которого была в значительной мере дезорганизована, не удавалось, повидимому, проникнуть на заседания Совета, который работал почти в нелегальных условиях. В своей неосведомлённости о деятельности Московского совета московская охранка признаётся в 1912 г. в ответе на запрос начальника губернского жандармского управления. «В делах отделения, — сообщает охранка, — имеются указания, что в 1905 г. действительно состоялся Московский совет рабочих депутатов, объявивший 7 декабря того года всеобщую политическую забастовку, с наме-

О первом заседании, происходившем на Поварской улице, в театре Гирш, мы имеем в общем совпадающие сведения из нескольких источников. Так, уже представитель Петербургского совета С. Голубь в письме Хрусталёву сообщал:

«Вчерашний день, 21, состоялось первое собрание Московского совета рабочих депутатов в количестве до 200 человек¹. Первым вопросом стоял доклад петербургского делегата о петербургских событиях и о деятельности Петербургского Совета депутатов. После (делегат.—С. Ч.) сделал подробный доклад об обстановке, которая привела петербургских рабочих к необходимости центральной выборной рабочей организации, каковой является Петербургский Совет рабочих депутатов, и сделал ряд практических предложений, которые были приняты единогласно. Совет выбрал временный Исполнительный комитет. В Исполнительный комитет входят официальные представители партий: большинства, меньшинства² и соц. револ., по два человека от каждой, с правом решающего голоса»³.

Краткие сведения о первом заседании имеются и в показаниях рабочего Прохоровской мануфактуры, повидимому, депутата Совета, Сергея Дмитриева, данных им московской охранке. По свидетельству Дмитриева «первое собрание было назначено на Поварской, в театре бывш. Гирш», и проходило в присутствии депутата из Петербурга. На собрании говорилось, что «роль Совета чисто политическая» и что Московский совет «должен собираться чаще, а остальные должны будут собираться порайонно»⁴.

Более подробные сведения о первом заседании имеются в воспоминаниях активного члена Исполнительного комитета Совета М. И. Васильева-Южина (представителя от МК большевиков): «На первом собрании был сконструирован руководящий и исполнительный орган Совета рабочих депутатов, который, как и в Петербурге, именовался Исполнительным комитетом. Основным ядром И. К. являлись представители от революционных партий. Мы, по уговору с меньшевиками, предложили ввести в И. К. по два представителя от большевиков, меньшевиков и социалистов-революционеров, с тем расчётом, чтобы в него вошёл целиком Федеративный комитет. Эсеры запротестовали, настаивая, чтобы большевики и меньшевики рассматривались как одна социал-демократическая партия. Голосованием предложение эсеров было провалено, причём обнаружилось, что рабочих, принадлежащих к партии с.-р., в Совете незначительное меньшинство... Кроме 6 представителей от партий, в состав И. К. вошло человек 8 рабочих (кажется, все социал-демократы) в качестве представителей районов... Постоянного председателя в Совете не было; во всяком случае в качестве руководящего и рабочего органа действовал главным образом Президиум, состоявший из 6 чел. из числа членов И. К. В него целиком вошёл Федеративный комитет»⁵. Таким образом, руководящую роль в Московском совете играли большевики как руководящая партия Федеративного комитета. В обстановке бурно надвигающихся событий Московскому совету не удалось заняться своей собственной внутренней организацией, и до последнего дня он работал «на колёсах», без аппарата, без делопроизводства, без постоянного помеще-

реннем перевести её в вооружённое восстание, но подробных сведений об этой организации и лицах, её составлявших, в отделении нет». Источниками, по которым можно до известной степени воссоздать картину деятельности Московского совета, являются московские газеты того времени — «Русское слово», «Вперёд», «Московская газета», «Борьба», — а с 7 декабря единственно выходившая в дни восстания газета «Известия Московского совета рабочих депутатов», а также воспоминания революционных деятелей.

¹ По сообщению «Русского слова» № 309 от 23 ноября 1905 г., присутствовало 180 депутатов от 80 тыс. рабочих.

² То есть большевиков и меньшевиков.

³ Сборник «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.», стр. 217. М. 1920.

⁴ Там же, стр. 219—220.

⁵ Васильев-Южин М. Цит. соч., стр. 32—33.

ния. И, тем не менее, политическое значение и руководящая роль Московского совета были огромны.

В № 1 «Известий Московского Совета Рабочих Депутатов» в заметке «Московский Совет рабочих депутатов» даётся правильная его характеристика: «Во всех своих решениях он дружно идёт вместе с революционными социалистическими партиями, лишней раз показывая этим, что рабочий сознал, где его друзья, и прямой дорогой идёт к социализму».

Резолюция Московского совета рабочих депутатов, внесённая Федеративным комитетом и принятая на первом заседании, 21 ноября, была проникнута революционной решимостью и призывала к сплочению пролетарских сил. Принятая в такой момент, когда уже не оставалось никаких сомнений, что решительное столкновение с контрреволюцией неизбежно, резолюция мобилизовала массы для решительных боёв. «...Московский пролетариат спешно и энергично готовится к предстоящему решительному бою со своими заклятыми врагами, — говорилось в первой части резолюции. — Царское правительство и капиталисты заключили союз, выбрасывая рабочих с казённых и частных фабрик и заводов; они хотят разбить пролетариат в отдельных схватках.

Этому преступному союзу самодержавия и капиталистов рабочий класс всей России должен противопоставить свой грозный союз. Наша сила в организованности и взаимной поддержке.

Поэтому Московский СРД будет содействовать всеми силами объединению рабочих всей России и поручает своему Исполнительному Комитету письменно и через делегатов связаться с рабочими организациями других городов.

МСРД не сомневается, что в решительном бою со своими врагами пролетариат не будет одиноким; революционное крестьянство и проснувшаяся армия будут его верными союзниками...»

Во второй части резолюции Московский совет высказывался против разрозненных выступлений рабочих за введение 8-часового рабочего дня. Полагая, «что такое важное завоевание может быть достигнуто не разрозненной борьбой рабочих отдельных фабрик и даже городов, но лишь объединёнными силами всего российского пролетариата», резолюция рекомендовала «приостановить на время эту борьбу с тем, чтобы, организовавшись, возобновить её сразу во всей России...» В таком же духе высказался Московский совет и по вопросу отдельных забастовок — «в интересах сбережения сил и укрепления организации для предстоящей решительной борьбы».

Таким образом, это первое постановление свидетельствует о том, что Московский совет правильно понял политическую обстановку и свои задачи. Во-первых, надо было организовать и готовить силы пролетариата для предстоящих решающих боёв; во-вторых, устранить всякие частные выступления, распыляющие силы пролетариата и отвлекающие его от основной задачи; и, наконец, посылить помощь сплочению пролетариата во всероссийском масштабе для обеспечения победы в предстоящем восстании. Вместе с тем, Московский совет отдавал себе ясный отчёт в том, что победа рабочего класса может быть достигнута только в союзе с революционным крестьянством и армией. «Преступному союзу самодержавия и капиталистов, — заявлял Московский совет, — рабочий класс всей России должен противопоставить свой грозный союз».

Буржуазия укрепляла позиции самодержавного правительства не только переговорами с ним о дележе власти: она оказывала ему существенную помощь дезорганизацией рядов пролетариата. В то время когда пролетариат готовил свои силы для нанесения решительного удара по царизму, капиталисты при поддержке правительства локаутами обрекали рабочих на голод. Московский совет в ответ на предательское поведение буржуазии заявлял, что перед пролетариатом стоит задача нанести сокру-

шительный удар не только по самодержавию, но и по его союзнику буржуазии.

Обращает на себя внимание и отношение Московского совета к введению революционным путём 8-часового рабочего дня. Эту тактику проводил Петербургский совет. В начале Октябрьской забастовки, когда царское правительство было дезорганизовано и Петербургский совет был апогеем своей силы и власти, это удавалось. Буржуазия была бессильна сопротивляться революционному напору рабочих масс. Но в ноябре, когда паризм собрался с силами и перешёл в наступление, капиталисты ответили на «самочинные действия» рабочих локаутами. Революционное введение 8-часового рабочего дня было крайне непрочным и недолговечным. Московский совет отрицательно отнёсся к партизанским методам введения 8-часового рабочего дня, что он и выразил в резолюции.

Правительство продолжало наступление. Оно перешло к прямой атаке, направив главный удар на Петербургский совет рабочих депутатов. 26 ноября председатель Петербургского совета был арестован. Это был вызов пролетариату. В то же время в Москве началось брожение среди войск гарнизона. Надвигалось решительное столкновение между пролетариатом и силами контрреволюции.

В этой напряжённой обстановке 27 ноября проходило в городе заседание Московского совета в доме Хлудова, на Рождественке, в помещении Бюро содействия труду.

Первая часть заседания была посвящена организационным вопросам. Из них следует отметить два вопроса, весьма характерные для Москвы. Было принято решение о повышении нормы представительства в Совет вместо одного представителя от 500 рабочих (как было установлено на первом заседании) было решено посылать одного от 400 человек, так как опыт выборов в Совет обнаружил, что Москва — город с большим числом средних предприятий с количеством рабочих менее 500. Затем поступило предложение предоставить право профессиональным союзам также посылать в Совет по одному депутату от каждых 500 членов. Это предложение было внесено и усиленно поддерживалось меньшевиками, перенесшими центр тяжести своей работы в возникавшие в то время профсоюзы и пытавшимися через них укрепить свои позиции в рабочих массах. Меньшевики таким путём хотели создать в Совете искусственное меньшевистское большинство. В таком виде предложение меньшевиков провалилось, но было решено допустить по одному депутату от каждого профсоюза с числом членов более 500 человек¹. Хитрый маневр меньшевиков не удался. Были попытки проникнуть в Совет и со стороны профессиональных союзов непролетарского или смешанного типа (профсоюзы служащих или рабочих и служащих), близких к соглашательскому Стачечному комитету. Относительно представительства этих союзов Совет становил разрешать вопрос по рассмотрении заявлений в каждом отдельном случае. Так например относительно союза почтово-телеграфных служащих было постановлено допустить депутатов с совещательным голосом².

В результате обсуждения чисто московских дел, связанных с экономическим стачечным движением (в Москве в это время бастовало около 16 тыс. рабочих)³, и провокационного вызова со стороны фабрики Жиро, выбросившего на улицу забастовавших рабочих⁴, было приня-

¹ «Вперёд» № 2 от 3 декабря 1905 года.—В то время профсоюзное движение находилось в зачаточном состоянии. Профсоюзов с числом членов более 500 было очень немного.

² «Борьба» № 5 от 2 декабря 1905 года.

³ «Русское слово» № 315 от 29 ноября 1905 года.

⁴ «Борьба» № 4 от 5 декабря 1905 года.

решение о создании при Совете стачечного фонда и фонда борьбы. Затем Совет перешёл к обсуждению вопроса о политическом положении в стране. Уже на втором заседании под впечатлением петербургских событий, брожения среди солдат московского гарнизона и нарастающего наступления капиталистов на рабочих большинство депутатов высказывало мнение, что дальше так жить нельзя, что настало время ответить реакции всеобщей забастовкой.

Но 27 ноября Московский совет не мог ещё принять на себя ответственность и руководство политической жизнью всей страны: он был для этого ещё не достаточно авторитетен. Неизвестно было, как ответит на наступление контрреволюции «старший собрат» — Петербургский совет, ещё не утративший роли общепризнанного представителя всероссийского пролетариата. Правда, были среди членов Московского комитета сторонники немедленного, решительного выступления. Наиболее ярким выразителем этих настроений был М. И. Васильев-Южин, который в 1925 г. в своих воспоминаниях писал: «Я до сих пор убеждён, что мы совершили тогда грубую, непоправимую ошибку»¹. Но, конечно, прав был МК, отвергший предложение Васильева-Южина о немедленном выступлении, и представитель ЦК в Московском комитете В. Л. Шанцер (Марат), заявивший, по словам Васильева-Южина: «Не уведолив Петербург, я не могу решиться на такой шаг»².

27 ноября это решение было единственно правильным, так как не было оснований предполагать, что Петербургский совет окажется бессильным перед лицом надвигавшихся грозных событий.

Обсудив вопрос об общеполитическом положении в стране в связи с арестом председателя Петербургского совета, Московский совет рабочих депутатов принял следующую резолюцию: «Московский Совет рабочих депутатов постановил чутко прислушиваться к ответу петербургских рабочих на дерзкий вызов правительства и присоединиться к борьбе, как только они решат дать сражение врагу»³.

Но Московский совет отнюдь не собирался пассивно ожидать, когда начнёт действовать петербургский пролетариат. Московский совет отдавал себе ясный отчёт в том, что на этот раз дело приближается к исторической развязке. На том же заседании, 27 ноября, он принял два воззвания — «К рабочим и гражданам» и «К армии». В первом воззвании Московский совет заявлял, что «день решительной битвы народа за свою свободу близок», что «эта битва должна кончиться полной победой, так как у пролетариата на этот раз будут сильные союзники в лице революционного крестьянства и революционной армии». «Будем же бодро и деятельно готовиться к решающему бою, и да здравствует победа, да здравствует демократическая республика» — такими словами заканчивается воззвание⁴.

В воззвании к армии, принятом в связи с революционными выступлениями солдат московского гарнизона, Совет выражал уверенность, что «недалёк тот день, когда пролетариат, революционное крестьянство и лучшая часть армии соединёнными силами опрокинут ненавистное царское правительство». Поэтому Московский совет рабочих депутатов призывает пролетариат Москвы «с удвоенной энергией организовать и готовиться к решительному выступлению, которое должно сопровождаться всенародным вооружённым восстанием и кончиться полным освобождением угнетённого народа»⁵.

После второго заседания Московского совета началась усиленная подготовка к восстанию. Шли лихорадочные поиски и изготовление ору-

¹ Васильев-Южин М. Цит. соч., стр. 58.

² Там же, стр. 59. Подробности воспоминаний, см. там же, гл. VII, стр. 45—65.

³ «Вперёд» № 2 от 3 декабря 1905 года.

⁴ «Вперёд» № 1 за 1905 год.

⁵ «Вперёд» № 2 за 1905 год.

жия, особое внимание уделялось работе в армии. Московский совет рабочих депутатов во главе с большевиками пытался организовать совет солдатских депутатов. Рабочие горячо принялись за пропаганду среди солдат в казармах. Оживилась деятельность районных советов, которым в скором времени предстояло сыграть ответственную роль в восстании.

События нарастали ускоренными темпами. Царское правительство методически продолжало наступление на революцию. Уже не оставалось никаких сомнений, что правительство намерено немедленно навязать пролетариату решительный бой.

Прошла всего неделя со времени второго заседания, и события подтвердили всю правильность оценки политического положения, данной Московским советом. В ответ на опубликованный 2 декабря Петербургским советом «Финансовый манифест»¹ правительство 3 декабря закрыло все газеты, напечатавшие манифест, и арестовало Исполнительный комитет Петербургского совета.

4 декабря состоялось третье заседание Московского совета. Все принятые на нём постановления выражали непреклонную волю пролетариата Москвы дать решительный отпор обнаглевшей реакции.

Прежде всего Московский совет постановил присоединить свою подпись к «Финансовому манифесту» и предпослать ему большое воззвание, которое широко распространить среди населения. Напечатанное в № 1 «Известий Московского Совета Рабочих Депутатов» воззвание рекомендовало населению отказаться от всякого рода казённых платежей, требовать при получении заработной платы и совершении всех сделок расчёта золотом, забрать вклады из ссудо-сберегательных касс и Государственного банка, требуя также уплаты золотом.

Затем обсуждалось политическое положение в стране. Из выступлений большинства депутатов было видно, насколько ясно представители московских рабочих сознавали всю серьёзность создавшейся политической обстановки и ту историческую ответственность, которая падала на московский пролетариат.

«Большинство депутатов, — читаем мы в отчёте об этом заседании в газете «Вперёд», — высказывалось в том смысле, что дальше ждать нечего. Довольно копить силы. Необходимо с завтрашнего же дня объявить всеобщую забастовку в Москве. Ряд депутатов указывал, что эта стачка уже не репетиция, а генеральный бой с самодержавием. Эта стачка должна перейти во всенародное вооружённое восстание. Надо взвесить всю важность нашего решения и потому, прежде чем объявить забастовку, надо разъяснить всем нашим избирателям важность данной забастовки и той ответственности перед рабочим классом России, которую берёт на себя Московский Совет рабочих депутатов, бросая первый лозунг всеобщего восстания».

Ввиду серьёзности вопроса и для более полного учёта настроения рабочих фабрик и заводов Москвы Московский совет вынес постановление: «Завтра (понедельник, 5 декабря) утром поставить этот вопрос на обсуждение рабочих всех фабрик и заводов Москвы и на следующем собрании Совета рабочих депутатов принять, в зависимости от решения пролетариата гор. Москвы, то или иное решение относительно призыва от имени Московского Совета рабочих депутатов к всеобщей забастовке»².

Вместе с тем Московский совет принимает постановление, в котором указывает, что «многие из московских полков готовы перейти на сторону восставшего народа», и призывает «рабочих быть готовыми в каждый

¹ «Финансовый манифест» призывал население к отказу от взноса выкупных и других казённых платежей и к получению обратно вкладов из сберегательных касс. Этот призыв был ударом в самое сердце самодержавия. Широкое распространение и успех манифеста среди населения окончательно обессилили бы царское правительство.

² «Вперёд» № 4 от 6 декабря 1905 года.

момент к всеобщей политической забастовке и вооружённому восстанию»¹.

Таким образом, 4 декабря Московский совет рабочих депутатов перестал возлагать надежды на инициативу Петербургского совета и решил взять дальнейшие судьбы революции в свои руки. Вера в силу и могущество Петербургского совета поколебалась. Приехавший в это время в Москву представитель ЦК партии тов. Любич также рекомендовал не особенно рассчитывать на Петербург и взять московскому пролетариату инициативу на себя².

Информация тов. Любича о петербургских делах укрепила мнение большинства членов МК, что московскому пролетариату придётся в ближайшие дни взяться за оружие и быть застрельщиком всероссийского вооружённого восстания. Историческая ответственность за объявление вооружённого восстания, таким образом, полностью падает на московских большевиков. История целиком оправдала декабрьские решения московских большевиков и Московского совета рабочих депутатов.

Заседание Московского совета 4 декабря закончилось рассмотрением вопроса о подготовляющихся черносотенных погромах и манифестациях. Московский совет рабочих депутатов в своём решении заявлял, что «черносотенным выпадам правительства и его подлых агентов московский пролетариат даст самый решительный отпор»³.

Дело в том, что на 6 декабря, в связи с именинами царя, на Красной площади был назначен молебен, после которого должна была состояться черносотенная демонстрация. Ходили слухи, что готовится черносотенный погром, направленный против студенчества, интеллигентов и евреев. Московский совет и МК в этот день мобилизовали все свои силы, чтобы воспрепятствовать погрому.

События 6 декабря показали, что «социальная база» самодержавия не вполне надёжна. После молебствия на Красной площади монархическая манифестация, организованная полицией, направилась к дому генерал-губернатора (ныне здание Моссовета) и стала «требовать» генерал-губернатора. Дубасов вышел на балкон и произнёс «патриотическую» речь, призывая народ к поддержке «обожаемого монарха» и на борьбу с революционерами. Но дело приняло совсем неожиданный для черносотенных организаторов оборот. Замешавшиеся в толпу революционные рабочие и вооружённые дружинники в самый разгар речи Дубасова крикнули: «Дружинники идут!» Дубасов тотчас исчез, а большинство черносотенцев рассеялось по переулкам Тверской улицы (ныне ул. Горького). Часть манифестантов, по призыву революционных агитаторов, с красными флагами направилась на митинг в «Аквариум». Так неудачно закончилась попытка московских властей привлечь к борьбе с революцией на свою сторону московское трудовое население. Правительство могло серьёзно рассчитывать только на силу оружия.

После третьего заседания вся деятельность Московского совета рабочих депутатов неразрывно переплетается с действиями масс, с всеобщей забастовкой, с вооружённым восстанием.

В тот день, когда происходил третий пленум Московского совета, состоялась общегородская конференция меньшевиков. Меньшевики также постановили готовиться к выступлению, однако в такой общей формуле,

¹ «Борьба» № 8 от 6 декабря 1905 года.

² Тов. Любич никакой прямой директивы ЦК о том, чтобы МК и Московский совет объявили вооружённое восстание, не привёз. Некоторые мемуаристы неправильно приписывают тов. Любичу такую роль, на которую он не был уполномочен ЦК. Так, это утверждает бывший в то время членом МК Доссер («Леший») в своих воспоминаниях, напечатанных в сборнике «Декабрь 1905 года на Пресне». С другой стороны, не раз цитировавшийся тов. Васильев-Южич писал, что «тов. Любич скорее старался нас сдерживать». И то и другое утверждение не соответствует действительности.

³ «Вперёд» № 8 от 6 декабря 1905 года.

что их решение не давало конкретного ответа на вопрос, как же немедленно реагировать на петербургские события и реакционные акты царского правительства. Обнадёженные прибывшими «товарищами из Петербурга», московские меньшевики вынесли решение ждать призыва «петербургского пролетариата», а впредь до призыва «усилить влияние московского Совета рабочих депутатов» и «революционизировать войска»¹. Иначе говоря, меньшевики собирались заняться длительной подготовкой к выступлению.

Состоявшееся 4 декабря заседание Московского совета большевиков, высказавшееся в своём подавляющем большинстве за немедленное выступление, постановило, однако, для полного выяснения настроения московских рабочих созвать 5 декабря городскую партийную конференцию с широким представительством от районов.

На конференции путём опроса многочисленных представителей фабрик и заводов выяснилось, что рабочие давно готовы к выступлению и «обижаются» на своих организаторов за то, что те до сих пор не призывают к забастовке. Делегат от происходившей в Москве конференции рабочих 29 железных дорог также заявил, что «конференция железнодорожников только что вынесла решение присоединиться к всеобщей политической забастовке и поддержать вооружённое восстание, если Московский Совет рабочих депутатов призовет к тому»².

Конференция почти единогласно постановила начать всеобщую забастовку. Большинство голосов решено было начать её 7 декабря. Оставались считанные часы для приведения московского пролетариата в боевую готовность. В течение 5 и 6 декабря происходили собрания представителей профорганизаций отдельных производственных групп рабочих и районные конференции социал-демократов, вынесшие постановления о присоединении к забастовке.

Наконец, 6-го же декабря состоялся пленум Московского совета, который принял окончательное решение о дне выступления. В большевистской газете «Борьба» так описывается это заседание: «Состоявшееся вчера, 6 декабря, заседание Московского Совета рабочих депутатов, на котором присутствовали делегаты от 91 производства, представители от конференции жел.-дор. союза, почт.-тел. съезда и пролетариата Царства Польского, всего в количестве 120 человек, долго останется в памяти присутствовавших. Сознание важности стоящего на очереди вопроса — решение всеобщей забастовки — придавало особенный тон дебатам и заставляло быть краткими в своих речах. После докладов товарищей — депутатов крупных заводов и фабрик — о настроении и подготовленности рабочих к забастовке была прочитана следующая резолюция, принятая рабочими типографии Кушнарёва: «Мы, рабочие типо-лиитографии Т-ва Кушнарёва, в общем собрании 5 декабря, рассмотрев всесторонне вопрос о политической забастовке и вооружённом восстании, постановили следующее: «Правительство сделало последнюю попытку нанести нам решительный удар: в Петербурге арестован Совет рабочих депутатов, собрания разгоняются — мы готовы ответить на этот вызов правительства всеобщей забастовкой, надеясь, что она может и должна перейти в вооружённое восстание».

Затем предоставляется слово представителю железнодорожной конференции, который передаёт мнение конференции о необходимости объявить немедленно всеобщую забастовку и что она ждёт решения Совета для отдачи распоряжения об этом по всем линиям. В таком же духе высказывается и представитель от польского пролетариата, который заявляет, что весь пролетариат в Польше вооружён. Представитель почтово-телеграфного съезда высказывается (заверяет?—С. Ч.), что хотя часть чинов-

¹ См. отчёт о заседании общегородской конференции меньшевиков в газете «Борьба» № 8 за 1905 год.

² Васильев-Южин М. Указ соч., стр. 81.

ников приступила к работам, но съезд приложит все усилия, чтобы при объявлении всеобщей забастовки почтово-телеграфные служащие всюду примкнули к ней.

Все говорившие по поводу забастовки ораторы единодушно высказывались за немедленное объявление её. «Московский пролетариат,— сказал один из ораторов, --- с нетерпением ждёт нашего решения, и мы должны его принять. Вся страна охвачена восстанием, и нам необходимо считаться с фактом».

После обсуждения этого вопроса было постановлено: «Московский Совет рабочих депутатов объявляет всеобщую политическую забастовку в среду, 7-го декабря, с 12 часов дня».

Затем было прочитано воззвание ко всем рабочим, солдатам и гражданам, предложенное Федеративным советом РСДРП и партией социал-революционеров. Выслушав это воззвание, Совет постановил присоединить к нему свою подпись и отпечатать.

Решение о забастовке и воззвании принимаются единогласно. Далее принимается предложение партий, чтобы руководство в эти дни борьбой пролетариата и его дальнейшими решительными актами принадлежало всецело Исполнительному комитету Совета рабочих депутатов и революционным партиям. Исполнительный комитет решено пополнить представителями из городских рабочих организаций и некоторых рабочих союзов.

По вопросу, каким предприятиям не бастовать, было принято следующее предложение Исполнительного комитета: «Водопровод на первое время забастовки работает. Булочные на окраинах могут быть открыты только лишь по разрешению Совета рабочих депутатов в том случае, если они не повысят цену на хлеб». Решено также потребовать закрытия винных лавок. Воровство и грабёж в городе будут строго преследоваться в дни выступления пролетариата: к ворам будут применяться репрессивные меры. После кратких дебатов решено было, чтобы электричество не функционировало и чтобы газеты не выходили. Исполнительный комитет во всё время забастовки будет выпускать «Известия Совета Рабочих Депутатов».

Утром 7 декабря повсюду должны быть устроены митинги и на них должны быть проведены решения Совета для того, чтобы к 12 часам дня вся заводская, фабричная и промышленная жизнь в Москве остановилась¹.

К этому надо прибавить те сведения, которые содержатся в газете «Жизнь» и которые показывают, каким большим влиянием в Совете рабочих депутатов пользовались большевики. «Представитель Московского Комитета РСДРП,— читаем мы,— сообщил, что общая конференция «большинства» решила в свою очередь этот вопрос (о всеобщей забастовке.—С. Ч.) в положительном смысле и предлагает Совету присоединиться к её решению. Предложение было принято единогласно».

Затем было принято воззвание «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам», под которым, кроме Совета, подписались Московский комитет, московская группа меньшевиков, Окружная организация РСДРП и Московский комитет партии социалистов-революционеров².

В воззвании была дана оценка внутреннего положения страны после 17 октября, которое характеризовалось как начавшееся наступление самодержавия на революцию. Оценивая планомерную террористическую политику против революционного народа как «издевательство и преступление царского правительства», воззвание объявляло ему «решительную и беспощадную войну». «Товарищи рабочие, — гласило воззвание, — мы,

¹ «Борьба» № 9 за 1905 год.

² Подлинник находится в Музее Революции СССР. Перепечатано из книги «1905. Большевицские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии», стр. 387—389 (1905. Материалы и документы под общей редакцией М. Н. Покровского) М. и Л. 1926.

избранные вами депутаты,— Московский комитет и группа РСДРП, Комитет партии социалистов-революционеров — объявляем всеобщую политическую забастовку и призываем вас в среду 7-го декабря, в 12 часов дня, бросить и остановить работы на всех фабриках и заводах, во всех городских и правительственных предприятиях. Да здравствует беспощадная борьба с преступным царским правительством!

Товарищи солдаты! Вы — наши кровные братья, дети единой с нами матери, многострадальной России. Вы уже сознали это и подтвердили участием в общей борьбе. Ныне, когда пролетариат объявляет ненавистному народному врагу — царскому правительству — решительную войну, действуйте и вы решительно и смело! Отказывайтесь повиноваться своему кровожадному начальству, гоните его прочь и арестовывайте, выбирайте из своей среды надёжных руководителей и с оружием в руках присоединяйтесь к восставшему народу. Вместе с рабочим классом добивайтесь роспуска постоянной армии и всенародного вооружения, добивайтесь отмены военных судов и военного положения.

Да здравствует союз революционного пролетариата и революционной армии!

Да здравствует борьба за общую свободу!

И вы, все граждане, искренне жаждущие широкой свободы, помогите восставшим рабочим и солдатам, чем только можете — и личным участием, и своими средствами. Пролетариат и армия борются за свободу и счастье всей России и всего народа. На карту поставлено всё будущее России: жизнь или смерть, свобода или рабство.

Соединёнными силами мы свергнем, наконец, преступное царское правительство, созовём Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и утвердим демократическую республику». Воззвание заканчивается лозунгами:

«Да здравствует всенародное Учредительное Собрание!»,

«Да здравствует демократическая республика!»

Вечером 6 декабря конференция делегатов 29 железных дорог присоединилась к постановлению Московского совета и также вынесла решение об объявлении всеобщей политической забастовки со среды 7 декабря¹. На вечернем заседании 6 декабря Всероссийский почтово-телеграфный съезд, обсудив резолюцию Московского совета, заявил, что он «всецело присоединяется» к этому решению, и «постановил продолжать почтово-телеграфную забастовку наравне со всем пролетариатом»².

Начиная с четвёртого заседания, 6 декабря, Московский совет, его исполнительный комитет и районные советы выступают как организаторы и руководители восстания и, в известной мере, как органы власти, рождавшейся в ходе восстания.

Энтузиазм, который царил в те дни в московских районах, твёрдость и решительность большевиков и Московского совета в вопросе о забастовке свидетельствовали, что последняя пройдёт дружно. И действительно, как было решено советом, с 12 часов дня 7 декабря забастовка началась. В первый день забастовало около 100 тысяч рабочих³. Ко второму дню число забастовщиков увеличилось до 150 тысяч⁴. Кроме рабочих к забастовке примкнули корпорации служащих Московской губернской земской управы, Московского общественного управления, городские инженеры и служащие страховых обществ. Присоединились к забастовке и профессиональные союзы техников, работников печатного

¹ «Борьба» № 9 за 1905 год.

² «Известия» № 1.

³ Там же.

⁴ «Известия» № 3.

дела, рабочих по благородному металлу, кондитеров, булочников, портных, служащих в пивных, башмачников и электротехников¹.

Московский генерал-губернатор Дубасов был ошеломлён силой разраставшейся забастовки и 7 декабря сообщал командующему войсками Московского военного округа о том, что намерен «сегодня же объявить город Москву и Московскую губернию в положении чрезвычайной охраны»². 8 декабря Дубасов телеграфировал министру внутренних дел: «Вчера дружно забастовали все железные дороги, кроме Николаевской. Не имея уверенности удержать от забастовки эту линию, прошу вашего ходатайства о присылке теперь же из Петербурга военной железнодорожной команды в необходимом составе»³.

Как же протекала забастовка? В первые дни московские рабочие находились как бы в выжидательном положении. Не переходя в наступление, они всё же готовились, как могли, на случай перерастания забастовки в вооружённое восстание. Происходили митинги, а также демонстрации с целью прекращения работы на действовавших фабриках и заводах или закрытия магазинов и винных лавок. Одновременно рабочие ковали холодное оружие — пики, кинжалы, шашки и т. д.

Следуя призыву Московского совета, рабочие старались привлечь на свою сторону солдат, присланных для их усмирения. При всяком удобном случае рабочие вступали в переговоры с солдатами, распространяя революционное настроение в войсках. В статье «Уроки московского восстания», высоко оценивая факты успешной борьбы рабочих за армию, Ленин писал: «Московский пролетариат дал нам в декабрьские дни великолепные уроки идейной «обработки» войска»⁴.

Московским военным властям пришлось вести отчаянную борьбу за «неблагонадёжный» московский гарнизон. «Правительство удерживало колеблющихся,— писал Ленин в той же статье,— самыми разнообразными, самыми отчаянными мерами: их убеждали, им льстили, их подкупали, раздавая часы, деньги и т. п., их спаивали водкой, их обманывали, их запугивали, их запирали в казармы, их обезоруживали, от них выхватывали предательством и насилием солдат, предполагаемых наиболее ненадёжными. И надо иметь мужество прямо и открыто признать, что мы оказались в этом отношении позади правительства. Мы не сумели использовать имевшихся у нас сил для такой же активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско, которую повело и провело правительство»⁵.

«В момент восстания мы были не на высоте задачи в борьбе за колеблющееся войско»⁶.

Несмотря на наличие положительных результатов большевистской работы в отдельных частях войск, эти слова Ленина целиком относятся к руководившей восстанием московской организации партии большевиков и Совету рабочих депутатов, которые не овладели ещё «искусством восстания». Им приходилось обучаться этому искусству в процессе борьбы.

В районах забастовкой, митингами и демонстрациями руководили районные комитеты большевиков и районные советы рабочих депутатов. Они пользовались большим влиянием и авторитетом в массах. Депутаты районных советов выступали на митингах как признанные руководители. Решениями районных советов руководствовались в действии. Районные советы нередко были местными штабами, разрабатывавшими планы рево-

¹ «Известия» № 3.

² Московское областное архивное управление, ф. московского генерал-губернатора, д. № 1540. 1905 г., л. 8.

³ Там же, л. 10.

⁴ Ленин. Соч. Т. X, стр. 51.

⁵ Там же, стр. 50.

⁶ Там же, стр. 51.

люционных действий. Они превращались в органы, предвосхитившие ревкомы октябрьских дней 1917 года.

Районные советы принимали меры против возможной деморализации в рядах рабочей массы. Они закрывали винные лавки и пивные. Собрание депутатов Лефортовского совета обратилось 11 декабря ко всем рабочим с воззванием, в котором предлагало водки не пить, никаких насилий и разгромов не производить и забастовку кончать только по постановлению Совета. «Иначе даром пропадут все ваши усилия, и снова настанет прежняя тяжёлая, проклятая жизнь. Не унывайте и боритесь до конца! Да здравствует свобода! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!»¹.

9 декабря Замоскворецкий совет рабочих депутатов среди других решений постановил: 1) потребовать от Думы низложить (слезить? — С. Ч.) свои полномочия и предоставить свои капиталы в распоряжение Совета рабочих депутатов; 2) закрыть черносотенные чайные Уралова и пр.; 3) в случае крайней необходимости организовать захват крупных продовольственных магазинов².

На заседании Бутырского совета рабочих депутатов 10 декабря обсуждалось предложение одного депутата машиностроительного завода отлить медные пушки. Предложение было отвергнуто как невыполнимое.

11-го числа состоялось собрание Замоскворецкого совета рабочих депутатов. «Были прочитаны и единогласно приняты директивы Федеративного совета РСДРП. На военное время избрана исполнительная комиссия для руководства движением в районе: в неё, кроме одиннадцати депутатов, входят и по два представителя от партий»³.

В первые дни, когда ещё не была порвана связь центра с районами, забастовка протекала под руководством Исполнительного комитета Московского совета. Авторитет его в районах был бесспорен. Директивы его были обязательны. Это наглядно видно из сопоставления решений Исполнительного комитета Московского совета и решений районных советов за дни 7, 8 и 9 декабря.

«Исполнительный Комитет Московского Совета Рабочих Депутатов в своём заседании 7 декабря постановил:

- 1) 8-го числа утром снять с работы фабрики, не присоединившиеся 7-го числа к всеобщей забастовке.
- 2) Каждое утро должны устраиваться заводские собрания, либо в особых помещениях, либо на самой фабрике, для выяснения положения дел.
- 3) Ежедневно должны собираться районные собрания Московского Совета Рабочих Депутатов, на которых передаются к исполнению постановления Исполнительного Комитета Московского Совета Рабочих Депутатов.
- 4) Ежедневно должны устраиваться общие митинги.
- 5) «Известия МСРД» должны выходить ежедневно.
- 6) Для охраны имущества, сторожа на заводах и фабриках должны оставаться на своих постах, над ними устанавливается контроль из рабочих. МСР Депутатов организует на дальнейшие дни забастовки собственные кадры для защиты имущества от воров и громил.
- 7) Вследствие заявления от хозяев чайных лавок, постановлено чайные лавки (без продажи крепких напитков) к открытию разрешить, при условии свободного устройства в них собраний.
- 8) Потребительские лавки, в коих рабочие артели забирают товары, к открытию разрешить, при условии отпуска рабочим в кредит.
- 9) Рабочие приостанавливают на время забастовки уплату денег за квартиры. Предварительно районные собрания МСРД вырабатывают общий план для более широкого осуществления данного постановления.
- 10) При остановке парового отопления на фабриках должны обращать

¹ «Известия» № 6.

² «Известия» № 5.

³ «Известия» № 6.

внимание, чтобы не вносить нарушения в отопление всех жилищ и кухонь рабочих»¹.

«На заседании 8 декабря Исполнительный Комитет Московского Совета Рабочих Депутатов постановил:

1) Продолжать увеличивать и укреплять районные Советы депутатов и стараться созывать их ежедневно, устраивать митинги на фабриках и заводах и усиленно готовиться к вооружённому восстанию; по окончании митингов обходить с флагом и пением свой район, закрывать фабрики, заводы, магазины и лавки, которые продолжают работать. 2) При появлении войск стараться вступить с солдатами в разговоры и действовать на них товарищеским словом, заготовлять флаги с обращением к солдатам. Открытого столкновения стараться пока избегать и давать вооружённый отпор при особенно вызывающем поведении войск. 3) Ввиду того, что целый ряд магазинов, лавок (в частности мелочных) спрашивают у Совета депутатов разрешения на право торговли, районные собрания депутатов должны определить — открытие каких из них является нужным. Согласно их постановлению Исполнительный комитет выдаёт разрешение при условии продажи продуктов по особым ценам и открытия кредита для бастующих рабочих. 4) Принимая во внимание заявления инженеров и рабочих-депутатов газового завода, подтверждённое рабочим правлением городских служащих и корпораций средних техников, что полная забастовка газового завода поведёт к взрывам и порче газовой сети до лета 1906 года, — допускать работу на этом заводе в минимальном размере, для чего оставить мастеров Базурина и Богатого и одного техника по сети. Вместе с тем, для приостановки уличного освещения, предложить окончить (прекратить? — С. Ч.) работу по зажиганию газовых фонарей. 5) Разрешить работу по канализации»².

Как эти постановления претворялись в жизнь, можно видеть из решений районных советов. Так, на заседаниях Хамовнического Совета рабочих депутатов от 8 декабря, на котором присутствовало 78 депутатов, было решено: «1) Безусловно закрыть: а) лавки и магазины, торгующие предметами не первой необходимости, б) трактиры с продажей спиртных напитков, в) трактиры черносотенные. Лавки же, торгующие предметами первой необходимости, открыть при условии, что они откроют кредит бедному люду, не повышая цены; 2) принять все меры к немедленному устройству митингов на фабриках и заводах, а проведение в жизнь этих постановлений поручить соответствующим делегатам; 3) просить Исполнительный комитет Совета РД выяснить вопрос о приостановке паровых отоплений; 4) проведение в жизнь постановлений и контроль над проведением поручить вновь организованному бюро».

Таким образом, пока центр Москвы не был отрезан от районов, между ними происходила непрерывная связь. Московский совет превращался в орган революционной власти в городе. Его решения распространялись на многие стороны городской жизни. Районные советы были опорой Московского совета и зародышем революционной власти на местах.

Руководители движения сознавали, что забастовка неизбежно выльется в вооружённое восстание, но, тем не менее, старались этот момент отдалить, полагая выиграть время и путём агитации вовлечь в движение как можно более широкие массы для увеличения вооружённых сил революции. Поэтому в первые дни забастовки руководители в гораздо большей степени занимались организацией митингов, чем вооружённым восстанием. Такая неправильная тактика «оттяжки» ставила руководство восстанием в оборонительное положение и давала возможность противнику взять инициативу в свои руки. Руководители движения не усвоили... «положения Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное

¹ «Известия» № 2.

² «Известия» № 3.

правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное и а с т у п л е н и е»¹. Эту тактику «выжидания» следует признать грубейшей ошибкой, ослабившей силы восставших.

Но ход событий разрушал все планы руководящих организаций. Если революционные организации не хотели форсировать событий, то царское правительство вовсе не собиралось выжидать и уступать инициативу революционерам. Правительство начало с того, что попыталось обезглавить движение.

7 декабря, в первый день забастовки, московские власти арестовали Федеративный комитет, в который от Московского комитета большевиков входили Виргилий Леонтьевич Шанцер (Марат) и Михаил Иванович Васильев-Южин. Арест видного партийного руководителя В. Л. Шанцера был большим ударом по Московскому комитету. Однако остальной состав Московского комитета большевиков и Московского совета остался в неприкосновенности.

Московская полиция ослабила движение арестами рабочих-активистов в районах. Однако некоторым из них удалось избежать ареста.

Но это были лишь предварительные агрессивные шаги противника, взявшего инициативу в свои руки. На второй день забастовки, 8 декабря, царские власти приступили к более решительным действиям: впервые после издания манифеста 17 октября был арестован рабочий митинг, созванный революционными организациями в саду «Аквариум». Однако подавляющему большинству участников этого митинга, в том числе многим дружинникам, удалось выбраться из сада и избежать ареста. Многие из них в последующие дни играли крупную роль в восстании (например тов. Седой на Пресне). Из 5 тыс. участников митинга были арестованы только 37 человек².

В последующие дни, освоившись с положением, московские власти стали на путь кровавого подавления революции. Решив исправить ошибку, допущенную накануне в «Аквариуме», в ночь на 10 декабря они произвели вооружённый разгром дома Фидлера³.

Ещё до «дела Фидлера» начались вооружённые выступления рабочих; они вызывались большей частью нападением на рабочих со стороны драгунских и казачьих отрядов. Но эти выступления носили ещё случайный характер. Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов ещё надеялся подействовать на войско добрым словом и в своём постановлении от 3 декабря рекомендовал «открытого столкновения стараться пока (разрядка моя. — С. Ч.) избегать и давать вооружённый отпор только при особенно вызывающем поведении войска».

Развернувшаяся вооружённая борьба и расстрел войсками дома Фидлера были прологом московского вооружённого восстания. После этого «дела» уже не могло быть отступления ни с одной стороны. Правительство этим актом показало, что оно решило отказаться от колебаний и полумер. Мирная забастовка окончилась. Наступило время вооружённой борьбы. В ночь на 10 декабря на своём последнем, перед арестом, заседании Федеративный совет постановил начать баррикадную борьбу.

Так, обе борющиеся стороны буквально в один и тот же час провозгласили с одной стороны вооружённое восстание, с другой — решительное подавление его.

Если вечером 9 декабря баррикады строились случайно, с целью обороны от кавалерии, то 10 декабря и в последующие дни они уже строи-

¹ Ленин. Соч. Т. X, стр. 51.

² «Жизнь» от 19 декабря.

³ Дом Фидлера, где помещалось реальное училище, играл большую роль в революции 1905 года. Это было, можно сказать, военное министерство московской революции 1905 года. Здесь был штаб боевых дружин, где достигалось единство действий, здесь происходило и обучение дружинников, это был склад оружия. Для перехода к решительному наступлению московские власти и наметили дом Фидлера.

лись как средство наступления, в направлении от периферии к центру. Постепенно баррикады стали охватывать Садовое кольцо, чтобы создать плацдарм для наступления на центр Москвы и отрезать правительственный центр от районов, где были расположены казармы. Кольцо Садовой улицы, как пограничная линия между окраинами и центром, стало основным рубежом обороны, за овладение которым шла упорная и ожесточённая борьба. По сути дела, это была борьба за стратегическую позицию. Революционеры хотели продвинуться к центру от кольца Садовой, правительственные войска получили задание выбить их из занятых позиций и оттеснить к окраинам¹.

При всём героизме защитников баррикад, к 16 декабря соотношение сил резко изменилось. 15 декабря из Петербурга прибыл Семёновский полк, а затем из Варшавского округа — Ладожский. Получив подкрепления, московские власти принялись за выполнение той задачи, которую они себе ставили в начале восстания, — оттеснить восставших от центра к окраинам, — но которую выполнить не могли по недостатку сил. Семёновцы сейчас же по выходе из вагонов Николаевской дороги заняли вокзалы и отрезали районы от центра. Тем самым восстание в центре Москвы обрекалось на поражение и 16 декабря было подавлено. Всё, что осталось активного, отступило на окраины, главным образом на Пресню, которая ещё героически держалась; разоружилась лишь небольшая часть дружинников².

Восстание на Пресне происходило ещё в течение четырёх дней:

Связь окраин с центром до прибытия семёновцев не прерывалась — районные дружины подкрепляли центр, и наоборот. Баррикадная борьба и партизанские выступления дружинников происходили повсюду. Но активность правительственных войск в отдалённых от центра районах была слабой: всё внимание московских властей приковали к себе центр и районы, ближайšie к нему.

Крупные размеры приняло восстание в Симоновской слободе, Замоскворечье и особенно на Пресне.

«Законные» власти в Симоновской слободе исчезли, и управление районом перешло к рабочему совету, в котором преобладали большевики. Полиция вся разбежалась, и охрану порядка и безопасности взял на себя совет. Вместо городских были организованы патрули, вооружённые пиками. Симоновцы во главе с рабочими завода «Динамо» выдерживали целые бои с драгунами и полицией. Была установлена крепкая связь с Крутицкими казармами: делегаты от солдат входили в совет.

Но эта «республика» была отрезана от остальной Москвы. О том, что в Замоскворечье и в городе происходит борьба, симоновцы знали только по доносившейся оттуда пушечной пальбе. После разгрома «Симоновки» дружинники и наиболее активные рабочие прорвались на Пресню.

Наибольшую деятельность проявляла Пресня. Её борцы отличались особенной энергией и стойкостью. Правительственные войска многократно, но безуспешно пытались проникнуть на Пресню. Всякий раз им приходилось ни с чем возвращаться на Кудринскую площадь.

Расположение Пресни способствовало тому, что было очень легко забаррикадироваться и изолироваться от внешнего мира³. Но поэтому же,

¹ Дело № 334—951. УВИ. Архив. Рапорт генерал-квартирмейстера Шейдемана военному министру за 10 декабря.

² В этой статье, разумеется, не место излагать подробности вооружённой борьбы в Москве, которая сама по себе представляет огромный интерес и является самостоятельной темой исторического исследования. (Примечание редакции.)

³ Если посмотреть на карту Москвы, то будет ясно, почему Пресне легко было укрепиться и изолироваться: с остальными частями Москвы Пресня соединяется при помощи узких улиц и переулков; с востока узкой, как горлышко бутылки, Кудринской

как мы увидим ниже, легко было и правительству запереть Пресню со всех сторон и отрезать все пути отступления после поражения восстания.

Главными причинами наибольшей стойкости Пресни следует считать, во-первых, тот факт, что над всей Пресней господствовала Пресненская крепость — Прохоровская фабрика, — которая была главным и укрепленным штабом восставших. Во-вторых, при благоприятном стратегическом расположении Пресни там оказалось довольно много вооружённых сил (гораздо больше чем в центре с его широкими улицами), сосредоточенных в таких укрепленных пунктах, как мебельная фабрика Шмидта, сахарный завод или фабрика Мамонтова. В-третьих, и это было самое важное, Пресня была единственным местом, где осуществлялось во е н н о е р у к о в о д с т в о восстанием. Во главе вооружённых сил стоял посланный туда Московским комитетом партии большевиков тов. Седой.

Восстание на Пресне началось 10 декабря. В этот день, в 3 часа дня, на митинге на Прохоровской фабрике по предложению депутатов районного совета, получивших директивы из центра, было решено приступить к постройке баррикад. К 5—6 часам вся Пресня уже была покрыта баррикадами. К вечеру Пресня приняла военный вид. По улицам патрулировали члены боевых дружин, на ночь устанавливали пароль. Проходивших без пароля отправляли на кухню Прохоровской фабрики, служившую главным штабом восстания.

Укрепившись, Пресня стала «независимой республикой», где власть находилась в руках рабочих. Эта отрезанная от мира пресненская республика производила своеобразное впечатление. Окружённая скромными деревянными баррикадами, она являлась последним оплотом восстания. Управлял ею Совет с участием представителей партий, причём от МК туда входил тов. «Леший» (Доссер). Вооружёнными силами командовал тов. Седой, ранее широко известный рабочей Москве лишь как агитатор. Это командование он разделял с «Медведем», представителем эсеров.

Этот совет был организован 11 декабря в составе 2 членов от районного совета рабочих депутатов, 1 от большевиков, 1 от меньшевиков и 1 от социал-революционеров. Совет был политическим руководителем движения и штабом восстания.

Полиция бежала из этой «рабочей республики». 14 декабря приставы 1, 2 и 3-го участков Пресненской части — Шестаков, кн. Вадбольский и Шокотко — телеграфно доносят градоначальнику: «Пресненский район представляет рассадник мятежа; на улицах устраиваются баррикады, у перекрёстков улиц боевыми дружинами обыскиваются прохожие, у чинов полиции и воинских отбиралось оружие. На фабриках устраиваются ежедневно собрания. Всё, за исключением необходимого наряда войск, остаётся безнаказанным. Рабочие фабрик: Прохоровской, Шмидта, Мамонтова, Грачёва и др. вооружены и грозят поголовным истреблением полиции, квартиры которых, не исключая городских, со всем имуществом остались в руках мятежников, ожидающих возвращения хозяев. Издаваемые обязательные постановления остаются неопубликованными, так как к этому встречается вооружённое сопротивление. Без немедленного очищения района от боевых дружин при посредстве усиленного наряда войск обслуживание является невозможным».

12 декабря боевая дружина без всякого сопротивления вошла в полицейский участок на Пресне, где были пристав, околоточный и городовые, обезоружила их, причём пристав отдал револьвер и исчез.

В «республике» на Пресне были своя милиция (патрули), следившая за порядком, свой суд, своя тюрьма. Было довольно много задержанных

улицей—с Кудринской площадью; с юга рядом узких переулков — со Смоленским рынком и Хамовническим районом; с северо-востока рядом узких переулков и узкой Большой Грузинской улицей — с Тверской улицей и Миусской площадью и, наконец, с запада Пресня соединяется с Ходынской.

и арестованных подозрительных личностей — переодетых полицейских, агентов охраны. Иногда сами обыватели приводили некоторых лиц с заявлением, что они поджигали или разбирали баррикады. Их держали до конца восстания и затем выпустили на свободу. Революционеры обнаружили слишком много гуманности в ущерб собственным интересам: эти переодетые полицейские и шпики впоследствии были главными свидетелями в процессах по делам пресненцев.

Пресня, окружённая баррикадами, жила своеобразной жизнью. В то время когда по всей Москве шли обыски и аресты, на партийные явки и собрания приходилось в буквальном смысле слова пробираться, всячески избегая встреч с патрулями, и на улицах царил гнетущая напряжённость, — на Пресне была иная картина: «...вот Торбатый мост; мимо ушей свистят пули, ещё несколько шагов, и в переулках Пресни чувствуешь себя в полной безопасности от сыска. Улицы сравнительно оживлены, у всех ворот дежурные от жильцов, и везде кучки рабочих и боевиков, оживлённо обсуждающих последние события дня. Настроение необычайной общности интересов и готовность помочь друг другу, личные интересы отступают на задний план...»¹.

Была организована своя санитарная служба, в которой принимали участие главным образом женщины-работницы. Они делали перевязки раненым дружинникам.

Были свои финансы и продовольственное дело. На митингах собирали пожертвования; они поступали деньгами, вещами и провизией; был кассир. На эти деньги содержались дружины, устраивались для них обеды.

Укреплённой цитаделью революционной пресненской власти была Прохоровская фабрика. Стоявшие на часах дружинники выпускали из неё только по записке депутатов².

К совету и его депутатам рабочие и обыватели относились как к власти. Рабочие перестали признавать власть хозяев предприятий.

Обыватели быстро привыкли к новому «начальству». Особенно популярными в глазах населения сделались депутаты совета. К ним обращались с жалобами даже по семейным делам. Слово депутата было решающим. Большинство жалоб и просьб имело деловой характер. Также обращались в совет и окрестные крестьяне.

В общем, освободившись от полиции, население Пресни легко вздохнуло, порядок же достаточно хорошо охранялся дружинниками. Пока Пресней владели революционеры, не было ни краж, ни грабежей. Население помогало дружинникам, само устраивало охрану домов и улиц, устанавливало пароли и наблюдало за порядком.

Революционеры Пресни за всё время их власти предали казни только двух человек — начальника московской сыскной полиции Войлошникова и околоточного надзирателя Сахарова³.

Опыт Пресни явился яркой иллюстрацией к учению Ленина о советах 1905 г. как об органах восстания и зародыше революционной власти. Хотя и кратковременный, этот опыт показал, что советы, руководя восстанием, в процессе самой борьбы берут в свои руки все функции власти и осуществляют её при поддержке всего демократического населения.

¹ Сб. «Красная Пресня в 1905—17 гг.», стр. 28. М. 1930.

² Некоторое представление о внутренней жизни боевого штаба на прохоровской кухне дают показания нескольких солдат правительственных войск, попавших в плен и успевших бежать. См. «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.». Статья В. Сторожева, стр. 114—118.

³ Первый был арестован на улице 15 декабря и приведён на Прохоровскую фабрику. На квартире у него был произведён обыск и конфискованы 600 руб. казённых денег и фотографические карточки поднадзорных. Приговорённый к смертной казни, он после прощания с семьёй был расстрелян.

Околоточный надзиратель Сахаров был для всех ненавистной фигурой. Он был арестован переодетым в штатское платье. «Событие это с невероятной быстротой стало

Вместе с тем на опыте Пресни, как и других местностей России, где рабочим удалось в революцию 1905 г. захватить власть (как, например, «Новороссийская республика», «Красноярская республика» и др.), было доказано, что советы вполне способны ввести строгий революционный порядок и приступить к творческой государственной деятельности.

Однако, когда мы говорили, что Пресня была «укреплённым лагерем», «крепостью», «независимой республикой», то это надо понимать с некоторым ограничением. В действительности неприятель довольно легко проникал в эту «республику». Вся жизнь Пресни, от начала восстания до его конца, полна непрерывными стычками с царскими отрядами и агентами.

Боевые настроения у пресненцев начинают падать лишь с 15 декабря, когда стали доходить вести, что в городе восстание подавлено.

16 декабря утром рабочие-очевидцы принесли сообщение, что рабочие фабрики Цинделя (в Замоскворечье) стали на работу. Это сообщение подействовало угнетающе на рабочих. Начались колебания, встал вопрос о ликвидации забастовки и на Пресне. Эти колебания стали усиливаться, когда артиллерия начала учащённо обстреливать Прохоровскую фабрику с Кудринской площади. В тот же день было замечено, что Пресня окружается со всех сторон: со стороны Дорогомилова пехотой занят Брянский вокзал, со стороны Пресненской заставы появились конные разъезды. В руководящем центре Пресни тогда же стало известно, что из Петербурга и Варшавы прибыли в Москву для усмирения войска.

Вечером этого же дня на кухне Прохоровской фабрики было созвано собрание районного совета рабочих депутатов для обсуждения вопроса о прекращении забастовки. Часть депутатов высказывалась за продолжение забастовки, большинство было за прекращение. Постановили забастовку прекратить в понедельник 19 декабря, а вооружённую борьбу — в воскресенье вечером. Затем состоялось заседание военного совета вместе с начальниками дружин. На этом совещании, также большинством голосов постановили прекратить вооружённую борьбу лишь в воскресенье вечером.

Однако, решению совета рабочих депутатов и военного совета не суждено было сбыться. В ночь на 17 декабря Пресня была обложена со всех сторон, и к 5 часам утра 17 декабря окружение было закончено. В 7 часов начались военные действия. Семёновский полк перешёл в наступление со стороны Малой Грузинской улицы. 17 декабря к 12 часам дня дружины, выбитые артиллерией со своих позиций, принуждены были действовать раздельно. Около часа дня действующим отрядам дружинников было предложено сдать оружие в штаб, а самим пробираться к местам жительства. К утру 18-го числа Пресня была очищена от баррикад самими обывателями и отчасти войсками. Остался лишь район Прохоровской фабрики, откуда ещё отстреливались добровольцы и один отряд дружины, отказавшийся сдать оружие.

Для полного покорения Пресни даже после прибытия Семёновского и Ладожского полков, понадобилось 6 дней: 16—21 декабря. Несмотря на подавляющее превосходство правительственных сил пресненцы, руководимые большевиками и районным советом, без боя не сдались. Наиболее активные дружинники встретили проникшие на Пресню воинские отряды стрельбой из домов. Кое-где были заложены фугасы. И только в самый последний момент, когда стали очевидными безнадежность и беспочвенность дальнейшего сопротивления, руководство и большинство дружинников оставили Пресню.

известно по всей фабрике. Все интересовались, какой будет вынесен ему приговор. У всех был один ответ: убить его... Из рабочих никто не мог пройти мимо его комнаты спокойно; приходилось даже их удерживать; видно было, что он им всем порядком насолил. Многие рабочие, сжимая кулаки, говорили, что если его освободят живым, то они сами его убьют. Только известие, что расстрелянный труп его лежит на Москва-реке успокоило всех». «Москва в декабре 1905 г.», стр. 108. М. 1906.

Правительство рассчитывало добиться и морально-политической победы на Пресне. Дубасов старался изо всех сил заставить прохоровских рабочих под страхом суровой расправы изъявить покорность, выдать «главарей» восстания, «присоединиться к войскам и действовать заодно с ними». Однако из этих попыток ничего не вышло. Пресненские рабочие были далеки от того, чтобы изъявить покорность перед злейшими врагами народа и действовать с ними заодно. Не добившись морально-политической победы на Пресне, «победители» приступили к жесточайшей расправе.

Каково же было соотношение вооружённых сил революции и царского правительства?

В декабре 1905 г. в Москве ходили фантастические слухи о вооружённых силах революции. В правительственных кругах исчисляли количество дружинников многими тысячами. В действительности численность вооружённых сил революции была настолько скромна, что можно только удивляться тому необычайному героизму и беззаветной храбрости, с которыми такая небольшая и плохо вооружённая кучка людей могла столь долго выдерживать бои с правительственными войсками.

Вооружённый народ был организован в дружины. Состав дружин был не однороден. Большевистских дружин было всего 9—10, по числу районов; все они насчитывали свыше 500 вооружённых человек. Самой сильной, многочисленной и хорошо вооружённой дружиной у большевиков была дружина Железнодорожного района московской организации, состоявшая из 40 человек.

Московская группа РСДРП меньшевиков располагала 200 дружинниками и примыкавшими к ним 50 дружинниками-типографщиками.

Московская организация партии социал-революционеров имела хорошо вооружённую дружину в 250—300 человек.

Кроме партийных дружин было много «автономных», состоявших главным образом из студентов московских высших учебных заведений. Для борьбы с черносотенцами в октябре возникла и просуществовала до конца восстания «Вольная районная дружина», насчитывавшая до 500 интеллигентов из лиц свободных профессий. К ней примыкали Грузинская дружина из 24 человек, вооружённых маузерами, и К-ская¹ дружина из 60 типографских рабочих, дружина служащих разных железных дорог общей численностью в 75 чел. и другие, более мелкие.

Кроме «Вольной районной дружины» были ещё дружины: железнодорожных рабочих — 200 чел., типографских рабочих — 200 чел., служащих в молочных — 200 чел. и еврейская дружина — 20 человек.

Общее число вооружённых дружинников, входивших в партийные и «автономные» дружины, определяется в 2500 человек. Но если принять во внимание, что доброкачественным оружием (браунингами и маузерами) была вооружена половина из них, то боеспособным составом надо считать половину — 1250. Считая же и невооружённых участников, общее количество восставших было значительно больше.

Определяя общую численность восставших московских рабочих, Ленин говорил: «Небольшая кучка восставших, именно организованных и вооружённых рабочих — их было не больше в о с ь м и т ы с ь ч а — оказывали в течение 9 дней сопротивление царскому правительству, которое не могло доверять московскому гарнизону, а, напротив, должно было

¹ (Расшифровать не удалось.— С. Ч.). «Москва в декабре 1905 г.», стр. 164—165.

держат его взаперти, и только благодаря прибытию Семёновского полка из Петербурга было в состоянии подавить восстание»¹.

Координирование действий всех дружин осуществлялось так называемым Коалиционным советом дружин. Входящие в него части сохраняли свою организационную самостоятельность.

Коалиционный совет состоял из представителей Московского комитета (большевиков), Московской группы (меньшевиков), Московского комитета партии социал-революционеров, от центрального университетского органа, от «Вольной районной дружины», «Университетской», «Типографской» и «Кавказской» дружин². Задачей Коалиционного совета было не командование вооружёнными силами (до этого единства ещё не дошли), а согласование, достижение возможного единства в каждом отдельном случае. Но когда дело дошло до решительного боя, Коалиционный совет показал себя как конгломерат самых различных и противоположных элементов. Пока дело шло об обороне против черносотенной реакции, получалось какое-то единство (для этой обороны многие дружины и создавались), а когда был серьёзно поставлен вопрос о наступлении, весь Коалиционный совет распался, а некоторые входящие в него дружины самораспустились.

Последнее заседание Коалиционного совета, 10 декабря, показало полную оторванность его от боевых дружин, которые уже действовали помимо Коалиционного совета на улицах Москвы. Таким образом Коалиционный совет распался на свои составные части. Каждая дружина выступала самостоятельно. Единство действий дружин ещё достигалось в районах, где сохранялось как политическое, так в известной мере и военное руководство восстанием в лице районных советов и районных комитетов партий.

Но единого штаба, единого командования, нужных для успеха восстания, не было.

В дни восстания у его руководителей не было достаточно точных данных о том, какими вооружёнными силами располагало правительство в Москве. Коалиционный совет дружины на своём последнем заседании 10 декабря определял количество пехоты московского гарнизона в 6 тыс. человек, полагая из них верными правительству 2 тыс. человек, т. е. число, едва достаточное для охраны arsenалов, складов, дворцов высшего начальства³.

Только теперь, когда открыты секретные архивы, представляется возможным произвести подсчёт правительственных сил, участвовавших в подавлении восстания.

В донесении генерал-лейтенанта Шейдемана московскому генерал-губернатору Дубасову указывается, что московский гарнизон с 7 по 10 декабря насчитывал вне казармы 1350 штыков.

В другом документе — «Перечень войсковых частей, участвовавших в подавлении вооружённого восстания в Москве в 1905 г.», — подписанном тем же Шейдеманом, значится, что только одной пехоты в московском гарнизоне было 7650 штыков.

Однако правительство действительно могло опираться для активных действий только на 1350 солдат. Остальные солдаты были обезоружены своим начальством и заперты в казармах. Правительство не было в них уверено и справедливо опасалось, что, участвуя в подавлении восстания, они перейдут на сторону восставших.

Тот факт, что две трети московского гарнизона были обезоружены и заперты в казармы, являлся несомненной заслугой московской организации, добившейся своей работой нейтрализации большинства гарнизона.

¹ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 355.

² «Москва в декабре 1905 г.», стр. 167.

³ Там же, стр. 173.

Однако основная задача руководителей восстания, заключавшаяся в том, чтобы привлечь войска на сторону революции, выполнена не была.

Уже 7 декабря Дубасов вынужден был телеграфировать командующему петербургским военным округом, великому князю Николаю Николаевичу, о совершенной недостаточности для подавления мятежа войск московского гарнизона и «убедительно» просить немедленной присылки бригады пехоты из Петербурга, «признавая положение очень серьёзным»¹. Растерявшееся правительство долго не хотело отпустить войска из Петербурга. Только после вторичного настоятельного обращения Дубасова через графа Витте и благодаря его ходатайству перед царём² последний решился на отправку подкрепления в Москву.

До прибытия полков силы правительства в Москве были настолько слабы, а уверенности у Дубасова в помощи Петербурга было так мало, что генерал-губернатор решил организовать в придачу к полиции черносотенные добровольческие дружины. Однако к их помощи прибегнуть не пришлось, так как 15 декабря прибыли Семёновский (16 рот) и Ладожский (8 рот) полки. Только тогда вооружённые силы правительства оказались достаточными для подавления восстания. Эти 1200 отборных свежих и х штыков решили исход борьбы — они без особого труда разбили остатки уставших дружин. Но Петербург трепетал без верных царю семёновцев. 15 декабря полк прибыл в Москву, а уже 17-го великий князь Николай Николаевич просил Дубасова: «...л-гв. Семёновский полк не задерживать более и вернуть его обратно в Петербург вместе с частями артиллерии и конницы, командированными в Москву»³. Однако Дубасов ещё раз сообщает Петербургу о том, что в его распоряжении имеется лишь 1350 штыков и что только с прибытием Семёновского и Ладожского полков удалось «перейти на всех пунктах в наступление», а «для того, чтобы мы опять не очутились в беспомощном положении,— доносил Дубасов,— я усердно прошу Ваше Императорское Высочество пока не отзываться присланные полки»⁴.

В свете этих данных о количестве вооружённых сил правительства становится понятным казавшийся в то время нелепым артиллерийский расстрел домов и улиц Москвы.

Соотношение вооружённых сил обеих сторон — революционного народа и правительства — в декабрьском вооружённом восстании было не слишком благоприятным для правительства.

При правильной организации восстания, точном учёте сил и умелом военном руководстве, в условиях колебания войска и всеобщего сочувствия революции московского населения, победа могла бы оказаться на стороне восставших.

Декабрьскому восстанию не удалось стать всероссийским и всенародным вооружённым натиском на самодержавие, на что рассчитывали московские большевики и Московский совет рабочих депутатов. Жизнь подтвердила правильность этих расчётов лишь отчасти. В ряде важнейших промышленных районов — в Московской области, на юге России, на Урале, в Поволжье, в Сибири, а также во многих национальных районах страны местные советы рабочих депутатов и большевистские организации по получении известий из Москвы принимали решения об объявлении всеобщей забастовки, а в некоторых местах призывали с оружием в руках поддержать московских рабочих. В широких рабочих массах эти призывы

¹ ЦАОР, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора. 1905 г., д. № 1540. Т. II, л. 6.

² Граф С. Ю. Витте. «Воспоминания». Т. II, стр. 140. М. и Л. 1923.

³ «Декабрьское восстание в Москве в 1905 г.», стр. 172—173.

⁴ Там же, стр. 173—174.

встречали горячее сочувствие. В декабрьское движение была вовлечена и часть армии, особенно возвращавшиеся с Дальнего Востока солдаты.

В разных частях страны стихийно волновалось крестьянство, возникали крестьянские бунты и восстания.

Но повсюду движение потерпело поражение, так как оно было разрознено, происходило разновремено и не имело единого направляющего и руководящего восстанием центра. «Декабрьское восстание, — писал товарищ Сталин в 1906 г., — было разрознено и неорганизовано. Петербург безмолвствовал. Тифлис и Кутаиси готовились к штурму, когда Москва была уже «покорена», Сибирь бралась за оружие, когда юг и латыши были побеждены, а это значит, что борющийся пролетариат встретил революцию раздробленным на группки, вследствие чего правительству было сравнительно легко нанести ему «поражение»¹.

При этих условиях восставшие были обречены на поражение. Важнейшим обстоятельством, объясняющим неудачу восстания, было отсутствие «прочного союза рабочих и крестьян против царизма» и единства в рабочем движении. Там, где меньшевики пользовались влиянием, обманутый рабочий класс был обезоружен, дезорганизован. Так было в Сибири, на юге, в Польше, Закавказье, Прибалтике, Северозападном крае. Будучи противниками вооружённого восстания, так же как и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, меньшевики в ряде мест вынуждены были под напором масс призывать к восстанию и голосовать за него. Но это не значит, что меньшевики действительно участвовали в восстании. Если рядовые рабочие-меньшевики рука об руку с рабочими-большевиками с оружием в руках сражались с царскими войсками, то меньшевистские руководители в это время думали о том, как бы скорее прекратить забастовку и сорвать восстание, пытались вносить в массы демобилизационные настроения.

В самый разгар восстания в Москве меньшевики дважды, 13 и 15 декабря, пытались внести в Московский совет предложение о прекращении забастовки. Меньшевик Колокольников, который на заседании Московского совета 15 декабря собирался внести предложение о прекращении забастовки, был вынужден впоследствии признаться в своих воспоминаниях, что «на собрании было много сторонников продолжения борьбы», а потому он «отказался от внесения соответствующего предложения»².

Единственная революционная партия пролетариата — партия большевиков — росла и крепла в борьбе, но она ещё не пользовалась безраздельным влиянием на рабочий класс. Это обстоятельство мешало достижению революционного единства в рабочем движении, а следовательно, всеобщему организованному вооружённому натиску на самодержавие.

Политическое значение декабрьского восстания, к оценке которого В. И. Ленин возвращается многократно в ряде своих статей вплоть до последних лет своей жизни, может быть сведено к следующим основным положениям:

1) Вооружённое восстание пролетариата в декабре было высшей формой движения, какую революция получила в 1905 году.

«От стачки и демонстраций к единичным баррикадам. От единичных баррикад к массовой постройке баррикад и к уличной борьбе с войском. Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию... Движение поднято от всеобщей политической стачки на высшую ступень»³.

2) Декабрьское восстание было первым шагом вооружённой борьбы пролетариата, «отстаивавшего свободу» от наседавшей реакции; за этим

¹ Цит. по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 99.

² Цит. по Васильеву-Южину. Указ. соч., стр. 110—111.

³ Ленин. Соч. Т. X, стр. 49.

шагом последует вооружённое восстание «революционного народа за власть, способную на деле осуществить свободу».

3) Вооружённое восстание в декабре было народным восстанием, в которое пролетариат «...втянул... массу таких слоёв городского населения, которые до сих пор считались политически равнодушными, если не реакционными»¹. «Организации отстали от роста и размаха движения»².

4) Московский пролетариат в декабре показал не только необходимость, но и возможность в современных условиях вооружённого восстания:

«Геройский пролетариат Москвы показал возможность активной борьбы»... (т. е. вооружённого восстания.—С. Ч.)³. Современные условия уличного боя выдвинули новую «тактику партизанской войны», в которой исключительную роль играют «подвижные и чрезвычайно мелкие отряды: десятки, тройки, даже двойки»⁴.

5) Одной из причин поражения декабрьского восстания являлась военно-техническая неподготовленность организаций к восстанию, неумение бороться «за колеблющееся войско» и оборонительная тактика. Для успеха восстания требуется не только политическая, но и его военно-техническая подготовка. Указывая на слова Маркса, что восстание есть искусство, Ленин говорил в связи с опытом Москвы: «Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало».

Ленинская оценка декабрьского восстания вытекает из общей большевистской концепции буржуазно-демократической революции 1905 года. На буржуазно-демократическую революцию 1905 г. Ленин смотрел глазами пролетарского революционера. Для Ленина и его партии она была лишь этапом на пути к пролетарской, социалистической революции. В то время как мелкобуржуазно настроенные меньшевики ставили в 1905 г. задачу вырвать у самодержавия политические права, Ленин ставил перед пролетариатом и крестьянством иные, более глубокие задачи.

Для партии большевиков речь шла о полной ликвидации самодержавия и его основной социальной базы — помещичьего землевладения, — о завоевании не политических прав, а политической власти. Победоносная буржуазно-демократическая революция должна была передать власть в руки пролетариата и крестьянства, завершиться революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Но для большевистской партии победа буржуазно-демократической революции, диктатура пролетариата и крестьянства, становилась лишь исходным пунктом перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, социалистическую.

Вот почему вооружённое восстание, имевшее целью свержение самодержавия и передачу власти пролетариату и крестьянству, ставилось большевиками как очередная, практическая задача.

«Без «исправления» и повторения на основании новых данных октябрьско-декабрьской стратегии,— пишет позднее Ленин, приспособляясь к языку подцензурной печати,— не бывать на Руси свободе»⁵.

Победа вооружённого восстания в 1905 г. дала бы в руки пролетариата незаменимое оружие для быстрейшего превращения буржуазной революции в начало пролетарской революции.

¹ Ленин. Соч. Т. IX, стр. 5.

² Ленин. Соч. Т. X, стр. 48.

³ Ленин. Соч. Т. IX, стр. 5.

⁴ Ленин. Соч. Т. X, стр. 52.

⁵ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 37.

Вот почему гениальнейший вождь и стратег пролетарской революции В. И. Ленин с негодованием обрушивается на всех, кто пытался принизить политическое значение декабрьского восстания пролетариата и демократических слоёв народа.

Декабрьское «движение велико потому, что пролетариат показал здесь на опыте возможность завоевания власти демократическими массами, возможность республики в России, показал «как это делается», показал практический приступ масс к конкретному выполнению этой задачи»¹.

И вот почему, наконец, Ленин так часто проводил параллель между Парижской коммуной и декабрьским восстанием. В статье «Уроки Коммуны» (1908) Ленин писал: «Пусть оба эти грандиозные восстания рабочего класса (т. е. парижских коммунаров и московских рабочих в декабре 1905 г.—С. Ч.) подавлены — будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетариата, из которого с полной победой выйдет социалистический пролетариат»².

Это были пророческие слова. Очертания новой власти вырисовывались в советах, которые в ходе восстания в Москве и ряде других городов и даже деревень за короткое своё существование показали себя подлинной народной властью, пользовавшейся любовью и доверием широких трудящихся масс. В советах — этой новой форме власти — в 1905 году рождалась революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

¹ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 265—266.

² Ленин. Соч. Т. XII, стр. 164.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ (1905 — 1907 гг.)

О. Иванова

Боевые организации РСДРП(б) зародились и развились на базе могучего рабочего движения первой русской революции. Их органическая связь с массовым рабочим движением неоднократно отмечалась Лениным, который горячо протестовал против попыток меньшевиков уподоблять партизанские выступления боевых дружин РСДРП(б) террористической деятельности народовольцев и эсеров¹.

Боевые организации большевиков прошли в течение трёхлетнего периода первой русской революции два основных этапа своего развития. Первый из них совпадает с хронологическими гранями 1905 года. Второй охватывает 1906 и 1907 годы.

Боевые дружины 1905 г., оформившиеся после постановления III съезда партии, вписали славные страницы в историю революционного движения в России. Они показали примеры подлинной доблести и героизма в дни декабрьского вооружённого восстания. Но одновременно декабрьское восстание вскрыло слабые стороны боевых дружин, обнаружило изъяны в постановке и организации боевой работы.

Подавление декабрьского вооружённого восстания не было воспринято большевиками как разгром революции. Передовые слои пролетариата довольно быстро оправались от пережитого удара и стали под руководством большевиков готовиться к новой вооружённой схватке с самодержавием.

Большевистская партия выдвинула на боевой участок ряд крупнейших работников. В центре непосредственными помощниками Ленина в области боевой работы были тт. Л. Красин и Саммер. На Кавказе, под общим руководством товарища Сталина, развивали кипучую деятельность боевые отряды, возглавляемые тт. Орджоникидзе и «Камо» (Тер-Петросян). В качестве организаторов и руководителей боевой работы на местах выступали в то время тт. Свердлов, Киров, Ворошилов, Куйбышев и многие другие.

Второй период существования боевых организаций большевиков продолжался в основном около двух лет. Это был период наибольшего расцвета их деятельности, которая была окончательно свёрнута в начале 1908 года. Только на Урале, вопреки постановлениям высших партийных органов, продолжались вплоть до 1910 года партизанские выступления бывших членов официально распушенной боевой организации.

На протяжении второго периода подводились итоги и изучался опыт вооружённых восстаний 1905 г., причём огромную помощь массам в деле освоения вопросов организации боевой работы, связанных с вооружённым восстанием, оказали вожди большевиков. В ряде статей, посвящённых вооружённому восстанию, товарищи Ленин и Сталин дали критический анализ пережитых событий, вскрыли основные причины военно-технической неудачи восстания, дали конкретные указания, как надо строить работу боевых организаций в дальнейшем².

¹ Ленин. Соч. Т. IX, стр. 26.

² Ленин «Современное положение России и тактика рабочей партии» (февраль 1906 г.); «Русская революция и задачи пролетариата» (март 1906 г.); «Уроки москов-

Уяснив основные уроки декабрьского вооружённого восстания, большевики стали по-новому строить свою боевую работу. В полном соответствии с указанием своих вождей большевики начинают «склеивать» разрозненные мелкие и плохо вооружённые боевые дружины в боевую организацию. Они отказываются от оборонительной тактики, выдвигают на первый план задачу систематической подготовки к новому вооружённому восстанию и подготавливают кадры руководителей для восстания, затрачивая большие средства на покупку оружия для повстанцев.

Таким образом, содержание и характер работы боевых организаций большевиков в течение второго периода становятся значительно шире и разнообразнее по сравнению с деятельностью боевых дружин 1905 года. Изменяется в значительной степени и личный состав боевых дружин: отсеиваются все колеблющиеся и случайные элементы. Боевые организации пополняются новыми членами, привлечёнными к активной политической деятельности революционными событиями конца 1905 года.

Боевая работа большевиков в течение второго периода развёртывается в обстановке нарастающей политической реакции, с одной стороны, и ожесточённой борьбы на два фронта в подполье — с другой. Справа против боевых организаций большевиков выступают меньшевики с их неверием в силы революции, с отрицанием необходимости военно-технической подготовки к новому вооружённому восстанию. «Слева» нависает угроза всякого рода уклонов, толкавших некоторых, недостаточно идеологически и политически выдержанных боевиков на путь чисто анархических выступлений.

Но ни виселицы столыпинского режима, ни ожесточённое сопротивление меньшевиков, ни разлагающее воздействие анархистов не могли помешать боевым организациям большевиков с честью выполнить возложенную на них партией задачу.

Только скончательно утвердившаяся в стране реакция воспрепятствовала дальнейшему развёртыванию деятельности боевых организаций на данном этапе. Но их опыт не пропал даром. Он был успешно использован как вождями, так и массами в победоносных боях Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

Наиболее крупными боевыми организациями большевиков были Петербургская, Московская, Кавказская и Уральская организации. Петербургская и Московская боевые организации как по характеру и масштабам своей работы, так и по количеству своих членов занимали ведущее положение. На истории Петербургской боевой организации большевиков мы и остановимся в настоящей статье.

Работа боевых организаций большевиков протекала в условиях глубокой конспирации, в силу чего их деятельность, как правило, получила скудное отражение в различного рода документах.

Основным источником, позволяющим восстановить картину деятельности той или иной боевой организации, являются воспоминания бывших членов этих организаций. Тщательная проверка данных, сообщаемых мемуаристами, сопоставление этих сведений с твёрдо установленными фактами и датами, а также с той небольшой документацией, которая, по счастью, всё же сохранилась в архиве партии или в архивных фондах департамента полиции, — вот единственный путь, который позволяет восстановить, хотя бы в основных чертах, историю той или другой боевой организации большевиков.

Петербургской боевой организации сравнительно повезло в этом отношении. Благодаря педантичной акурагности секретаря Петер-

ского восстания» (август 1906 г.); Сталин «Две схватки» (январь 1906 г.); «Текущий момент и Объединительный съезд рабочей партии» (лето 1906 г.); См. Берия Л. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 71—72. 3-е изд.

бургского комитета тов. Стасовой, в архиве партии сохранились протоколы комитета за 1905 г., в которых мы находим, хотя и лаконичные, но весьма важные записи, относящиеся к истории Петербургской боевой организации. В том же архиве обнаружены отчёт и план работы представителя Петербургской боевой организации, посланные В. И. Ленину в сентябре 1905 г. за границу, и ответ Владимира Ильича боевому комитету при Петербургском комитете. В протоколах первой конференции военных и боевых организаций РСДРП мы находим хотя и очень краткое, но содержащее конкретные сведения сообщение о работе боевой технической группы при ЦК. В архиве же Департамента полиции имеется небольшое количество документальных материалов, проливающих свет на отдельные события и факты, касающиеся Петербургской боевой организации. Кроме того работа петербургских боевиков находит отражение в некоторых судебных фондах, особенно в материалах судебного процесса по так называемому делу «куоккальских бомбистов».

Что касается мемуарной литературы, то имеются три книги, представляющие исключительный интерес для истории Петербургской боевой организации. Первая книга составлена бывшим членом «Боевой технической группы» при ЦК РСДРП(б) тов. С. М. Познер. Это сборник воспоминаний петербургских боевиков, дополненный несколькими архивными документами.

Книга тов. Познер даёт обильный фактический материал, иллюстрирующий разностороннюю боевую работу ЦК и Петербургского комитета большевиков в 1905—1907 гг., и является ценным вкладом в литературу вопроса, но, составленная из отдельных воспоминаний (преимущественно бывших членов «Боевой технической группы» при ЦК), она носит фрагментарный характер и не даёт общей картины боевой деятельности Петербургской организации большевиков в хронологической последовательности. Кроме того книга тов. Познер оставляет невыясненным вопрос о структуре, персональном составе и времени возникновения «Боевого комитета» при Петербургском комитете—второй боевой организации большевиков, функционировавшей в Петербурге и его окрестностях в течение 1905—1907 гг. наряду с «Боевой технической группой» при ЦК.

С сожалением приходится констатировать отсутствие в книге, составленной тов. Познер, воспоминаний таких видных членов «Петербургского боевого комитета», как гг. Лалаянц, Шкляев и Фридолин, которые ещё здравствовали во время составления сборника¹.

В 1935 г. работа тов. Познер получила ценное дополнение в виде воспоминаний бывшего члена боевой организации большевиков Нарвского района в Петербурге тов. А. Гуляева².

Воспоминания тов. Гуляева не охватывают деятельности Петербургской боевой организации в целом. Но это единственные мемуары, которые в развёрнутом виде и в строго хронологической последовательности излагают историю возникновения, развития и деятельности боевой дружины большевиков одного из петербургских районов на протяжении всего периода первой русской революции. Попутно с рассказом о боевой дружине Нарвского района автор освещает деятельность Центральной инструкторской школы в Петербурге, лаборатории в Куоккала и заканчивает свои мемуары судебным процессом над куоккальскими бомбистами.

Работа тов. Гуляева имеет тем большее значение, что она создавалась частично по материалам Кировской (Нарвской) комиссии Истпарта и ещё в рукописи подверглась коллективному обсуждению среди старых большевиков — участников революции 1905 г., — которыми были внесены поправки фактического характера.

¹ В первом издании 1926 г. книга, составленная тов. Познер, называлась «Боевая группа при ЦК РСДРП(б)». В 1934 г. она вышла вторым изданием под названием «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.».

² Гуляев А. «Боевые дружины большевиков». Л. 1935.

Эта книга, в которой можно найти сведения о боевой работе петербургской организации большевиков, — это сборник Истпарта ЦК РСДРП(б), посвященный памяти Л. Б. Красина. В этой книге имеются очень интересные и важные указания о боевой работе Л. Б. Красина, выдвинутого на эту работу постановлением III съезда партии.

Сопоставляя данные мемуарного характера с постановлениями партийных съездов и конференций, с высказываниями вождей партии — Ленина и Сталина, — а также с теми немногими документальными материалами, какие имеются в нашем распоряжении, мы попытаемся восстановить историю Петербургской боевой организации большевиков.

Решающим событием, вызвавшим к жизни боевые организации рабочего класса в России, в частности боевые дружины большевиков в Петербурге, было 9 января 1905 года. Кровь, пролитая на улицах столицы в день «Кровавого воскресенья», способствовала пробуждению классового сознания среди самых широких слоёв рабочего класса. Массы, не допускавшие даже и мысли о вооружённой демонстрации в день 9 января, словно переродились после пережитой катастрофы. Наивные иллюзии о «царе-батюшке» были изжиты. Петербургский пролетариат выдвинул из своих рядов отважных борцов, бросивших гневный призыв:

«К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады, оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу...»¹.

Обращаясь к проснувшемуся классовому сознанию пролетариата, большевистская партия широко развернула агитационную кампанию по внедрению в массы лозунга вооружённой борьбы с самодержавием. Начиная с середины января 1905 г., в каждом очередном номере центрального органа партии «Вперёд» поднимались вопросы, связанные с грядущей вооружённой борьбой.

В четвёртом номере «Вперёд» от 31(18) января 1905 г. была помещена статья Ленина «Начало революции в России». В этой статье Ленин выражал своё отношение к начавшемуся движению и определял новые задачи, которые возникали перед партией пролетариата. Приветствуя восставших рабочих, Ленин писал, что «вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента».

Последующие выступления Ленина и ряд статей других авторов «Вперёд» развивали и конкретизировали различные стороны этой новой проблемы.

Наряду с центральным органом партии широко развернули агитацию и пропаганду местные партийные комитеты, также посвящавшие свои прокламации и листовки предстоящему вооружённому восстанию. В виде иллюстрации большевистских выступлений этого периода остановимся на двух документах. В прокламации Петербургского комитета РСДРП(б), выпущенной тотчас же после 9 января, говорилось:

«Вас сотни тысяч, но что вы сделаете голыми руками? Вооружайтесь, где только можно, чем только можно. Разбирайте, где удастся, оружейные магазины, вы имеете право брать оружие для самозащиты. Пусть товарищи с оружейных и патронных заводов помогут остальным вооружаться. Оружие во что бы то ни стало. Только силой и кровью добывается свобода и справедливость»².

Второй документ датирован 26 марта 1905 года. Это прокламация Кавказского союзного комитета РСДРП, озаглавленная «Что выяснилось», автором которой был товарищ Сталин. Выясняя причины поражения пролетариата в его первых схватках с самодержавием, прокламация констатировала:

¹ Подлинник этой прокламации василеостровских рабочих хранится в библиотеке Института Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ).

² Сборник «1905 год в Петербурге». Истпарт. Л. и М. 1925.

«Мы выступили в разное время, и потому удалось правительству рассеять нас. Мы выступили без оружия, с голыми руками, и потому потерпели неудачу. «Оружия, о дайте нам оружия!» — кричал в отчаянии восставший пролетариат. Видя врага, он скрежетал зубами, он геройски рвался в бой, но, не имея оружия, он остался побеждённым в борьбе. А из всего этого несомненно вытекает, что нам первее всего необходимо вооружиться и, вооружившись, одновременно выступить против врага. Организовать восстание — вот в чём наша задача, вот что должна сделать российская пролетарская партия»¹.

Большевистская агитация и пропаганда звали массы к активной работе по подготовке к вооружённому восстанию, и эти призывы падали на благодарную почву. Стачечное движение, прокатившееся по всей стране, привело к новым столкновениям с войсками и полицией и повлекло за собой новые жертвы. Пролетариат устремился на поиски оружия, но усилия рабочих масс в этом направлении большей частью не имели успеха. Это толкало их на путь изготовления оружия кустарным способом. Воспоминания активных участников бурных событий 1905 г. повествуют о лихорадочном напряжении, с каким петербургские рабочие принялись за вооружение своих отрядов. Вот что рассказывает о возникновении первой боевой дружины за Невской заставой в Петербурге в 1905 г. бывший активный член этой дружины тов. А. Зарубкин. Дело происходило примерно в феврале—марте 1905 года.

«На бывшем Семянниковском заводе (теперь имени Ленина) революционно настроенные рабочие начали сами готовить себе оружие. В мастерских завода ковали мечи, пики, топоры, брали резиновые шланги от пневматических свёрл, шланги эти резали на куски, наливали в них вершка два свинца и действовали ими как хорошей дубинкой. Мы раздобыли себе три револьвера системы Смит, один «браунинг» и «бульдог», а также по нескольку к ним патронов. Нами были сделаны четыре самодельных мелкокалиберных пушки, названные «самопалами». Сделаны они были из концов паровозных труб, с некоторыми приспособлениями, заряжались порохом и железной «выдрой» (осколками), зажигался такой снаряд папироской, приложенной к отверстию. Употреблять их не пришлось, но по такому типу мы стали изготавливать себе пистолеты. Так вооружалась первая рабочая охрана»².

Аналогичная работа шла, несомненно, и в других рабочих кварталах. Партия большевиков не могла стоять в стороне от этого стихийного движения, не могла пройти мимо него, не оказав рабочему классу всемерную помощь и поддержку. Поэтому естественно, что ещё до III съезда партии, предвосхищая его решения, Петербургский комитет РСДРП приступил к практическим мероприятиям для помощи массам в деле самовооружения.

Начало этой работы отражено в протоколе Петербургского комитета РСДРП(б) от 28 февраля 1905 г., в котором мы находим следующую запись:

«Вопрос о вооружении. Решено избрать особое лицо, заведующее вооружением, и ассигновать немедленно 600 рублей для приобретения револьверов. Решается вопрос о хранении и распределении»³.

Этим постановлением была оформлена новая партийная организация, получившая впоследствии наименование «Боевой технической группы» и положившая начало Петербургской боевой организации.

С этого момента приобретение оружия, поиски которого производи-

¹ Берия Л. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 58. 3-е изд.

² Зарубкин А. «Как возникла первая боевая дружина за Невской заставой в 1905 году». В книге, составленной С. М. Познер, «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.», стр. 224—231.

³ «Пролетарская революция» № 12 за 1924 г. стр. 44.

лись кустарным способом (многие петербургские большевики занимались добыванием оружия, даже не имея на то специальных полномочий), принимает упорядоченную, организованную форму.

Лицо, которому ПК РСДРП поручил производить закупку, доставку и распределение оружия среди членов Петербургской организации, был Н. Е. Буренин (партийная кличка — «Герман»), занимавшийся до тех пор транспортом нелегальных изданий партии из-за границы через Финляндию. Вскоре вокруг «Германа» образовалась небольшая ячейка, которая, постепенно разрастаясь, превратилась в 1906 г. в широко разветвлённую организацию¹.

Начало работы «Боевой технической группы» было сопряжено с большими трудностями. Ни опыта, ни навыков, ни соответствующих связей первоначально не было. А революция бурлила. Ежедневно рабочий класс властно напоминал о том, что он нуждается в оружии, и требовал его. Надо было спешно добывать немалые средства для развёртывания работы, находить источники приобретения оружия, завязывать необходимые связи и привлекать подходящих людей для этого нового и крайне ответственного вида партийной работы.

Официальный партийный документ, каким является денежный отчёт ПК РСДРП(б), отражает трудности, встававшие перед «Боевой технической группой» в первый период её существования. В финансовом отчёте Петербургского комитета за март 1905 г., в графе прихода, впервые появляется новая статья — «на оружие» — 1046 руб. 05 коп., а в графе расхода — «на оружие» — 887 руб. 40 коп.² Самый факт неиспользования полностью такой незначительной суммы ясно говорит о том, что в марте 1905 г. «Боевая техническая группа» не располагала ещё необходимыми связями для покупки оружия.

Очень скоро выяснилось, что возможности приобретать оружие путём покупки в самом Петербурге до крайности ничтожны. Кроме того предлагаемое оружие было разного калибра и низкого боевого качества. Доставать удавалось почти исключительно револьверы разных систем, начиная от негодных «бульдогов» и кончая, в лучшем случае, «браунингами». Это обстоятельство принудило «Боевую техническую группу» обратить свои взоры к «красному тылу» столицы — Финляндии — и наладить оттуда доставку оружия, привозимого по преимуществу из Бельгии и Германии. Но и этот путь приобретения оружия оказался неудовлетворительным. Возможности закупки оружия сравнительно с предъявляемым на него спросом были недостаточны. Перевозка же этого вида контрабанды в Россию представляла неизмеримо большие трудности, чем транспортирование нелегальной литературы.

Все эти условия заставили «Боевую техническую группу» серьёзно задуматься над вопросом о постановке на месте производства разрывных снарядов. На необходимость вплотную заняться изготовлением бомб, или, точнее говоря, ручных гранат, указывал и центральный орган партии «Вперёд», поместивший в № 11 от 23(10) марта 1905 г. статью «Об уличной борьбе (советы восставшим рабочим генерала Парижской Коммуны — Клузере)». К статье было сделано небольшое введение редакции, в котором рекомендовалось товарищам обсудить эти практические указания и степень их применимости к современным условиям российской действительности.

Чтобы поставить это новое и опасное производство на солидную базу, в Македонию был командирован «химик» тов. Скосаревский («Омега»).

¹ В «Боевую техническую группу» входили первоначально, кроме Н. Е. Буренина, С. М. Познер — «Татьяна Николаевна», Ф. И. Дробикина — «Наташа», А. М. Игнатъев — «Григорий Иванович», Ю. А. Грожан — «Дмитрий Сергеевич», Н. П. Сагрето — «Андрей Андреевич», тов. Скосаревский — «Омега», тов. Пескова — «Альфа» и др.

² Подлинник печатного финансового отчёта ПК РСДРП за март 1905 г. хранится в библиотеке ИМЭЛ.

Скосаревскому удалось установить связь с известным македонским революционным деятелем Наумом Тюфекчиевым и ознакомиться на месте с конструкцией и действием македонской чугунной бомбы. Вернувшись в Россию, тов. Скосаревский привёз с собой чертежи «македонок», над усовершенствованием которых работала позднее специально созданная Л. Б. Красиным «химическая группа».

Так началась под руководством большевиков подготовка петербургского пролетариата к вооружённой борьбе с царизмом.

Между тем процесс накопления революционной энергии масс продолжался. Под влиянием рабочего движения и военных поражений на Дальнем Востоке, весной 1905 г. развернулось сильное крестьянское движение.

В обстановке всё нарастающего общественного возбуждения в стране был созван в апреле 1905 г. в Лондоне III съезд партии. Основным вопросом съезда был вопрос о вооружённом восстании. Ленин дважды выступал на съезде по этому вопросу. Возражая Аксельроду, который в меньшевистской печати высказывал опасения по поводу того, что слишком много думают о восстании, Ленин заявил:

«Оказалось, однако, что думали слишком мало... Вся история последнего года показала, что мы недооценивали значение и неизбежность восстания»¹.

По докладу о вооружённом восстании III съезд принял составленную Лениным резолюцию, в которой поручал всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путём пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооружённого восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооружённого восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников»².

Таким образом было санкционировано существование боевых групп при партийных организациях. Ленин, выступая вторично по вопросу о вооружённом восстании, прямо заявил: «По вопросу об образовании особых боевых групп я могу сказать, что считаю их необходимыми. Нам нечего бояться образования особых групп»³.

После III съезда партии «Боевая техническая группа» превратилась в орган ЦК партии, и непосредственное руководство работой перешло к Л. Б. Красину — «Никитичу». С приходом Красина работа «Боевой технической группы», по свидетельству тов. Буренина, значительно расширилась.

Красин организовал «Химическую группу» при ЦК, в состав которой привлёк крупных специалистов. Эта группа работала под руководством самого «Никитича» над конструкцией большого сильнодействующего снаряда. Наряду с этим шла работа над снарядом массового типа, и одним из участников группы была изобретена так называемая «панкластитная бомба» — снаряд упрощённой конструкции, легко изготовлявшийся кустарным способом.

Оружие попрежнему закупалось небольшими партиями за границей и затем с чрезвычайными трудностями переправлялось через Финляндию сухопутным или морским путём. К доставке оружия по воде была привлечена целая группа сестрорецких рабочих во главе с тов. Емельяно-

¹ «Протоколы III съезда РСДРП». Полный текст, стр. 136—137. М. 1924.

² Там же.

³ Там же, стр. 182.

вым (тем самым, у которого летом 1917 г. скрывался на Разливе В. И. Ленин от ищеек Керенского).

Но результаты этой работы не оправдывали больших денежных затрат и огромного риска, с которым была сопряжена контрабандная доставка оружия, — оно получалось в ничтожных количествах сравнительно с запросами революционных масс. Тогда прибегли к использованию нового источника. Наряду с покупками оружия за границей стали систематически приобретать его в самой России, на казённых оружейных заводах в Сестрорецке, Ижевске и т. п. Часть оружия доставлялась бесплатно преданными делу революции рабочими; другая часть покупалась у людей, занимавшихся доставкой оружия с целью наживы. Таким образом, по свидетельству непосредственных исполнителей этой операции, большевикам удалось получить несколько сот прекрасных винтовок казённого образца.

В дальнейшем на тот же путь встали и при добыче динамита и патронов. Динамит заводского производства покупался и похищался большими партиями в Финляндии, где с этой целью было организовано несколько экспроприаций. Затем весь этот опасный груз морем или по железной дороге доставлялся самоотверженными транспортёрами в Петербург. Тов. Дабкина — «Наташа», — часто совершавшая эти опасные рейсы из Финляндии в Петербург, неоднократно брала с собой в вагон в целях конспирации свою трёхлетнюю дочурку.

Что касается патронов, то вместо кустарного изготовления в подпольных мастерских их стали приобретать у солдат, с которыми были завязаны прочные связи. Частично патроны доставлялись непосредственно рабочими патронного завода.

Позднее тов. Буренин получил от Красина ещё одно ответственное задание — отправиться в Софию и в Париж, чтобы закупить там и отправить в Россию большую партию бикфордова шнура и запалов гремучей ртути. Это поручение «Никитича» было успешно выполнено.

Организационно-практическая подготовка к вооружённому восстанию не исчерпывалась одним лишь изготовлением оружия и взрывчатых веществ. Необходимо было ещё помочь и в деле организации боевых отрядов, проинструктировать их и обучить обращению с оружием. Надо было, наконец, поставить на обсуждение и разрешение основной тактический вопрос — как, в каких формах целесообразнее всего вести уличную борьбу повстанцев с правительственными войсками. Все эти задачи не входили в компетенцию «Бсевой технической группы» при ЦК РСДРП, осуществление их ложилось прежде всего на местные партийные комитеты.

После III съезда партии местные партийные комитеты широко развернули пропаганду и агитацию лозунгов, выдвинутых съездом, в частности лозунга «вооружённое восстание», и успешно разрешили задачу политической подготовки широких масс трудящихся к вооружённой борьбе с царизмом. Труднее и медленнее развёртывалась организационно-практическая работа по подготовке к восстанию. Это обстоятельство внушало тревогу В. И. Ленину и заставляло его неоднократно останавливаться на этом вопросе в своих выступлениях в печати. Так, заканчивая свой замечательный труд «Две тактики соц.-демократии в демократической революции» и полемизируя с меньшевиками, Ленин писал:

«Факт тот, что не только не увлекаются у нас чересчур задачами восстания, общеполитическими лозунгами, делом руководства всей народной революции, а, наоборот, о т с т а л о с т ь именно в этом отношении бьёт в глаза, составляет самое больное место, представляет реальную опасность движения, которое может вырождаться и кое-где вырождается из революционного на деле в революционное на словах»¹.

Стремление ЦК оказать всемерную помощь местным организациям

¹ Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 98.

разрешить «на деле» новые революционные задачи побуждало центральный орган партии посвящать свои страницы не только политическим и принципиальным проблемам, связанным с лозунгом вооружённого восстания, но и уделять внимание практическим вопросам подготовки и проведения самого восстания. Так, помимо уже названных нами «советов генерала Коммуны Ключере» в № 14 «Вперёд» от 12 апреля (30 марта) была опубликована статья В. С. «К вопросу о постройке баррикад», а в номере от 18 (5) мая — заметка «О вооружённой борьбе» (практические советы, перевод с польского). Летом 1905 г. ЦК выпустил в Женеве брошюру В. Северцева «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию». Оповещение о выходе в свет этой брошюры, опубликованное в № 9 «Пролетария» от 26(13) июля 1905 г., сопровождалось пояснением редакции, что «брошюра эта подробно разбирает военную сторону восстания».

В конце июля 1905 г. в Петербурге происходило очередное заседание ЦК, на котором был поставлен доклад представителя «Боевой технической группы» при ЦК тов. «Германа» — Буренина. «Герман» доложил о своих переговорах с гапоновцами по вопросу о необходимости оказать им помощь при разгрузке транспорта оружия, которое должен был доставить пароход «Джон Графтон» к берегам Финляндии. «Герман» предложил использовать гапоновцев, взяв разгрузку оружия в свои руки, и ЦК решил вопрос в положительном смысле. Реализовать, однако, это решение не удалось, так как в августе 1905 г. «Джон Графтон» потерпел крушение в шхерах Ботнического залива. Тогда по поручению Красина «Герман» организовал скупку оружия, выловленного местными рыбаками после кораблекрушения. Спасённое оружие было доставлено затем членами «Боевой технической группы» петербургским боевикам.

На том же заседании 28 июля 1905 г. по докладу «Германа» ЦК вынес постановление о необходимости усилить работу по подготовке к вооружённому восстанию. С этой целью была создана местная организация, на которую возложили функции боевого характера. Иначе говоря, наряду с «Боевой технической группой» при ЦК был организован «Боевой комитет при Петербургском комитете РСДРП»¹. Эта лаконическая протокольная запись даёт возможность совершенно точно установить дату образования второй боевой организации большевиков в Петербурге. На работу по вновь созданную боевую организацию ЦК направил тт. «Кирилла» и «Щура».

Когда именно приступила к работе вновь созданная Петербургская боевая организация большевиков, неизвестно. Но в конце сентября 1905 г. тов. «Щур» переслал В. И. Ленину за границу отчёт о работе «Боевого комитета», схему его организации и специальную инструкцию о боевой работе. В своём отчёте «Щур» осветил как работу «Боевого комитета» при Петербургском комитете, так и работу «Боевой технической группы» при ЦК. Признавая, что «Боевым комитетом» сделано ещё очень мало, «Щур» давал положительную оценку работе «Боевой технической группы» при ЦК, имевшей, по его словам, уже крепкий и налаженный аппарат. Единственным препятствием, тормозившим успешное развёртывание работы «Боевой технической группы», было, по мнению «Щура», отсутствие больших денежных средств.

В ответном письме «Боевому комитету» при Петербургском комитете от 16 (3) октября 1905 г.² Владимир Ильич даёт не только принципиальные установки, но и целую программу практической деятельности боевой организации, стоящей на пороге всенародного вооружённого восстания. Не желая обидеть товарищей суровой критикой их действий, Ленин выражает в начале письма уверенность в том, что «Боевой комитет» делает

¹ В Ленинский сборник, стр. 538—539.

² См. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 325—326.

всё возможное при наличии тяжёлых русских условий. Но одновременно Ленин не скрывает своего мнения, что делается совсем не то, что нужно.

Владимир Ильич пишет, что он с ужасом видит, «что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали» несмотря на то, что «говорят учёнейшие люди...». Переходя к практическим указаниям, которые диктуются остротой момента предреволюционного периода, Ленин пишет: «Идите к молодёжи, господа! вот одно единственное, все-спасающее средство. Иначе, ей-богу, вы опоздаете (я это по всему вижу) и окажетесь с «учёными» записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без организации, без живого дела. Идите к молодёжи. Основывайте т о т ч а с боевые дружины везде и повсюду и у студентов и у рабочих особенно, и т. д. и т. д. Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. Пусть тотчас же эти отряды выбирают себе руководителей и с в я з ы в а ю т с я, по возможности, с Боевым Комитетом при Петербургском Комитете»¹.

В соответствии с этими взглядами Ленина в конце лета 1905 г. в Киеве была организована первая боевая инструкторская школа ЦК РСДРП. Слушателей было человек 20. Это были партийцы, командированные своими организациями из разных районов страны. После окончания краткосрочного курса практического обучения боевой технике и элементарного знакомства с военным делом курсанты разъехались по местам, где немедленно принялись за организацию бомбистских мастерских и боевое обучение рабочих². Трое из учеников киевской школы по окончании курса были направлены в распоряжение ЦК в Петербург. Прибыв туда примерно в октябре, эти товарищи приступили немедленно к боевой работе и помогли поставить большую мастерскую по производству разрывных снарядов упрощённой конструкции.

Благодаря работе этой мастерской Петербургская боевая организация имела к концу 1905 г. на своих складах некоторое количество разрывных снарядов массового типа. Но так как петербургский пролетариат не вступил в вооружённую борьбу с самодержавием в декабре 1905 г., продукция этой мастерской не была использована по своему прямому назначению.

«Боевая техническая группа» при ЦК поддерживала в это время, во второй половине 1905 г., тесную связь с Москвой. Дважды посылали из Петербурга в Москву инструкторов-химиков. В самый разгар восстания Красин отправил с самоотверженным транспортёром тов. Дабкиной партию запалов гремучей ртuti, уложенную на дне большой нарядной коробки шоколадных конфет³. Тов. Дабкиной удалось благополучно выполнить свою смертельно опасную миссию, но использовать доставленные запалы не пришлось, так как восстание было уже на исходе. Никаких готовых бомб из Петербурга в Москву никто не доставлял, тем более что Петербургская боевая организация сама располагала в это время лишь небольшим запасом бомб упрощённой конструкции.

До настоящего времени остаётся невыясненным вопрос, почему петербургские боевики не помешали отправке семёновцев в Москву, несмотря на то, что им было дано прямое задание Ленина по этому поводу. В своих воспоминаниях тов. Лядов рассказывает о том, как на исходе московского вооружённого восстания он выехал в Петербург для доклада Центральному комитету. Выслушав его рассказ о ходе и судьбе восстания и сообщение о том, что семёновцы уже отправлены в Москву, Ленин

¹ Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 325—326.

² Воспоминания И. Михайлова в книге, составленной С. М. Познер, «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.».

³ «Леонид Борисович Красин». Истпарт ЦК ВКП(б), стр. 139, 267. Госиздат. 1928.

обрушился на Красина с упрёками, почему Петербургская боевая организация не помогла Москве, почему туда не были отправлены бомбы, почему не были взорваны железнодорожные пути, почему Северцев не выполнил своего обещания во что бы то ни стало помешать переброске войск в Москву. Разъяснение, данное в ответ, что задание не было выполнено, так как боевики, не имея карты местности, сбились с пути и не вышли к полотну Николаевской железной дороги, звучит не особенно убедительно¹.

Кровавое подавление декабрьского вооружённого восстания привело лишь к кратковременному спаду революционного движения. Сравнительно скоро начался новый подъём, и большевики принялись с удвоенной энергией за восстановление как общепролетарских, так и специально боевых организаций.

В 1906 г. на смену многочисленным, но разрозненным и не спаянным между собою дружинам 1905 г. приходят боевые организации партии. Умудрённые тяжёлым декабрьским опытом, вдохновляемые призывами своих вождей, боевые организации большевиков всё шире и планомернее развёртывают работу.

В нашем распоряжении нет ни документальных, ни мемуарных материалов, которые бы чётко, с желательной полнотой и последовательностью, излагали ход работы Петербургской боевой организации в течение первой половины 1906 года. Имеется лишь скупое сообщение о работе «Боевой технической группы» при ЦК, которое мы находим в «Конспекте доклада» представителя этой группы тов. «Гвоздева» — Грожана — на Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП². Этот документ несмотря на свою лаконичность представляет для нас большой интерес.

Указав на то, что «техническая группа» возникла в начале 1905 г. и имела своей задачей приобретение и распределение оружия и боевых припасов среди боевых организаций партии, тов. Грожан дал представление и о масштабах её работы. Он указал, что месячный баланс группы равнялся 3—4 тыс. рублей. Докладчик остановился затем на тех трудностях, которые приходилось преодолевать «технической группе» после IV Объединительного съезда ввиду того, что новый, меньшевистский ЦК игнорировал работу группы и не желал её финансировать. В заключение тов. Грожан сообщил, что «в своё время группа выделила отделения, ставшие впоследствии самостоятельными — московское для центрального района и отделение для поставки оружия на Кавказ»³.

Ряд других источников подтверждает правильность последнего сообщения тов. Грожана и помогает уточнить время организации двух отделений «Боевой технической группы», получивших вскоре полную самостоятельность. Возникновение обоих отделений падает на январь 1906 г., когда почти одновременно в Москве организуется Военно-техническое бюро при Московском бюро ЦК, а за границу приезжает М. М. Литвинов, имевший специальное задание ЦК организовать там массовую закупку оружия и наладить его доставку для кавказских большевистских организаций.

Воспоминания М. М. Литвинова и некоторых других участников⁴ этой исключительной по своему размаху попытки организовать массовый транспорт оружия в Россию дополняются документальным материалом

¹ См. Лядов М. «Из жизни партии накануне и в годы первой революции», стр. 141. М. 1926.

² «Протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП», стр. 51. Партиздат. 1932.

³ Там же, стр. 57.

⁴ См. «Воспоминания» М. М. Литвинова в книге «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.» и Лядова М. в сборнике «Леонид Борисович Красин», стр. 231.

Особого отдела департамента полиции¹ и дают подробное освещение всей этой грандиозной операции.

Как вспоминает тов. Литвинов, в начале 1906 г. он получил через Л. Б. Красина предложение ЦК отправиться за границу, чтобы произвести там массовую закупку огнестрельного оружия для кавказской организации большевиков, которая передала через тов. «Камо» очень крупную сумму для этой цели. Тов. Литвинов принял это предложение и, договорившись с кавказскими товарищами о желательном для них типе оружия, выехал за границу. Так как опыт революционных боёв 1905 г. неопровержимо доказал непригодность не только «бульдогов», но и «браунингов» при столкновении с регулярной царской армией, вооружённой трёхлинейными винтовками, то от револьверов как основного вида оружия отказались. Было решено приобрести несколько тысяч винтовок системы Маузера и Манлихера и соответствующее количество патронов к ним, а также несколько десятков пулемётов и небольшое количество мелкого оружия.

Трудность миссии Литвинова заключалась не только в том, что ему — частному лицу — приходилось делать закупки больших партий оружия. Гораздо большую трудность представляла задача перебросить весь этот конспиративный груз из различных европейских государств на берега Чёрного моря. С большими усилиями тов. Литвинову удалось всё же благополучно разрешить эту трудную задачу. Оставалось только погрузить всё это оружие, сконцентрированное в Варне, на судно и отправить его к восточным берегам Чёрного моря. Но тут возникли новые препятствия. Пароходные предприятия Варны категорически отказались от перевозки этого опасного груза, который пришлось бы контрабандным путём разгружать в море у берегов России.

Чтобы выйти из создавшегося положения, тов. Литвинов был принуждён купить небольшую яхту «Зара», для которой была прислана «своя» команда из Одессы. Но всё это грандиозное предприятие, на которое ушло много времени, труда и денег, кончилось крахом. Значительную долю ответственности за печальный финал этой операции тов. Литвинов возлагает на меньшевиков — членов ЦК. Несмотря на неоднократные, настойчивые просьбы тов. Литвинова ускорить высылку необходимых ему денег, переданных кавказской организацией на хранение Центральному комитету, меньшевики всячески оттягивали исполнение этой просьбы. Когда, наконец, под влиянием кавказских делегатов меньшевикам пришлось уступить и деньги тов. Литвинову были высланы, благоприятный момент для отправки оружия был уже упущен. Наступил декабрь, на Чёрном море свирепствовала бурная погода. Несмотря на это яхта «Зара», груженная оружием и боевыми припасами, вышла в свой рискованный рейс, имея на борту инициатора и вдохновителя этого дела — тов. «Камо». Но на другой же день «Зара» потерпела крушение, сев на мель у берегов Румынии. Драгоценный груз — 2 тыс. винтовок и 165 тыс. патронов — был захвачен румынскими властями. Динамит и гремучая ртуть погибли в море, а команде пришлось спасаться бегством от преследования полиции.

Такой тяжёлой неудачей закончилась эта вторая и последняя попытка массового транспорта огнестрельного оружия, столь необходимого для восставшего народа в период первой русской революции.

Знакомство с материалами Особого отдела департамента полиции позволяет утверждать, что неудача миссии Литвинова в значительной степени была обусловлена предательской работой провокатора Житомирского. Последний жил в это время в Берлине, был информирован о работе Литвинова и доносил буквально о каждом шаге самого Литвинова и его помощников в Особый отдел департамента полиции. Представители цар-

¹ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Департамент полиции. Особый отдел, № 885. 1906 г.

ской охраны за границей зорко следили за Литвиновым, рассчитывая захватить его с поличным, когда вся операция будет закончена.

Эта тяжёлая неудача не помешала повседневной работе «Боевой технической группы» при ЦК по снабжению оружием и огнестрельными припасами боевых организаций партии. Только масштабы её работы в соответствии с материальными ресурсами были значительно скромнее.

Что касается «Боевого комитета» при Петербургском комитете большевиков, то он продолжал вестись формированием и обучением членов боевых дружин. В ходе практической работы бывали, несомненно, моменты, когда деятельность «Боевого комитета» переплеталась с работой «Боевой технической группы», но, как правило, каждая из этих организаций работала самостоятельно, имея обособленный участок работы и свой собственный аппарат.

В 1906 г. изменился руководящий состав петербургского «Боевого комитета». Отошёл совершенно от работы тов. «Щур», которого заменили тов. Лалаянц — «Николай Иванович», Шкляев — «Лазарь» и Фридолин — «Варенька». Обновились ряды боевиков и в районных дружинах. В начале 1906 г. Петербургская боевая организация получила значительное пополнение в лице группы латышских боевиков, которым удалось спастись от преследования карательного отряда генерала Орлова.

Осенью 1907 г. один из видных боевиков-латышей — Карл Мицит, по кличке «Мартын» — был захвачен полицией. Доставленный в рижский «музей пыток», он попал в руки известного садиста Грегуса и здесь под ужасными пытками дал откровенные показания о личном составе и о деятельности Петербургской боевой организации большевиков. Только потому, что к этому времени фактически боевая работа была свёрнута и большинство бывших боевиков переключилось на новый вид партийной деятельности или же совсем отошло от неё, показания Мицита не могли нанести большого ущерба партии.

Примерно к февралю 1906 г. «Боевой центр» при Петербургском комитете провёл организационное нововведение, назначив в районы боевых организаторов. Это мероприятие, охватывая весь город, способствовало значительному улучшению постановки боевого дела¹.

С начала 1906 г. разгорнулись выступления членов боевых дружин в духе указаний, которые неоднократно делались Лениным. Так например, по поручению ПК, боевой центр Невского района 27 января 1906 г. произвёл вооружённое нападение на штаб местного отдела «Союза русского народа», который помещался в трактире «Тверь». Окружив помещение трактира, члены боевой организации бросили внутрь здания три бомбы. После взрыва двух снарядов (третья бомба не разорвалась) черносотенцы, охваченные паникой, бросились на улицу и здесь были встречены револьверными залпами боевиков. В результате этого выступления чёрная сотня потеряла двух человек убитыми и около 15 ранеными. Революционеры, участники этого нападения, потерь не понесли².

В это же приблизительно время боевая организация разработала план освобождения арестованных товарищей, которых должны были под конвоем вести из Дома предварительного заключения по Шпалерной улице.

¹ Удалось установить имена боевых организаторов семи районов: Городского, Выборгского, Петербургского, Василеостровского, Нарвского, Московского и Невского. Районными боевыми организаторами в то время были следующие товарищи: по Городскому — «Константин Матвеевич» — К. М. Шведчиков; по Выборгскому — «Фома» — Грибовский, студент Военно-медицинской академии; по Петербургскому — «Николай Сергеевич» — С. Скроботов; по Василеостровскому — «Виктор» — Урысон; по Нарвскому — «Альфред» — Нейман; по Московскому и Невскому — «Лазарь» — А. С. Шкляев. Активное участие в боевой организации принимала Р. С. Замлячка. См. «Протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП», стр. 343—344.

² ЦГИА. Департамент полиции. Особый отд., № 514. 1908 г. Воспоминания Ростовова Н. «Ещё о взрыве в трактире «Тверь». «Красная летопись». Кн. 1-я за 1931 год.

Для реализации этого предприятия боевиками была изготовлена извозчи-
чья пролётка («лихач»), чтобы умчать отбитых от стражи товарищей. Но
план намеченного освобождения не был приведён в исполнение, так как
арестованных не повели по намеченному маршруту.

Помимо отдельных мелких партизанских выступлений, Петербург-
ская боевая организация занялась приобретением через своих членов
взрывчатых веществ с казённых складов в Сестрорецке и от солдат-artil-
леристов, стоявших на полигоне за Охтенскими пороховыми заводами.
Кроме того в районе этих же заводов были завязаны связи с учениками
пиротехнической школы, от которых рассчитывали получать пироксили-
новые шашки и другие взрывчатые вещества.

К весне 1906 г. Петербургская боевая организация значительно рас-
ширилась и окрепла. В процессе работы накопилось много вопросов, тре-
бовавших незамедлительного и авторитетного разрешения. Однако надеж-
ды, которые возлагались боевиками в этом отношении на Объедини-
тельный съезд партии, не оправдались. Съезд не дал ответа на наиболее
острые вопросы, связанные с боевой деятельностью партии, и тогда пе-
тербургские боевики созвали в мае 1906 г. городскую конференцию бое-
вых дружин РСДРП.

В нашем распоряжении нет никакого материала, который давал бы
представление о составе конференции, порядке дня и прениях, развернув-
шихся на ней. В архиве Особого отдела департамента полиции удалось
обнаружить лишь резолюцию, принятую на конференции боевых дружин
РСДРП в мае 1906 года. Этот документ настолько характерен для на-
строения и чаяний боевиков весной 1906 г., что приводим его полностью.

«Исходя из резолюции Объединительного съезда по вопросу о воору-
жённом восстании, ставящей задачей дружин «ввести инициативу и пла-
номерность в повстанческую борьбу», и принимая во внимание:

1) Постановление ПК о желательности создания школы для подго-
товки опытных инструкторов.

2) Отсутствие в настоящий момент (май 1906 г.) инструкторов.

3) Опыт боевой организации, показавшей, что без сведущих инструп-
торов и регулярного планомерного обучения дружинников, дружины рас-
падаются вследствие отсутствия ответов на свои практические боевые
вопросы. Конференция признаёт и предлагает ПК признать:

1. Что организовать боевые дружины на почве борьбы с чёрной сот-
ней, охраны массовок и т. д., невозможно, так как неподготовленные бое-
вые дружины не будут в военном отношении иметь преимущества перед
нападающими, не приучая к планомерным выступлениям; будут способ-
ствовать развитию среди дружинников тяготения к анархическим выступ-
лениям.

2. Что только на почве планомерного обучения дружинников воен-
ному делу может быть начата полная организация дружин, а для этого
необходимо в первую очередь осуществить выпуск школой сведущих
инструкторов. Присоединяясь к постановлению ПК «центр деятельности
по организации боевых дружин перенести в низшие партячейки», конфе-
ренция предлагает районным, подрайонным и заводским комитетам воз-
можно скорее наметить будущих инструкторов и озаботиться доставкой
средств, необходимых для осуществления школы»¹.

Можно думать, что эта майская конференция помогла дальнейшему
развёртыванию боевой работы в Петербурге несмотря на сопротивление
меньшевистского ЦК, всячески тормозившего развитие деятельности бое-
вых организаций. Правда, наладить сразу работу боевой инструкторской
школы не удалось. Но работа в районах всё же видоизменилась в духе
пожеланий, выраженных майской конференцией. Боевая организация как
бы перестроилась на новый лад и стала уделять больше внимания прак-

¹ ЦГИА. Департамент полиции. Особ. отд. 1906 г., д. № 5. Ч. 1-я, л. 13.

тическим занятиям, производившимся преимущественно за городом. На этих занятиях обучались стрельбе в цель (причём изредка стреляли даже боевыми патронами, расходование которых производили, вообще говоря, чрезвычайно экономно), проводили упражнения развёрнутым фронтом, выполняли некоторые сапёрные работы и т. п. Позднее, когда была организована Центральная инструкторская школа, проводились даже маневры, в которых наряду с учениками Центральной школы принимали участие также и представители районов. Эти маневры происходили то в лесу за Лесным, то в окрестностях Лигова, иногда даже на льду Финского залива, между Сестрорецком и Лисьим носом¹.

Расширение масштаба работы Петербургской боевой организации шло параллельно с количественным её ростом, и, как свидетельствуют бывшие её члены, к концу 1906 г. разросшаяся организация насчитывала в своих рядах около 600 человек. Эти члены партии, организованные в особые конспиративные кружки, были охвачены не только общепартийной пропагандой и агитацией, но получали ещё и специально боевой инструктаж. Одновременно с ростом Петербургской боевой организации значительно укрепилась и её военно-техническая база.

К этому же времени «Боевая техническая группа» при ЦК преодолела те препятствия, которые выростали на её пути вследствие противодействия меньшевистского ЦК. Не получая ассигнований от ЦК, группа не могла продолжать снабжение боевых организаций оружием на свои средства. Но она нашла выход из положения. Завязав прочные связи с местными организациями, группа успешно продолжала свою работу, попрежнему снабжая партийные организации оружием и боевыми припасами, но уже не бесплатно, а за наличный расчёт.

В результате успешной работы «Боевой технической группы» районные склады Петербургской боевой организации значительно увеличили количество и улучшили качество своих запасов. Чтобы судить о росте и размахе этой работы в 1906 г., достаточно сопоставить данные, характеризующие состояние склада боевой организации Невского района к моменту декабрьского вооружённого восстания 1905 г. и год спустя. Активный работник боевой организации Невского района тов. Зарубкин свидетельствует, что к концу 1905 г. у них на складе, помимо некоторого количества револьверов, было только 15 винтовок, 1 тыс. патронов и один «винчестер» со 120 патронами. А через год, при содействии районного боевого организатора тов. Шкляева, склад обогатился трёхлинейными винтовками. К концу 1906 г. на складе хранилось 236 винтовок, 125 бомб разных систем, 67 револьверов, 5 «винчестеров», а также 4 самодельных самопала. Тов. Шкляев доставил на склад даже пулемёт, полученный им, очевидно, при посредстве «Боевой технической группы»².

Одновременно с военным обучением члены боевой организации продолжали практиковать партизанские выступления, ведя систематическую борьбу с чёрной сотней, шпионами и провокаторами.

В разносторонней работе Петербургской боевой организации имеется лишь один ощутительный пробел, который сразу бросается в глаза, — это отсутствие практической работы в области разведки. Вопросы разведывательной работы хоть и были включены в программу теоретических занятий Центральной боевой инструкторской школы, но практически они никак не решались. Правда, у нас есть прямое доказательство в пользу того, что в первой половине 1906 г. «Боевая техническая группа» при ЦК проявляла довольно большой интерес к этой отрасли боевого дела. Подтверждение этому мы находим в следующем факте. В ночь

¹ Гуляев А. «Боевые дружины большевиков».

² «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.», стр. 227.

на 1 мая 1906 г. в Петербурге был арестован ответственный организатор «Боевой технической группы» Н. П. Сагрето. При обыске у него были взяты, помимо записной книжки с большим количеством шифрованных адресов и разного рода записей, различные книги революционного содержания и ряд документов, носивших штамп Московского военно-технического бюро¹. Среди этих документов были устав Московского военно-технического бюро при Московском бюро Центрального комитета, объяснительная записка к уставу, проект резолюции к Объединительному съезду, опросные листки для боевой и военной организации, составленные Московским военно-техническим бюро, с объяснительной запиской к ним. Эти опросные листки были не чем иным, как программой разведывательной работы, которую предлагалось проводить членам боевых и военных организаций партии. Не случайно эти документы привлекли к себе особое внимание департамента полиции. На докладе начальника Петербургского охранного отделения полковника Герасимова о результатах обыска у Н. П. Сагрето была наложена резолюция с предложением немедленно переслать копию с опросного листка для военных организаций военному министру Редигеру, «так как в них отмечаются те стороны военного быта, которые обращают на себя внимание революционеров»². Полученные сведения о Московском военно-техническом бюро были кроме того включены во всеподданнейший доклад царю.

Факт нахождения этих материалов у тов. Сагрето представляет большой интерес потому, что он наглядно свидетельствует, во-первых, о прямой, непосредственной связи между «Боевой технической группой» при ЦК и Московским военно-техническим бюро и, во-вторых, о том, что «Боевая техническая группа» при ЦК в это время не безразлично относилась к вопросу постановки разведывательной работы. Но арест тов. Сагрето прервал эту работу в самом начале. Персональная связь между «Боевой технической группой» и Московским военно-техническим бюро, вероятно, временно оборвалась. Позднее Петербургская боевая организация, широко развернув работу по массовому боевому обучению своих членов, не имела, повидимому, возможности выдвинуть специального человека, который мог бы взять организацию разведки в свои руки.

Лето 1906 г. было горячим временем для Петербургской большевистской организации. Разгон I-й Государственной думы, неудачные попытки военных восстаний в Кронштадте и Свеаборге — всё это накалило атмосферу и заставило настойчивее требовать созыва военной конференции.

Но меньшевистский ЦК и слышать не хотел о такой конференции. Уступая напору партийных масс, ЦК с трудом согласился на созыв (в сентябре 1906 г.) конференции одних военных организаций.

Узнав из циркуляра ЦК о предстоящей конференции, Петербургский комитет обратился с письмом к ЦК по вопросу о практических предложениях для созыва конференции военных и боевых организаций РСДРП. Это письмо заканчивалось следующими словами:

«Петербургская военная организация заявляет, что в случае отрицательного ответа ЦК или неполучения от него такого ответа, она, пользуясь предоставленным партийным уставом местным организациям правом созывать конференции, а следовательно, создавать с этой целью необходимые организации, как, например, бюро, организует это последнее, но уже без участия представителя от ЦК»³.

¹ ЦГИА. Департамент полиции. Особый отд. 1906 г., № 280.

² Там же.

³ «Протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП», стр. 192.

ЦК не дал ответа на это письмо Петербургского комитета и никакой договорённости между меньшевиками и большевиками по этому вопросу не имелось.

Меньшевицкая конференция военных организаций, созванная в Териоках в октябре 1906 г., бойкотировалась большевиками и была фактически сорвана. Большевики же, создав оргбюро, горячо принялись за подготовку созыва в Таммерфорсе конференции военных и боевых организаций партии.

Вопрос о посылке представителей Петербургской организации на ноябрьскую военно-боевую конференцию вызвал резкий конфликт внутри Петербургского комитета. Поставленный на обсуждение комитета на заседании 6 ноября 1906 г.¹, он был встречен единогласным протестом меньшевицкой части комитета, которая в полном своём составе (6 чел.) покинула заседание, приложив к протоколу письменный протест против решения 8 большевиков. Боевая организация делегировала на эту конференцию в качестве представителя одного из лучших своих работников, известного уже нам боевого организатора Невского района тов. Шкляева.

Таммерфорсская военно-боевая конференция, созванная в ноябре 1906 г., сыграла весьма положительную роль в жизни Петербургской боевой организации. Большое значение для выпрямления всей линии работы боевой организации, для устранения вредных крайностей и левых загибов имел тот факт, что конференция не приняла проекта построения военно-боевых центров, предложенного «Изаровым» — Лалаянцем, а создала вместо этого «Временное бюро военных и боевых организаций РСДРП», во главе которого встал тов. Ярославский. Конференция способствовала кроме того завязыванию новых персональных связей и обмену опытом между отдельными организациями. После конференции получила широкое повсеместное распространение книжка С. Вычегодского «Тактика уличного боя», изданная Московским военно-техническим бюро. Представитель Южного военно-технического бюро «Альбин» — «Артём», посетивший основанную после конференции инструкторскую школу-лабораторию в Куоккала, ознакомил руководителей этой школы с усовершенствованным типом разрывного снаряда, который был создан и изготовлялся в массовом масштабе в мастерской Южного военно-технического бюро в Ростове на Дону ещё в самом начале 1906 года.

Таммерфорсская конференция возложила на «Временное бюро военных и боевых организаций» обязательство провести работу по подготовке новой конференции, созыв которой назначался на январь 1907 г., и наметила обширный план литературно-издательской работы «Временного бюро». На этом ноябрьская конференция закончила свою работу, и делегаты разъехались по домам.

В самый день закрытия конференции представитель большевицкого центра тов. Саммер и докладчик оргбюро тов. Лядов отправились к Ленину, жившему в то время в Финляндии, для доклада о проделанной работе.

Владимир Ильич дал в общем положительную оценку работам конференции, резко осудив лишь отвергнутый конференцией проект «Изарова» — Лалаянца — о создании так называемых военно-боевых центров².

Но «Временному бюро» военно-боевых организаций не удалось реализовать полностью намеченный план работы. Опираясь на предательскую работу агентов-provokatoров, департамент полиции зорко

¹ «Протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП». Приложение № 9, стр. 194—196.

² См. Ленин. Соч. Т. XI, стр. 208—215. («По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции Российской Социал-демократической Рабочей Партии»).

следил за деятельностью членов «Временного бюро», и вскоре последовали один арест за другим.

И всё же за несколько месяцев своего существования «Временное бюро» военно-боевых организаций издало протоколы «Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП», напечатало и распространило ряд документов, как например «Извещение» о состоявшейся конференции, обращение «Ко всем партийным организациям» с отчётом о своей работе, тезисы о подготовке к вооружённому восстанию и, наконец, брошюру «Катехизис солдата», автором которой был тов. Е. Ярославский.

После Таммерфорсской конференции, в самом конце 1906 г., удалось осуществить постановление майской городской конференции боевых дружин об открытии боевой инструкторской школы. В состав преподавателей Центральной инструкторской школы вошли Эразм Кадамцев — «Пётр», — бывший член Уфимской боевой организации; А. Ф. Чесский — «Кибальчич», — бывший работник Московского военно-технического бюро, бежавший осенью 1906 г. из Бутырок; тов. Нейман — «Альфред»; тов. Шкляев — «Лазарь» — и некоторые другие товарищи, имевшие значительный практический опыт боевой работы.

Занятия Центральной инструкторской школы происходили преимущественно в чертёжной Горного института и лишь изредка — в помещениях других высших учебных заведений. В программу занятий школы входили: химия взрывчатых веществ и изучение различных систем метательных снарядов, минно-подрывное дело, теоретическое и практическое ознакомление с огнестрельным оружием — сборка и разборка его — и практические занятия по стрельбе, во время которых главное внимание уделялось не револьверам, а преимущественно винтовкам. Наконец, читались лекции по разведке и тактике уличного боя.

Центральная инструкторская школа, не имевшая в своём распоряжении хорошо законспирированного помещения для практической работы по технике изготовления бомб, была крайне стеснена в своих возможностях. Поэтому, когда «Временное бюро» военно-боевых организаций встало перед задачей постановки школы лаборатории для будущих инструкторов, было решено открыть эту школу за пределами досягаемости для русской полиции — в Финляндии.

Петербургская боевая организация полностью поддержала эту инициативу и перебросила в Финляндию на работу в школу-лабораторию тт. Чесского и Неймана. Последние обосновались в дачной местности Куоккала и в специально нанятом отдельном домике развернули работу новой боевой инструкторской школы, имевшей преимущественно практический уклон. В школе обучались рабочие, выделенные Петербургской боевой организацией как будущие инструкторы и начальники боевых дружин. Но этой новой школе не удалось закрепиться и широко развернуть свою работу. Крепнущая с каждым днём реакция плела липкие сети провокации вокруг революционных организаций. Не избежала этой участи и Петербургская боевая организация. В её ряды пробрался провокатор Бродский, и вскоре началась целая серия провалов среди петербургских боевиков. Прежде всего были произведены аресты членов «Временного бюро» военно-боевых организаций. Затем 16 (3) мая 1907 г. последовал провал куоккальской школы-лаборатории, которую не спас от преследования полиции переезд на новое место — в посёлок Хаапало. Наконец, в ночь на 2 июня 1907 г., буквально накануне столыпинского переворота, произошёл массовый арест членов Петербургской боевой организации на собрании в Лесном, ставших также жертвой предательства Бродского.

Почти одновременно с этими событиями V съезд партии, учитывая резко изменившуюся политическую обстановку в стране, вынес поста-

новление о роспуске всех боевых дружин, состоящих при партийных организациях¹. Условия столыпинской реакции не позволяли думать и заботиться о развитии деятельности боевых организаций. Оставшиеся на свободе боевики, подчиняясь партийной дисциплине, принуждены были направить свои усилия не на восстановление разгромленной организации, а на самоликвидацию и на заботу о спасении тех ценностей, которые были в распоряжении боевой организации. Такими ценностями являлись склады оружия и боевых припасов.

Представителю «Боевой технической группы» центром было дано задание — собрать по возможности все имеющиеся запасы оружия и взрывчатых веществ и организовать их длительное хранение в надёжном месте. Тов. Томашевский, рассказывая в своих воспоминаниях о выполнении им этой миссии, относит эти события не к 1907, а к 1908 году. Проверить точность этой даты нам не удалось, но, сравнивая показания тов. Томашевского с теми сведениями, какие имеются относительно других боевых организаций партии, можно думать, что тов. Томашевский не делает ошибки, указывая на такой поздний срок выполнения полученного им задания. Ряд боевых организаций далеко не сразу принял к исполнению постановление V съезда партии, и значительная часть из них продолжала свою работу на протяжении всего 1907 года.

Склад оружия и боевых припасов, организованный тов. Томашевским в подzemелье одноэтажного деревянного особняка в Лесном, сохранился в неприкосновенности до 1917 года. В дни февральской революции, по показанию владельца дома, к нему явились представители революционной организации Политехнического института, взломали полы, извлекли ящики с тщательно уложенным оружием и вывезли их. Таким образом, вооружение Петербургской боевой организации не пропало даром. Оно было использовано борцами 1917 г., во главе которых чаще всего шли люди, получившие свой политический опыт и боевую закалку в огне первой русской революции.

---

¹ «Протоколы V съезда РСДРП», стр. 588, 621. М. Партиздат 1933.

² «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.», стр. 247—256.

БОРЬБА ФИЛОСОФСКИХ ТЕЧЕНИЙ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ в 70-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Проф. В. Асмус

Идейная жизнь русских университетов всегда отражала общественно-политическое и моральное состояние русского общества. Но способы этого отражения, его ясность и интенсивность менялись в зависимости от перемен, происходивших за стенами университетов,— в формах общественно-политической жизни русского общества и государства.

При этом, чем менее охвачено было общество политической деятельностью, чем более ограничен был для него доступ к различным формам и проявлениям политической жизни, чем менее ясным было общественно-политическое сознание различных его групп, тем большее значение в политическом развитии страны принадлежало университетам как выразителям растущей политической самостоятельности и самосознания общества.

«Общество,— писал наш знаменитый хирург и педагог Н. И. Пирогов,— видно в университете, как в зеркале и перспективе. Университет есть и лучший барометр общества. Если он показывает такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать,— лучше всё-таки смотреть и, смотря по времени, действовать. Этот взгляд на университет подтверждает история. Где политическая жизнь общества качается ровно, как часовой механизм, где политические страсти из высших сфер не доходят до незрелого поколения, там в университете выступает на первый план его прямое назначение — научная деятельность. Университет делается там барометром просвещения. В науке есть свои повороты и перевороты; в жизни — свои; иногда и те и другие сходятся, но все переходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на науке, а через неё и на университете. Только там, где политические стремления и страсти проникли глубоко через все слои общества, они уже неясно отражаются на университете. Но чем более настаивают они общество врасплох, чем менее оно привыкло к переходам и переворотам, тем сильнее выразится его настроение в университете»¹.

Так писал один из самых вдумчивых наблюдателей русской университетской жизни в конце 1862 года. Сказанное Пироговым о русских университетах вообще остаётся справедливым и относительно университета Московского. Начиная с двадцатых годов прошлого века Московский университет с поразительной восприимчивостью отражал нравственно-политическое состояние русского общества и прежде всего отражал последовательные перипетии в отношениях между этим обществом и властью.

В воспоминаниях Аполлона Григорьева Московский университет конца двадцатых и начала тридцатых годов, то есть поколения, к которому принадлежал наставник Аполлона Григорьева, характеризуется как университет, «весь полный трагических веяний недавней катастрофы и страшно отзывчивый на всё тревожное и головокружительное, что носилось в воздухе, университет погибавшего Полежаева и других»².

То же значение — исключительно отзывчивого и восприимчивого органа общественного сознания — Московский университет сохранил и

¹ Пирогов Н. «Университетский вопрос». Соч. Т. I, стр. 519, 520. Киев. 1910.

² Аполлон Григорьев «Мои литературные и нравственные скитальчества». Полное собрание сочинений и писем, под ред. В. Спиридонова. Т. I, стр. 39. П. 1918.

в пору своего расцвета — в сороковых годах. Политическая реакция, господствовавшая между Венским конгрессом и революцией 1848 г., сама того не желая, повысила значение университетов в жизни общества. Так было в Западной Европе, так было и в России. «В то время в России,— писал Б. Н. Чичерин,— не было никакой общественной жизни, никаких практических интересов, способных привлечь внимание мыслящих людей. Всякая внешняя деятельность была подавлена. Государственная служба представляла только рутинное восхождение по чиновной лестнице, где протекция оказывала всемогущее действие... Точно так же и общественная служба, лишённая всякого серьёзного содержания, была поприщем личного честолюбия и мелких интриг... При таких условиях всё, что в России имело более возвышенные стремления..., всё это обращалось к теоретическим интересам, которые, за отсутствием всякой практической деятельности, открывали широкое поле для любознательности и труда. Однако и в этой области препятствия были громадные... Не допускалось ни малейшее, даже призрачное отступление от видов правительства или требований православной церкви... на кафедре было гораздо более простора, тут не было пошлого и трусливого цензора, опасавшегося навлечь на себя правительственную кару и беспрепятственно дрожащего за свою судьбу... Слово раздавалось свободнее: можно было, не касаясь животрепещущих вопросов, в широких чертах излагать историческое развитие человечества. И когда из стен аудитории это слово раздавалось в поучение публики, то оно привлекло к себе всё, что было мыслящего и образованного в столице. Московский университет сделался центром всего умственного движения в России»¹.

Блестящее развитие Московского университета в сороковых годах, когда на кафедрах действовали или начинали действовать такие учёные, как Редкин, Крылов, Иноземцев, Грановский, Кавелин, Сергей Соловьёв, Буслаев, Кудрявцев и другие, резко пресеклось реакцией, последовавшей за европейской революцией 1848 года.

В числе мер, которыми правительственная реакция стремилась оградить университет от распространения в нём политического свободомыслия и религиозного неверия, на первом плане стояло состоявшееся в 1849 г. запрещение преподавания в университетах философских наук. Изгнание философии было осуществлено во всех университетах, в частности в Московском. Здесь из всей философии уцелели только логика и психология, преподавание которых было поручено не университетскому профессору, специалисту в этой области, а священнику Терновскому.

Разгром философского просвещения в университетах имел самые пагубные и в своей пагубности длительные последствия не только для судьбы философии в России, но и для всего культурного развития русского общества. Вред этой меры понимали не только представители передовой материалистической мысли, но также и философы идеалистического лагеря — и при том не только такие, как рационалист-гегельянец Б. Н. Чичерин², но даже такие, как мистик-идеалист Владимир Соловьёв. «Существенный характер науки,— писал Соловьёв,— то, что делает её истинным знанием, а не простым набором фактов, есть, без сомнения, обобщение в различных его видах. Но для научного обобщения прежде всего необходимы два условия: во-первых, известное формальное развитие мышления, ручающееся за правильность в самом процессе обобщения... во-вторых, для плодотворных и широких обобщений в науке необходимы известные универсальные начала и идеи, которые должны да-

¹ «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов», стр. 33—34. М. 1929.

² «Московскому университету, да и всему просвещению в России,— писал Чичерин по поводу запрещения философии в России,— нанесён был удар, от которого они никогда не оправались». Там же, стр. 84.

вать обобщению определённое направление и цель, а эти начала и идеи, не находящиеся ни в одной частной науке, могут быть установлены только всеобщей наукой — философией»¹. Поэтому Соловьёв не находил ничего удивительного в том, что с изгнанием философии из нашей общеобразовательной школы русская наука «стала обогащаться массой случайных произведений без цели и плана в общем, без логической связи в частности»². Даже восстановление кафедры философии университетским уставом 1863 г. не могло возместить ущерб, нанесённый русскому философскому и общему образованию её упразднением в 1849 г.: кафедры философии были открыты, но не хватало учёных, которые были бы подготовлены для их замещения, были бы достаточно образованы и были бы воспитаны в традициях независимой мысли и свободного исследования.

Отсюда возникло характерное для второй половины XIX в. явление: двойное отставание университетской философии — от движения философии на Западе и от философского движения в России, развившегося вне университетов — в русской литературе и в русской публицистике.

В сороковых годах центры передовой науки и передовой общественной мысли в значительной мере совпадали и Московский университет был средоточием той самой мысли, которая развивалась и действовала в обществе, вне университетских аудиторий. Грановский был одновременно идейным центром университетской мысли и лицом, определявшим и направлявшим движение мысли общественной.

В шестидесятых годах Московский университет не только не был уже центром передовой общественной и философской мысли, но заметно отставал от уровня, которого достигли к этому времени передовые философские круги, связанные не с университетом, а с журналистикой, критикой и художественной литературой. Таков был прежде всего круг «Современника» с работавшими в нём корифеями тогдашней материалистической русской мысли — Чернышевским и Добролюбовым. Этот разрыв между философией, прозябавшей в университете, и философией, развивавшейся вне академических традиций в журналистике, был особенно резким ввиду высокого уровня, достигнутого тогдашней журналистикой. По верному замечанию современника, Россия в шестидесятых годах являла «единственный в мире опыт значительного развития журналистики при самодержавном правлении»³.

Теоретическими точками зрения, на позициях которых стояла эта передовая журналистика, были материализм в области философии и социализм в области общественно-политических теорий. Но ни первое, ни второе учения не только не имели сторонников в рядах представителей университетской философии, но именно в ней встретили самых ожесточённых и непримиримых противников. Доказательством тому может быть знаменитая разыгравшаяся в 1860 г. полемика между Чернышевским и П. Д. Юркевичем, занимавшим тогда философскую кафедру в Московском университете.

В частности в вопросе о материализме не было никакой заметной разницы между враждебной к материализму позицией, занимавшейся университетскими философами, и философами-богословами духовных академий. Первые в своей критике материализма обнаруживали ничуть не больше научной свободы, широты и непредвзятости, чем вторые. Да и откуда было взяться различию между философией университетской и академической в условиях, когда университет, лишённый в течение ряда лет философского образования и возможности готовить учёных специалистов по философии, оказался вынужденным после восстановления кафедры философии приглашать на эту кафедру профессо-

¹ «Письма Владимира Сергеевича Соловьёва». Т. III, стр. 259—260. СПб. 1911.

² Там же, стр. 260.

³ Там же, стр. 182.

ров из тех же самых духовных академий?! Тот же Юркевич был до замещения кафедры в Московском университете профессором Киевской духовной академии.

В сравнении с университетской философией академическая имела даже преимущества. Это были преимущества не научной свободы и независимости, но преимущества длительной и непрерывавшейся философской традиции.

Культивировавшаяся в духовных академиях философия была схоластикой, в самом точном смысле слова, то есть прямой служанкой богословия. Но эта схоластика насчитывала в Москве и Киеве больше двухсот лет непрерывного развития. Традиции эти были не только традициями направления — таким здесь, разумеется, мог быть только и деализм, — но и традициями стиля научной работы. Изучение философии, в высшей степени консервативное и реакционное по направлению, было весьма тщательным, обстоятельным и основательным.

Серьёзность и основательность философской подготовки профессоров духовных академий отражались на уровне философского развития их студентов. Уже в начале XIX в. Московская духовная академия стояла в этом отношении выше Московского университета. В то время как в Московской духовной академии читались рефераты по философии, обсуждался смысл и значение философии Канта, в журнале «Вестник Европы», издававшемся при Московском университете, Канта, Фихте и Шеллинга называли сумасшедшими и их сочинения — «немецкой галиматьёй». Юные студенты «удивлялись невежеству и нелепости суждений университетского журнала»¹.

Разумеется, эти преимущества истари заведённого, более обширного, чем в университетах, и более основательного философского образования никак не могли возместить присущий духовным академиям недостаток подлинной научной независимости и свободы исследования. Более сведущие, порой и более учёные в области философии, чем профессора университета, философы Духовной академии, в том числе и самые даровитые, отличались поразительной порабощённостью ума и были безнадежно подавлены догмой официального вероучения. Именно положение даровитых было особенно трудным. Так было, например, с А. В. Горским, профессором и ректором Московской духовной академии. Близко знавший его и слушавший в начале семидесятых годов его лекции Владимир Соловьёв находил, что «при необъятной учёности, ясном понимании труднейших вопросов и необыкновенной сердечной доброте»² Горский в то же время «носил на себе печальные следы духовного гнёта — в крайней робости ума и малопродуктивности мысли сравнительно с его блестящими дарованиями: он всё понимал, но боялся всякого оригинального взгляда, всякого не принятого решения»³.

Московская духовная академия находилась даже под особым гнетом высшего духовного начальства. Историк Сергей Михайлович Соловьёв рассказывает в своих воспоминаниях («Записках»), что в Московской академии в то время, когда митрополитом был Филарет, «преподаватели даровитые... были мучениками, каких нам не представляет ещё история человеческих мучений. Филарет по капле выжимал из них, из их лекций, из их сочинений всякую жизнь, всякую живую мысль, пока, наконец... не превращал человека в мумию»⁴.

К этому печальному положению философии во всех русских уни-

¹ Глаголев С. «Протоиерей Феодор Александрович Голубинский. Памяти почивших наставников», изд. Импер. московской духовной академии ко дню её столетнего юбилея, стр. 20—21. Сергиев посад. 1914.

² Соловьёв В. «Сергей Михайлович Соловьёв». Т. VII, стр. 365. 2-е изд.

³ Там же, стр. 365.

⁴ Цит. по статье сына С. М. Соловьёва, философа В. С. Соловьёва. Соч. Т. VII, стр. 365.

верситетах вообще, в Московском университете присоединились особые обстоятельства, ухудшавшие и без того незавидное положение вещей. При жизни Грановского «Русский вестник» был средоточием и выражением университетской мысли. Все видные учёные силы Московского университета собрались вокруг его редакции¹.

Со смертью Грановского блестящий круг его товарищей, группировавшийся вокруг «Русского вестника», стал редеть, а направляющая роль в журнале стала захватываться его редактором Катковым. По меткому выражению Чичерина, Каткову «требовались клеветы, а не сотрудники»². Как только «Русский вестник» завоевал внимание общества, Катков подчинил журнал своему нераздельному и полному влиянию. Сотрудники, стремившиеся сохранить идейную независимость, были вскоре один за другим выжиты, и журнал, руководимый Катковым, резко и внезапно переметнулся на сторону правительственной реакции.

Но деятельность Каткова не ограничилась тем, что он разогнал и выжил из «Русского вестника» первоначальное ядро его сотрудников, состоявшее в значительной части из передовой профессуры Московского университета. Вскоре Катков заявил желание стать арендатором издававшейся Московским университетом газеты «Московские ведомости». Несмотря на протесты и предупреждения Чичерина постановлением совета Московского университета «Московские ведомости» были переданы Каткову.

«Этим роковым решением, — писал впоследствии Чичерин, — Московский университет сам наложил на себя руку»³. Пагубные последствия случившегося усиливались ещё и потому, что Катков руководил изданием с большим умом и талантом журналиста. Полностью подчинив редакцию своему влиянию, Катков начал в покорных ему изданиях бешеную кампанию против университетского самоуправления. Ему удалось добиться отмены либерального университетского устава 1863 г. и полного уничтожения какой бы то ни было самостоятельности университетов. В Московском университете началась полоса длительной реакции.

При таком положении вещей влияния материализма, проложившего несмотря на цензурные стеснения путь в журналистику, а в «Современнике» ставшего направлением всего журнала в целом, не легко могли проникать в среду профессоров философии Московского университета. Проводниками влияния материализма на университетскую мысль сделались передовые профессора не философского, но физико-математического и медицинского факультетов. В семидесятых годах в Московском университете преподавали и вели научную работу замечательные деятели естествознания: физик А. Г. Столетов, натуралист К. А. Тимирязев.

Благодаря их деятельности, не замыкавшейся в границах специальных вопросов, проникнутой глубоким пониманием общественного значения науки, материализм, лишившийся к тому времени обоих своих корифеев — одного, преждевременно умершего, другого, насильственно удалённого с общественной арены, — продолжал всё же господствовать над умами значительной части учащейся молодёжи и демократической интеллигенции.

В семидесятых годах властителями дум передового студенчества Московского университета продолжали ещё оставаться Чернышевский и Добролюбов. Трагичность их судьбы усиливала их обаяние. Никакие запреты цензуры не могли изгладить из памяти этой интеллигенции образ

¹ «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов», стр. 175, 186.

² Там же, стр. 175.

³ Там же, стр. 81.

Чернышевского и не могли искоренить власть над нею материалистических идей, введённых ими в сознание русского общества.

Однако при всей силе, с какой материализм продолжал властвовать над мировоззрением передовой части русской интеллигенции, отсутствие крупного вождя в философии этого направления не могло не отразиться на успехах движения. В середине семидесятых годов в России не только не было ещё философа, который оказался бы в силах повести русский материализм дальше того, что было достигнуто Чернышевским и Добролюбовым, но даже пропаганда созданного ими материализма оказалась — вследствие усилившейся реакции — затруднённой.

При таких обстоятельствах на первый план выступило философское направление, выдвигавшее, как и материализм, идею научного обоснования и научного характера философии, но в то же время не только лишённое чёткости и последовательности в решении основных вопросов философии, но в основе своей идеалистическое, враждебное материализму.

Этим направлением стал позитивизм в обеих его ветвях: французской и английской. Известный в России ещё в конце сороковых годов¹ как учение Огюста Конта позитивизм в ту пору и даже позже не получил у нас значительного распространения. Общеизвестно отрицательное отношение к позитивизму, высказывавшееся Чернышевским в письмах. Правда, в 1865 г., когда Чернышевский уже был в ссылке, в «Современнике» появилась статья Э. К. Ватсона, знакомившая с позитивизмом и принадлежавшая автору-позитивисту. Однако помещение этой статьи не искажало общей линии «Современника», которая вплоть до закрытия этого журнала оставалась материалистической.

Поэтому в шестидесятых годах, несмотря на известное усиление позитивизма и на рост интереса к нему, философским направлением, против которого главным образом выступали идеалисты, оставался материализм как учение, не только противостоящее идеализму по существу, в принципе, но и как направление, пользовавшееся тогда наибольшим влиянием² и добившееся значительных успехов. Против материализма и прежде всего против Чернышевского ополчился такой столп идеализма, каким был профессор Московского университета П. Д. Юркевич.

Напротив, к середине семидесятых годов главные усилия университетского идеализма сосредоточиваются на борьбе и на полемике, направленной против позитивизма.

Было бы неверно думать, будто эта смена предмета нападения произошла потому, что борьба идеализма против материализма к этому времени ослабела. Идеалисты семидесятых годов отнюдь не были более терпимыми или равнодушными по отношению к материализму, чем их предшественники. Для них и в это время материализм оставался и оценивался ими в качестве основного противника, представлялся наиболее опасным в их глазах и был наиболее поносимым ими философским течением.

Непримиримость идеалистов и их настороженность по отношению ко всему, что было или казалось проявлением материализма, обнаружались со всей очевидностью в полемике, завязавшейся вокруг диссертации Генриха Струве. Когда в 1870 г. Струве представил в Московский университет свою докторскую диссертацию «Самостоятельное начало душевных явлений»² и когда одно или два суждения, обронённых в ней, показались намёками автора на будто бы тайно проводившийся им

¹ Внимание русского читателя к учению Конта привлёк ещё Белинский, отозвавшийся на изложение этого учения у Сессе; в 1847 г. систему Конта изложил в 55-м томе «Отечественных записок» В. А. Милютин.

² Струве Г. «Самостоятельное начало душевных явлений. Психо-физиологическое исследование». М. 1870.

материализм, против Струве ополчились Н. Аксаков¹, профессор Московского университета С. Усов² и Н. Н. Страхов³.

Брошюра Н. Аксакова уже одним своим названием выдавала и точку зрения, и намерения, и тон критика. Основное обвинение Н. Аксакова состояло в утверждении, будто диссертация Струве под видом опровержения материализма содержит на деле оправдание материализма в психологии. «Объявляется сочинение, опровергающее материализм,— писал Н. Аксаков,— и оказывается само самым чистым, самым поверхностным материализмом, как назовем мы подобное дело?»⁴.

В стремлении опорочить как только возможно работу Г. Струве Н. Аксаков доказывал не только материалистический характер основных её положений, но кроме того непоследовательность автора, несознательность относительно действительной сути его утверждений и, наконец, недопустимую для научного труда несамостоятельность, зависимость от работ Ульрици, Жане и Фихте-младшего. «Объявляется сочинение научно-самостоятельное,— писал Н. Аксаков,— и появляется самая дюжинная компиляция. Как назовём мы подобное дело?»⁵. «Брошюра Г. Струве,— так заканчивалась рецензия Н. Аксакова,— служит выражением величайшего неуважения к познаниям и развитию русского общества и русской науки, ибо она выражает обидное предположение, что ни русское общество, ни наука не сумеют отличить материализм от спиритуализма, труд учёного от труда диллетанта, труд самостоятельный от замаскированной компиляции»⁶.

То же обвинение — в несознаваемой самим автором материалистической тенденции — было выдвинуто против Струве Н. Н. Страховым. Вместе с Н. Аксаковым Страхов утверждает, будто Струве «так составляет своё понятие о душе, употребляет для этого такие категории, что не может прийти к нематериальности души»⁷, что он «ставит душу наравне с физическими началами»⁸, что он отличает её, например, от электричества, «лишь настолько, насколько отличает электричество от тяжести»⁹. Страхов, правда, не считал возможным обвинить Струве в сознательном и намеренном проведении материализма, но тем более подчёркивал, что в результате усилий, какие делал Струве для опровержения материализма, получался всё же только материализм. «Нет никакого сомнения,— писал Страхов,— что г. Струве не желает быть материалистом; но он материалист против собственной воли и вопреки своим усилиям»¹⁰.

В большой статье «Из споров о душе», которой Страхов откликнулся на диссертацию Струве и на завязавшийся по поводу её спор, Страхов не только повторил доводы Н. Аксакова, но прибавил к ним собственные, не менее любопытные. Не отрицая у Струве искреннего намерения опровергнуть материализм, Страхов находил, что материализм не заслуживает пристального внимания и что слишком обстоятельная критика материализма скорее вредна, чем полезна. Вред её, во-первых, в том, что, сосредоточивая на материализме свои критические усилия, она приписывает материализму то значение, которого он сам по себе иметь не может. «Философия,— поучал Страхов,— принявшись опровер-

¹ Аксаков Н. «Подспудный материализм. (По поводу диссертации-брошюры г-на Струве)». М. 1870.

² Усов С. «По поводу диссертации Струве и ответ П. Д. Юркевичу». М. 1870.

³ Страхов Н. «Из споров о душе». «Философские очерки», стр. 268—310. СПб. 1895.

⁴ Аксаков Н. «Подспудный материализм. (По поводу диссертации-брошюры г-на Струве)», стр. 37.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 38.

⁷ Страхов Н. «Из споров о душе». «Философские очерки», стр. 309.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 310.

гать то, в опровержении чего не настояло никакой надобности, задавшись задачами не только разрешёнными, но и никогда не имевшими права на имя научных задач, спустила и искажила свой уровень до невозможности»¹. «В былые времена, — уверял Страхов, — философия никогда не боролась с материализмом, не занималась его отрицанием и критикою; она его побеждала и изгоняла тем, что спокойно излагала и проповедывала свои учения, и он исчезал без всякой особенной о том заботы... нынешняя борьба против материализма едва ли доказывает его силу, скорее она доказывает слабость философии»².

Трудно сказать, у кого из обоих критиков Струве проявилось больше вражды и ненависти к материализму — у Н. Аксакова, который обвиняет Струве в замаскированной проповеди материализма, или у Страхова, который рекомендует в качестве лучшего средства борьбы против материализма не критику и не опровержение материалистических учений, а «заговор молчания», умышленное игнорирование их и умолчание о них в печати.

В случае со Струве опасения Страхова имели основание. Диссертация Струве, публичная её защита в Московском университете и последовавшая затем полемика в печати превратились в общественное событие, всколыхнувшее широкие круги публики, учёных и литераторов.

Интерес к диспуту был привлечён уже тем, что диссертация была полностью напечатана ещё до её защиты в февральском номере «Русского вестника» за 1870 год. Самый диспут состоялся 13 марта в переполненном зале и был выслушан аудиторией с напряжённым вниманием. Главный официальный оппонент — профессор философии Московского университета П. Д. Юркевич — оценил работу высоко и дал вполне благоприятное для диссертанта заключение. Другой оппонент — профессор Московского университета по кафедре зоологии С. А. Усов — отметил в диссертации ряд промахов с точки зрения естественных наук, а также неосведомлённость диссертанта в физиологической литературе. Но настоящие «критические стрелы» полетели в диссертанта в выступлении неофициального оппонента — Н. Аксакова, огласившего возражения, изложенные им и вскоре опубликованные в специальной брошюре.

Диспут длился целых пять часов при неослабевающем интересе и внимании аудитории. Присутствовавшая на защите публика, особенно молодёжь, была в большинстве своём расположена в пользу диссертанта. Подзаголовок диссертации («Психо-физиологическое исследование»), известные читателям «Русского вестника» ссылки диссертанта на французских и немецких психологов, применявших, помимо внутреннего психологического наблюдения, также и «внешние средства физики и физиологии»³, наконец, открыто заявленное автором отклонение «всякой религиозной или нравственной тенденции, с исключительной целью узнать чистую истину»⁴ — всё это внушало не одному только Н. Аксакову впечатление, что автор диссертации, если не скрывающийся материалист, то, по крайней мере, сочувствует материалистическим тенденциям в психологии.

Но если для Н. Аксакова эта предполагавшаяся им у Струве тенденция была предметом озлобленной и порой граничившей с доносом критики, то для большинства публики, переполнявшей университетский зал и жадно ловившей каждое слово диссертанта и его оппонентов, та же тенденция вызывала, напротив, сочувствие к диссертанту и насмешливо-враждебное отношение к его критикам. Когда диспут кончился и было оглашено постановление Учёного совета Университета о присуж-

¹ Страхов Н. «Из споров о душе». «Философские очерки», стр. 290.

² Там же, стр. 278.

³ Струве Г. «Самостоятельное начало душевных явлений», стр. 23. М. 1870.

⁴ Там же.

дении Струве докторской степени, в зале раздались рукоплескания, «каких давно не было при подобных случаях»¹.

Но отклики публики на диспут были только началом того, что последовало затем в печати. Диспут Струве стал на некоторое время главным предметом её внимания. Вслед за «Русским вестником», поместившим во второй книжке за 1870 г. всю диссертацию, последовали две пространные и сочувственные статьи о диспуте в «Московских ведомостях»². В третьей книжке «Русского вестника» за тот же год была в дополнение к уже опубликованному в предыдущем номере тексту диссертации помещена статья Г. Струве «Физиология Людвига с психологической точки зрения». Одновременно в «Журнале министерства народного просвещения» появилась корреспонденция о диспуте, подписанная Д. Гр-в.

Интерес общества к диссертации Струве ещё больше вырос после выхода в свет брошюр и статей критиков Струве — Н. Аксакова, профессора С. А. Усова и Н. Страхова — и появились написанные в защиту диссертации статьи самого автора³ и П. Д. Юркевича⁴. По словам участника прений профессора С. А. Усова, за время с 1845 г. ни одна из защищавшихся в Московском университете диссертаций «не производила никакого шума; диссертации... обсуждались тесным университетским кружком, а в публике и в газетах о них и речи не было... Диссертация г. Струве — явление совсем иное: чуть не во всех закоулках первопрестольной Москвы толкуется о ней... Такое явление — вовсе не обычно в учёном мире...»⁵.

Основная причина этого необычного внимания широкой публики к специальному учёному философскому сочинению коренилась не только в качествах самой диссертации Струве. Ни ясное, прозрачное и простое изложение автора, ни появление его работы в распространённом журнале, каким был «Русский вестник», не могут сами по себе объяснить интереса, какой эта работа вызвала, а также страстности, какая была проявлена участниками и свидетелями её обсуждения.

Точка зрения автора была весьма нечёткая и непоследовательная, несмотря на кажущуюся ясность литературной формы. Струве критикует материализм в психологии, но так, чтобы видно было, что он признаёт всё значение физиологии для объяснения психических явлений; он признаёт «самостоятельное начало» душевных явлений, но так, что остаётся открытым вопрос, считает ли он это «самостоятельное начало» материальным или духовным. Он оспаривает «существование души по одностороннему идеалистическому понятию»⁶, но вместе с тем отвергает материалистическую теорию, отрицающую существование души вообще. Он не отличает вульгарного материализма от материализма научного, а внутри научного не знает различия между материализмом механистическим и диалектическим. Он подновляет традиционную психологию ссылками на данные наблюдения и физиологического эксперимента, но извлекает эти ссылки из авторов, у которых все эти эмпирические данные и ссылки на эксперимент имеют идеалистический смысл.

То, что Н. Аксаков и другие приняли в книге Струве за материализм, было в лучшем случае повторением эклектической попытки Ульрици,

¹ «Московские ведомости» № 59 за 1870 год.

² Какое общественное значение имел этот факт, видно из того, что в начале 1870 г. число подписчиков «Московских ведомостей» достигало 12 тысяч.

³ Струве Г. «Взгляд на материалы, необходимые для разработки вопроса о самостоятельном начале душевных явлений». «Русский вестник». Т. XI за 1870 г., стр. 724—808.

⁴ Юркевич П. «Игра подспудных сил (по поводу диспута проф. Струве)». «Русский вестник». Т. IV за 1870 г., стр. 701—750.

⁵ Усов С. «По поводу диссертации Струве и ответ П. Д. Юркевичу», стр. 1—2.

⁶ Струве Г. «Самостоятельное начало душевных явлений», стр. 15.

единившего идеалистическое понимание душевной субстанции с при-
анием за ней таких материальных свойств, как протяжённость, спо-
бность производить механическую работу, упругость, центробежная и
интродремительная сила.

Все эти недостатки, правильно отмеченные и Н. Аксаковым, и С. Усо-
вым, и Н. Страховым, приобретали, однако, в поростепенное значение
сравнении с тем фактом, что диссертация Струве, худо или хорошо,
новь привлекла внимание к вековечному, основному вопросу филосо-
фии. Споры, которые вспыхнули вокруг маленькой книжки Струве, были
не столько спорами о степени её оригинальности или несамостоятель-
ности, сколько принципиальными спорами о направлении, в каком долж-
на развиваться психология. Речь шла о противоположности материализ-
ма и идеализма как об основной противоположности, обнаруживающей-
ся во всех философских вопросах и исследованиях.

В озлоблении критиков Струве легко было заметить тревогу, страх
перед усиливающимся влиянием материализма. Критики эти не могли
простить Струве даже те ничтожные элементы материалистической по-
становки вопросов, которые могли быть усмотрены в его книге и кото-
рые сами они признали непоследовательными и недошедшими до кон-
ца. Даже Усов, критиковавший в качестве натуралиста естественно-
научные промахи Струве и не входивший в рассмотрение её философ-
ского содержания, не мог удержаться от упрека в том, что диссертация
Струве «не убила змею материализма»¹.

Страстность и подчас грубость нападок, каким подвергся Струве,
делают понятным и то сочувствие, с каким к нему и к его книге отнес-
лась широкая публика. Чем громче и грознее кричали оппоненты и рецен-
зенты Струве о «подспудном материализме», будто бы заключавшемся
в его диссертации, тем сильнее желали все сочувствовавшие материа-
лизму заявить об этом сочувствии — независимо от того, могла ли книга
Струве явиться действительным основанием и для обвинения и для вос-
хваления в качестве книги подлинно материалистической. Как это часто
бывало в общественной жизни, непосредственный предмет обсуждения
отступил на второй план, а на первый выдвинулось столкновение непри-
миримых идейных начал, по отношению к которому незначительная сама
по себе книга Струве оказалась лишь поводом их обнаружения и выяв-
ления.

Во всём этом эпизоде загадочным на первый взгляд может пока-
заться поведение Юркевича. Столп университетского идеализма, зорко
следивший за ходом философской борьбы, ополчившийся десятилетием
ранее против Чернышевского, корифея тогдашнего материализма, Юрке-
вич на этот раз явно становится на сторону Струве. Он не только одоб-
ряет его диссертацию, не только выступает на диспуте с благоприятной
для Струве рецензией, но в ответ на критические брошюры Аксакова и
Усова пишет в «Русский вестник» большую статью, в которой целиком
берёт Струве под своё покровительство.

Чем следует объяснить это отношение? Что могло заставить Юрке-
вича, убеждённого противника материализма, не внять голосам Акса-
кова, Страхова, находивших у Струве заправский, хотя и прикрытый —
«подспудный» — материализм?

Объясняется это отнюдь не снисходительностью или равнодушием
к материализму. Юркевич в 1870 г. оставался таким же непримиримым
противником материализма, каким он был в 1860 г., во время спора с
Чернышевским.

Юркевич действительно не усматривал в сочинении Струве никаких
признаков материализма. Между Аксаковым и Юркевичем было то раз-
личие, какое существует между идеалистом опрометчивым и философ-

¹ Усов С. «По поводу диссертации Струве и ответ П. Д. Юркевичу», стр. 12.

ски неосведомленным, с одной стороны, и идеалистом умным и философски образованным, с другой стороны.

Юркевич хорошо знал философию и был достаточно проницателен для того, чтобы понимать, что писатели, которым следовал Струве — и Ульрици, и Фихте-младший, и Жане,— были и в философии и в психологии бесспорными идеалистами. В оболочке «идеал-реализма», которой были облечены рассуждения Струве, Юркевич безошибочно разглядел несмотря на все уступки, сделанные Струве по отношению к эмпирическому методу в психологии и даже по отношению к физиологическому объяснению, самый заправский идеализм. Юркевич хорошо понимал, что никакой эмпирический метод в психологии и никакой анализ функциональной связи между физиологическими механизмами и психическими явлениями сами по себе никакого материализма не знаменуют до тех пор, пока и «опыт» и «функциональная» связь не получают подлинно материалистического объяснения.

Но именно этого объяснения не было и в помине у Струве, который, признав, что отличие души от начал физических «не составляет ещё никак абсолютной противоположности этих явлений, исключаящей общие для них и для души основания», и что душа «может иметь нечто общее с материей», не только отказался сам определить, каким именно следует представлять это общее основание: материальным или нематериальным,— но для ответа на этот вопрос отослал читателей к решению, предложенному известным идеалистом Лотце.

Поэтому Юркевича не только не смутили и не убедили нападки Аксакова, но он не нашёл в них ничего, кроме запальчивости и недоразумений, основанных на философском невежестве автора.

Выступление Аксакова—поспешное, голословное, неубедительное—ставило под сомнение научную основательность и научную добросовестность идеалистической критики материализма. В выступлении этом не было ни логического склада, ни настоящего знания предмета, ни философской осведомленности. С таким критиком Юркевичу было не по пути. Единение с Аксаковым компрометировало учёного. Этому Юркевич не мог допустить: он слишком дорожил своей репутацией профессора, чтобы прельститься сомнительной выгодой, какую ему как философу, представлявшему идеализм, сулили легкомысленные наскоки юного Аксакова. Осторожность и осмотрительность казались здесь особенно необходимыми ещё и потому, что у всех были свежи в памяти неудачи и поражения, какие ещё недавно, в шестидесятых годах, потерпел идеализм вследствие неловкости и невежества своих партизан. Легкомыслие, поверхностность и неосведомленность идеалистической критики набили оскомину более серьёзным противникам материализма. Не далее как в 1869 г. умный, даровитый, но погрязший в безнадежном скептицизме Н. Гиляров-Платонов¹ жаловался на вред, какой наносит борьбе с материализмом неосновательная и поверхностная его критика: «Несчастный материализм, в самом деле! Столько в последние годы трепали его и приверженцы и противники, забавно хвастались им одни и забавно негодовали на него другие, что начинают, кажется, уставать и те и другие. И жалко именно, если это направление отпадёт от мнения и убеждений единственно от того, что устанут с ним и от него. Только то прочно, что понято. А что мы видели у нас в рассуждениях за и против духа, кроме поверхностности?»² Гиляров-Платонов находил даже, что это отсутствие настоящего знания материализма и вообще философии приводило к тому, что некоторые критики материализма сами не замечали, насколько близки они были к критикуемому ими, но недоста-

¹ В. Соловьёв отзывался о нём как о человеке «с значительным умом», но «ни во что не верующим». «Письма Владимира Сергеевича Соловьёва». Т. I, стр. 40. СПб. 1908.

² «Современные известия» от 6 апреля 1869 года.

точно понятому учению: «Противники материализма были поверхностны не менее защитников: дюжинные компиляции, ссылки на авторитет, бездоказательное негодование, частные набегии или же будто-учёное обсуждение, с намерением опровержения, но с точки зрения такой системы, которая сама есть материализм, только не уважавший сам себя, не дошедший до последних выводов»¹.

И только потому, что Аксаков в своей запальчивости решился поколебать авторитет Юркевича и нанёс ряд уколов его самолюбию профессора, официально представлявшего интересы научной философии в университете, Юркевич решил дать отпор зарвавшемуся молодому идеалисту.

Таким образом, защищая Струве против Аксакова, Юркевич, конечно, не защищал материализм даже косвенным образом: он защищал ту разновидность идеализма, которой, как он думал, не следовало пренебрегать, так как её наукообразная форма, постоянная апелляция к данным физиологии и опыта, не нанося никакого ущерба её идеалистическому существу, шла навстречу научным запросам и склонностям времени.

С другой стороны, поскольку Аксаков своим выступлением и своей оценкой работы Струве ставил под сомнение научную компетенцию не только диссертанта, обвинённого в компиляции, чуть ли не в плагиате, но и самого Юркевича, якобы не сумевшего распознать подспудный материализм и изобличить замаскированную компиляцию, Юркевич чувствовал себя задетым за живое.

Не удивительно поэтому, что ответ Юркевича Усову и особенно Аксакову оказался ядовитым по тону и отрицательным по существу. Юркевич высмеял и обвинения в материализме, и указания на научную несамостоятельность Струве, и проявлённые в этих обвинениях Аксаковым поспешность, претенциозность, болсловность и вопиющие пробелы в философских знаниях.

Так кончился философский эпизод, ознаменовавший начало семидесятых годов. В эпизоде этом наиболее скромную роль играл сам непосредственный его виновник — Струве. В его лице идеализм пытался перевооружиться: он уже не просто отворачивался от естественных наук, от опыта и положительного знания, но пытался воспользоваться ими для усиления и защиты собственных позиций.

Точки зрения Аксакова, Страхова и Юркевича могут быть сведены к следующим формулам. В лице Аксакова молодое поколение воинствующего идеализма обращалось к старшему с непочтительным предостережением: вас обманули, вы не доглядели. Вы не узнали материалистического волка в идеалистической шкуре. Вы прозевали, и мы не очень вас за это уважаем. Мы, а не вы опровергнем этот материализм, сделаем то, чего не сумела сделать ваша учёность.

Страхов представлял точку зрения тех, кто пытался ослабить материализм не прямым нападением, а умалчением. Страхов как бы говорил: не поднимайте вокруг материализма лишнего шума. Вы сами создаёте ему популярность вашими громкими опровержениями и спорами. Не следует делать этого. Пусть он останется в тени, без аудитории, вне внимания общества. — и он сам собой захиреет.

Наконец, Юркевич выражал взгляды тех, кто требовал борьбы, но не хотел в этой борьбе поражать союзников. Смысл реплики Юркевича может быть выражен так: мы стоим на посту и без боя ничего не отдадим. Но мы хотим, чтобы борьба велась толково и без паники. Глупо принимать союзника за врага. Глупо не воспользоваться оружием, которое этот союзник нашёл у врага и присоединил к нашему обычному оружию. Именно эту глупость делаете вы, молодые. Вы её делаете по

¹ «Современные известия» от 6 апреля 1869 года.

неразумию и по невежеству молодости. Рано вам ещё нас учить и поглядывать на нас сверху.

Во всех этих трёх случаях было нечто общее. Это общее — непримиримое отрицание материализма. Спор шёл лишь о том, где материализм находится и как лучше с ним бороться.

Таким образом, поворот внимания идеалистов к позитивизму, обозначившийся в семидесятих годах, был вызван вовсе не ослаблением борьбы против материализма: поворот этот был вызван отмеченным выше временным ослаблением материализма, уходом с арены борьбы лучших и сильнейших его представителей. Перенос огня с материализма на позитивизм хорошо выявляет именно непримиримость идеализма. В позитивизме идеалисты, стоявшие вне лагеря позитивизма, критиковали те его элементы, которые казались им материалистическими. И хотя в действительности эти элементы не были материалистическими, всё же энергия, с какой против них восставали, показывает, насколько настороженным было внимание к «материалистической опасности». Разумеется, здесь имела место крупная историко-философская ошибка или иллюзия. Но в самой ошибке этой отражалась та самая борьба идеализма с материализмом, которая составляет содержание философии на всех этапах её развития.

Происшедшее в середине семидесятих годов смещение центра философской полемики было вызвано несколькими причинами. Первой из них была сильно выросшая популярность позитивизма. В семидесятих годах позитивизм нашёл в России нескольких талантливых сторонников и пропагандистов в журналистике и даже на университетской кафедре. Представителями позитивизма в журналах были, например, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, В. В. Лесевич. Проводником влияния позитивизма на университетскую философию стал с конца шестидесятих годов М. М. Троицкий.

Второй причиной возросшей популярности позитивизма было ошибочное, но тем не менее распространившееся в русском обществе мнение относительно близости позитивизма к материализму. Поводом к этому мнению был прежде всего наступивший в семидесятих годах упадок философских знаний. Последовательный, не терпящий никаких компромиссов, никакой половинчатости материализм, представленный Чернышевским и Добролюбовым, лишился и обоих своих вождей и той общественной трибуны, какой был «Современник». Университеты не давали обществу философски образованных людей, так как изгнание в 1849 г. философии из университетов сначала просто оборвало преемственность философского просвещения, а затем, когда философия была — в очень скромном объёме — восстановлена на историко-филологических факультетах, дало знать о себе кризисом философских сил, недобром специалистов по философии и зависимостью университетской философии от философии, преподававшейся в духовных академиях.

Предоставленная случайностям философского самообразования, лишённая строгой философской дисциплины мышления, передовая часть общества тяготела всё же к материализму. Тяга эта требовала удовлетворения, но не находила для него достаточной пищи в литературе, где пропаганда материализма заметно ослабела.

Не удивительно, что при таких обстоятельствах сочувствие и внимание общества легко могли привлечь учения, нематериалистические в основе, но содержавшие в себе некоторые элементы материализма или, по крайней мере, допускавшие возможность истолкования их в смысле материализма.

Именно таким учением и был позитивизм. По существу его теория познания представляла идеалистический эмпиризм, восходящий к фе-

номенализму юмовского типа. Вместе с тем позитивизм, так же как и учение Юма, был учением агностицизма.

Однако изложение этого агностицизма у позитивистов было настолько двусмысленным, шатким и неясным, что могло быть истолковано и в материалистическом смысле. «Опыт», о котором шла речь, мог быть понят и в смысле «чистого опыта», то есть в духе идеалистического феноменализма, и как учение о материальных вещах, скрывающихся за нашими впечатлениями и восприятиями. Такой смысл особенно легко мог быть вложен в позитивистическую философию Спенсера.

Но и учение Огюста Конта, основателя французского позитивизма, казалось многим близким к материализму. Материалистическим казалось прежде всего учение о трёх фазах умственного развития человечества, а также критика «теологии» и «метафизики», как уже пройденных этапов. Материализм усматривали и в пафосе научности, каким была проникнута система Конта.

К такому результату приводило, во-первых, желание найти в учении позитивистов опору для материализма, во-вторых, недостаточное понятие о том, что такое подлинный материализм. Здесь в известной мере повторилось то, что имело место и на Западе. Уже Литтре, пропагандировавший во Франции позитивизм Конта, жаловался на отсутствие у французской публики точного понятия о позитивизме и, в частности, на смешение позитивизма с материализмом. «Назвать позитивную философию,— писал Литтре,— далеко не значит ещё дать понять, что она такое... Для одних она представляется каким-то математическим умозрением... Для других она кажется возобновлением учений Эпикура и Гольбаха...»¹.

У нас этому смешению способствовало снижение уровня философской осведомленности, характеризующее философскую журналистику семидесятых годов сравнительно с журнальной печатью предшествовавшего десятилетия. Обстоятельство это отметил один из самых внимательных и сведущих наблюдателей развития общественной мысли и вместе с тем знаток и убеждённый сторонник позитивизма — В. Лесевич. «В 60-х годах,— писал В. Лесевич,— к философии никто отрицательно не относился; лучшие журналы того времени очень часто помещали философские статьи, и имена авторов этих статей пользовались большою известностью, о философии читались тогда публичные лекции и по поводу их велась горячая полемика, переводились философские сочинения (Гайм, Куно Фишер, Вундт, Ст. Милль, Шwegнер, Бауэр, Льюис, даже Кант и Платон), и переводы находили рецензентов между самыми видными тогда писателями; даже теософы (Новицкий и Гогоцкий) не оставались без критиков, не говоря о прославленном критиком Юркевиче... Что же мы видим теперь? Философские статьи являются в журналах очень редко, философские сочинения выходят ещё реже...»².

Нетрудно понять, что при таких обстоятельствах успехи позитивизма, обозначившиеся к концу шестидесятых и к началу семидесятых годов, должны были породить тревогу в той части идеалистов, которые имели основание значительную долю этих успехов приписывать материалистическим элементам позитивизма или материалистическому его истолкованию. Особенное опасение внушал успех, какой получила позитивистическая критика «теологии» и «метафизики». Забывая о том, что критика эта не мешала самому Конту взамен отрицавшейся им «теологии» выдвинуть собственную — «позитивную» — религию, новый вид культа и даже новую разновидность мистики, видели только близость к атеизму и материализму в учении, которое «теологию» и «метафизи-

¹ Littré E. «Paroles de philosophie positive», p. 1 et suiv. Paris. 1863.

² Лесевич В. Соч. Т. II, стр. 461—462. М. 1915.

ку» объявило пройденной и превзойдённой ступенью умственного развития.

Особенное беспокойство испытывали философы духовных академий. Они хорошо понимали, что успех учения позитивизма о трёх фазах развития был не чем иным, как доказательством всё ещё сильной тяги общества к атеизму. Позитивизм был для многих заменителем или сурогатом атеизма, прямая и философски точная проповедь которого была невозможна.

Такое впечатление успеха позитивизма производили не только на богословов, но и на профессоров, преподававших философию в университетах. В сущности, между теми и другими в начале семидесятых годов было мало отличий.

Для идеалистов философских кафедр университетов и для идеалистов духовных академий позитивизм представлялся философским учением, если не прямо материалистическим, то, во всяком случае, прокладывающим путь материализму. Впоследствии, когда обнаружилось, что позитивизм оказался, наоборот, путём для перехода от материализма шестидесятых годов к идеализму, идеалисты, вначале резко выступавшие против позитивизма, успокоились и даже сменили гнев на милость¹. Но в начале семидесятых годов позитивизм казался многим прямым предтечей материализма.

Вся эта ситуация — отсутствие на арене истинного материализма, популярность вытеснявшего материализм позитивизма и материалистическое истолкование некоторых черт позитивизма — поставила позитивизм в центре философского внимания. С начала семидесятых годов позитивизм становится главным предметом идеалистической критики. Идеалисты выступают против позитивизма, с целью защиты идеализма.

Эта любопытная философская aberrация, охватившая всю область философской борьбы, сказалась и в идейной жизни Московского университета. В семидесятых годах Московский университет становится ареной борьбы идеализма с той фракцией идеализма, какую представлял позитивизм. При этом, однако, стрелы, направленные против позитивизма, предназначены были по замыслу тех, кто пускал эти стрелы, поразить исконного врага идеализма — материализм!

Это усложнение борьбы идеализма с материализмом проявилось с особенной ясностью в двух событиях жизни Московского университета — в борьбе вокруг кандидатуры М. М. Троицкого на кафедру философии и в прямых выступлениях против позитивизма профессора Московского университета В. Я. Цингера и магистра Владимира Соловьёва.

Троицкий не был ортодоксальным позитивистом. Рано разочаровавшись в рационалистическом идеализме немецкой философии, Троицкий стал горячим и убеждённым сторонником философии и психологии английского эмпирического идеализма и индуктивной логики. Его философскими авторитетами были не только Джон Стюарт Милль, но и То-

¹ В этом отношении показательна эволюция В. Соловьёва. В первой своей диссертации, написанной в 1874 г., он прямо выступил против позитивизма. Диссертация называлась «Кризис западной философии», но подзаголовок «Против позитивистов» сразу обнажил её направленность. Впоследствии в открытом письме к редактору «Вопросов философии и психологии» Н. Я. Гроту, напечатанном в 1890 г., Соловьёв дал уже иную — примирительную и снисходительную — оценку позитивизму. Правда, и здесь он неодобрительно говорил о «катехизисе» Огюста Конта, которым в сознании передовой части русского общества сменился «катехизис Бюхнера». Однако тут же он разъяснял, что в самой сущности этого новейшего катехизиса «было нечто такое, что совершенно изменяло положение дела и открывало возможность дальнейшего правильного развития» (Соч. Т. VI, стр. 272. 2-е изд.). В это время Соловьёв видел уже в позитивизме Огюста Конта и Герберта Спенсера «первый шаг на пути к отчётливому критическому мирозерцанию» (там же, стр. 273), «первое элементарное условие истинной философии» (там же, стр. 273). В частности заслугой позитивистов — Лесевича, Вырубова, де Роберти — Соловьёв считал то, что они «содействовали исцелению русских умов от материалистической эпидемии посредством контовского позитивизма» (там же, стр. 275).

мас Броун, не только Герберт Спенсер, но и Давид Юм, не только Бэн, но и Беркли. В истории английской философии Троицкий прослеживал развитие эмпирической теории познания, психологии и логики. Преемственность и общность этого развития — от Бэкона и Локка до Джона Стюарта Милля — как развития эмпирической точки зрения имела в глазах Троицкого большее значение, чем принципиальное различие между материалистическим эмпиризмом Бэкона и идеалистическим эмпиризмом Юма, между материалистическим агностицизмом Локка и идеалистическим агностицизмом Милля.

Но именно это игнорирование различий в области «метафизики», то есть онтологии эмпиризма, сближало Троицкого с позитивизмом в его специфической английской форме XIX века. У Милля, Льюиса, Спенсера Троицкий усвоил характерную для них критику всякой «метафизики», иными словами, позитивистический агностицизм и феноменализм.

Сам Троицкий ясно сознавал эту тенденцию своего труда. Вспоминая впоследствии (в 1885 г.) историю его возникновения, он пояснял, что сочинение о немецкой психологии было написано им «с целью доказать несостоятельность и безуспешность всякой метафизики души, претендующей на значение науки, будет ли она метафизикой идеализма, как в школах Фихте-старшего, Шеллинга и Гегеля, или метафизикой реализма, как в школах Канта, Фриза, Герберта и Бенеке. При этом не забыты и немецкий материализм и так называемый реальный идеализм»¹.

У Троицкого не было сомнений в том, что его точка зрения всего ближе стоит к учениям именно английского позитивизма. «С шестидесятых годов, — писал Троицкий, — нарождается в России новое направление философии, так называемое позитивное или положительное, — не в узком смысле философии Канта или контизма, а в широком смысле исследований, не признающих метафизику реальной наукою, ограничивающих область познаваемого предметами опыта и доверяющих руководству одних против индукции, и дедукции, опирающейся на предварительные наведения. Направление это выразилось в охлаждении ко всякой немецкой метафизике — идеализма и реализма; охлаждения этого не избежала даже реалистическая метафизика немецкого материализма»².

Таково было отношение Троицкого к столпам английского эмпиризма и позитивизма. Оригинальность самого Троицкого состояла в том, что этот свой, почерпнутый из английских источников эмпиризм и отрицание «метафизики» Троицкий развивал в форме неслыханно резкого противопоставления их немецкому рационализму в немецкой «метафизике» (то есть немецкому идеализму). В своей докторской диссертации³ Троицкий доказывал не только несамостоятельность немецкой психологии и философии, несознаваемую ею или замалчиваемую зависимость от английской традиции, но кроме того подверг самой резкой и в своих результатах совершенно отрицательной критике все основные системы немецкого классического идеализма.

В исторической части исследования Троицкого было много верного, и даже такой горячий сторонник немецкого и, в частности, гегелевского идеализма, каким был Н. Страхов, должен был признать основательность указаний Троицкого на предвзвешенность кантовского критицизма в фи-

¹ Троицкий И. и Кавелин К. «Страница из истории философии в России». «Русская мысль» за ноябрь 1885 г., стр. 174. Работа эта — доклад, прочитанный Троицким в заседании Психологического общества при Московском университете 24 октября 1885 года.

² Там же, стр. 173.

³ «Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование, с предварительным очерком успехов психологии со времён Бэкона и Локка» М. Троицкого. М. 1867.

лософии Рида, немецкой идеалистической психологии — в идеализме Беркли, реализма Гербарта — в учениях Гартли и Пристли и т. д.¹

Но Троицкий шёл гораздо дальше указаний на историческую роль и историческое первенство английской психологии сравнительно с немецкой: он доказывал в своей диссертации, что немецкая психология и философия оказались не только порождением английской, но вместе с тем и полным её извращением, вырождением в мистицизм и бесплодную схоластику.

Все эти утверждения о немецкой психологии и философии были изложены в самой резкой форме. Это была уже не критика, а прямая и сплошная ругань. Никогда ещё не лилось столько брани и такой брани со страниц учёной книги, сочинения, представленного для публичной защиты диссертации. Никогда ещё прославленные философы немецкого идеализма не были осыпаны таким множеством уничтожающих эпитетов, а над их теориями не были произнесены столь решительные и беспощадные приговоры².

С этой книгой Троицкий явился из Варшавы, где он занимал профессорскую кафедру в университете, в Москву, к Юркевичу — для защиты своего труда в качестве докторской диссертации.

Какого ответа следовало ожидать от главы университетского идеализма? Уже наперёд можно сказать, что многое в книге Троицкого должно было вызвать осуждение со стороны Юркевича.

Правда, в труде Троицкого не только не было никакого материализма, но Троицкий даже избегал прямо называть себя позитивистом, каким он, в сущности, являлся. Принял он все меры также и к тому, чтобы характерный для него как для позитивиста агностицизм не мог быть истолкован ни в смысле прямого неверия, ни в смысле религиозного скептицизма. В этой связи особенно сильно досталось от Троицкого Канту, учение которого о примате практического разума над теоретическим и о вере Троицкий ругает как «циническое» по отношению к религии.

Но все эти приметы, которые должны были оградить Троицкого от смешения с материалистами и скептиками, не могли ослабить дурного впечатления, какое Юркевич вынес из чтения книги, представленной автором в качестве диссертации.

Во-первых, Юркевич хорошо видел, насколько тонка и несущественна была грань, отделявшая эмпиризм и индуктивизм Троицкого от их образцов в английском позитивизме. Юркевичу казалось очевидным, что всё, что можно было поставить на вид позитивизму как учению, допускающему истолкование агностицизма и эмпиризма в духе материализма, можно было найти и у Троицкого.

Во-вторых, Юркевич никак не мог одобрить ни содержания развитой Троицким критики немецкого идеализма, ни тона, в каком велась эта критика. Правда, Троицкий громил немецкий идеализм не с материалистических позиций. Он отвергал одну из форм идеализма во имя другой, не менее идеалистической. И всё же критика эта представлялась Юркевичу, как и многим другим, не только нежелательной, но прямо ошибочной и опасной.

Опасность её состояла в том, что она была направлена против уче-

¹ Страхов Н. «Английская психология». «Философские очерки», стр. 201—267, особенно стр. 250—262.

² Один из критиков Троицкого находил, что его отношение к критикуемым учениям есть «манера узкой нетерпимости, позволяющей себе ругательства только что не площадные, зато истощившей в дозволяемых приличием пределах ругательный лексикон до той границы, за которую уже бессильно переступить самое смелое и довольно избрательное остроумие» (Епископ Никанор «Позитивная философия и сверхчувственное бытие». Т. 1, стр. 412. СПб. 1875).

ний, в которых идеализм был самым тесным образом сращён с философским обоснованием религии. Не только Кант, критиковавший знание, чтобы расчистить путь вере, но и Фихте и Гегель использовали мощь своей идеалистической диалектики для философского обоснования и оправдания веры. О Шеллинге уже и говорить не приходится: его поздняя система была сплошь теософией.

В сознании русских философствующих богословов эта связь между немецким идеализмом и религией была настолько существенной, прочной и нерушимой, что всякий удар, направленный по этому идеализму, казался вместе и ударом по религии. А тут ещё вдобавок необычайный тон критики, напоминавший недавние времена, когда «Современник» обрушил на голову автора «семинарских тетрадок» уничтожающий поток сарказма и насмешек.

Все эти соображения роились в уме Юркевича во время чтения диссертации Троицкого. Результатом было то, что Юркевич признал огромную работу Троицкого совершенно неудовлетворительной и отказался допустить её к защите на публичном диспуте. Извещая Троицкого о своём решении, Юркевич писал ему: «Завтра (4-го) я не представляю в факультет отзыва об вашей диссертации. При всём моём участии и уважении к вам, я должен буду сделать об вашей диссертации отзыв очень неблагоприятный. Как утопающий хватается за соломинку, так я льщу себя надеждою, что, может быть, хотя к концу диссертации я найду основы для одобрения вашего труда. Один бог знает, как мучительны были мои тревоги и ожидания лучшего в течение этого полугодия. Но я теперь вижу, что если бы я одобрил ваш труд, то меня сочли бы варваром уже не философы наших петербургских трущоб, но действительные знатоки философии и все научно-образованные люди, особенно же я знаю, что мне пришлось бы нести тяжёлую ответственность за честь университета...»¹.

В письме Юркевича любопытен тон искреннего участия, с каким в нём объявляется отрицательное решение. Юркевич сожалеет и о затраченных автором больших трудах и о неудачном их результате. Юркевич понимал, что у него с Троицким общий враг — материализм. Слова о «философах наших петербургских трущоб» — явный намёк на материалистический круг «Современника». И тем не менее он не считает возможным пропустить диссертацию Троицкого. Он не может простить Троицкому ни критики немецкого идеализма, ни того, что критика эта ведётся во славу английского позитивизма, заподозренного если не в явной близости к материализму, то, во всяком случае, в совместимости с ним, если не в прямом атеизме, то, по крайней мере, в религиозном индифферентизме и скептицизме.

Таким образом, в лице Троицкого позитивизму был дан в Московском университете решительный отпор: учёное исследование, развивавшее весьма близкую к позитивизму точку зрения, разработанное на основе большого материала, отчётливо изложенное, было признано нежелательным и явно несостоятельным в научном отношении.

Огорчённый постигшей его неудачей, Троицкий представил свою диссертацию в Петербургский университет. Здесь дело приняло другой оборот. Назначенные университетским советом рецензенты — профессор Сидонский и профессор Владиславлев — дали благоприятное заключение и допустили диссертацию к защите. После диспута, который прошёл для Троицкого благополучно, Троицкому была присуждена степень доктора.

¹ Текст письма П. Д. Юркевича М. М. Троицкому сообщил В. Ивановский в статье «К характеристике М. М. Троицкого». «Вопросы философии и психологии» за март—апрель 1900 г., стр. 204—205.

Московская неудача не обескуражила, однако, Троицкого. Спустя семь лет он вновь появляется в Московском университете.

Произошло это таким образом. В конце 1874 г. умер Юркевич, и занимавшая им кафедра философии осталась вакантной. Троицкий решил выставить свою кандидатуру на освободившееся место.

Но Троицкий был не единственным претендентом. Кроме него желание занять ту же кафедру изъявили профессор Петербургской духовной академии Михаил Иванович Каринский и воспитанник Московского университета, только что перед тем защитивший в Петербурге магистерскую диссертацию, Владимир Сергеевич Соловьёв.

Таким образом, Учёному совету историко-филологического факультета, в составе которого находилась кафедра философии, а затем уже и Учёному совету Московского университета в целом необходимо было сделать выбор.

При решении этого вопроса в университетском совете произошли прения, далеко вышедшие из рамок обычного обсуждения кандидатур. В прениях этих, помимо неизбежной в каждом подобном случае и лишённой принципиального значения борьбы внутриуниверситетских партий и групп, ярко отразилась борьба философских направлений, происходившая в то время в стране и протекавшая на страницах периодической печати.

В сущности вопрос свёлся к выбору между Троицким и Соловьёвым. Кандидатура Каринского быстро отпала. Произошло это отнюдь не потому, что кандидатура эта сама по себе была слабой сравнительно с прочими. Правда, в то время, о котором здесь идёт речь, то есть в 1874 г., Каринским не были ещё написаны работы («Об истинах самоочевидных», «Классификация выводов», «Разногласие в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных»), которые сделали Каринского впоследствии первым русским логиком и одним из крупнейших европейских логиков XIX в., гордостью русской философии. Но и опубликованный Каринским в 1873 г. «Критический обзор последнего периода германской философии» отличался достоинствами первоклассного, глубокого и оригинального критического исследования. Качества эти были тотчас замечены серьёзнейшими специалистами. Так, рекомендовавший Каринского на кафедру философии Московского университета профессор А. М. Иванцов-Платонов характеризовал названный труд Каринского как «замечательнейший в нашей учёной литературе труд, который, по всей вероятности, мог бы удовлетворить самым серьёзным требованиям и при соискании высшей учёной (т. е. докторской) степени по философии. Это есть,— писал Иванцов-Платонов,— цельный, стройный и глубоко основательный обзор всего послекантовского развития германской философии в её различных направлениях с раскрытием основных принципов, сильнейших и слабейших сторон каждого направления, и с обозначением тех результатов, какие выработаны каждым направлением не только для философской собственной области, но и для других наук, находящихся в более близком соприкосновении с философией... К самым основным положениям замечательнейших философских систем — Канта, Фихте, Гегеля, Тренделенбурга, Гербарта, Лотце, Шопенгауэра, Гартманна — автор относится с совершенною самостоятельностью. Собственный принцип автора, из которого исходит у него критика различных философских систем, и не довольно последовательное проведение которого он замечает у самых глубоких и строгих германских мыслителей, есть именно полная самостоятельность философской мысли, исключая в сфере философии всякую возможность принятия каких бы то ни было не проверенных логическим анализом или не вполне строго доказанных положений,— затем последовательное проведение основных начал, утверждаемых системою, во всех частных положениях и выводах

системы (против чего автор также указывает погрешность у самых замечательных мыслителей германских)»¹.

В заключение своей характеристики Каринского Иванцов-Платонов добавлял, что если бы Каринский «не печатал доселе и никаких других статей, кроме упомянутого обзора послекантовского периода германской философии, одного этого обзора было бы вполне достаточно для того, чтобы пожелать иметь г. Каринского на философской кафедре какого бы то ни было из высших учебных заведений»².

Рекомендация Иванцова-Платонова, который сам имел заслуженную репутацию учёнейшего и основательнейшего исследователя и который потому мог лучше многих других оценить эти качества в предложенном им кандидате, никакой поддержки в Учёном совете университета не получила. Кандидатуру Каринского пришлось снять по соображениям формального характера³.

За этими формальными мотивами скрывались, однако, другие соображения. Необычайно серьёзный, углублённый, весь ушедший в работу мысли, чуждый интриг и искательства, Каринский не был на виду. Его, истинного учёного, мало ещё знали в учёном мире. Ещё большее значение имело то обстоятельство, что ум Каринского был по преимуществу аналитический и критический. Те самые дарования и достоинства, которые сделали из него впоследствии несравненного по глубине и основательности исследователя и критика высших оснований логики эмпиризма и рационализма, не могли содействовать быстрому росту его популярности в учёных кругах. Сила Каринского была не в способности к философским конструкциям, а в поразительном даре критики, восходящей до последних посылок и принципов науки. Такие умы вызывают глубокое уважение, но не увлекают блеском синтетических построений. Они не образуют школы, хотя являются самой лучшей и самой строгой школой мысли. Они не на переднем плане науки, но в наименее доступной и наиболее трудной её глубине.

Не удивительно поэтому, что представление Иванцова-Платонова успеха не имело. Борьба групп и направлений, существовавших в середине семидесятых годов в Московском университете, развернулась во круг кандидатур Троицкого и Владимира Соловьёва⁴.

Борьба эта приобрела особенно показательное значение уже вследствие самых условий выборов. В заседании 9 декабря 1874 г. историко-филологический факультет Московского университета принял решение иметь впредь по кафедре философии не одного преподавателя, как это

¹ Свою рекомендацию Каринского Иванцов-Платонов изложил в письменном «мнении», представленном им в совет Московского университета. Мнение это вместе с другими четырьмя мнениями по тому же вопросу об избрании профессора на кафедру философии Московского университета хранится в деле совета Московского университета 1874 г. за № 300 под литерами А, Б, В, Г и Д. Все эти «мнения» и изложение всего происшедшего в совете при решении вопроса о замещении кафедры философии впервые были опубликованы С. М. Лукьяновым в главе XIV его работы «О В. С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии». Цитируемая часть «мнения» Иванцова-Платонова имеется на стр. 8—9 «ЖМНП» за март—апрель 1917 года.

² Там же, стр. 10.

³ Каринский не имел учёной степени по философии. Он имел лишь учёную степень магистра богословия, присуждённую ему за исследование «Египетские иудеи». Правда, «Критический обзор последнего периода германской философии» отличался такими достоинствами, что мог быть представлен на получение докторской степени, но, конечно, по философии, а не по богословию. Но Московская духовная академия, в которой Каринский закончил аспирантуру, не имела права присуждать учёные степени по философии. Как магистр богословия, Каринский не мог, согласно университетским правилам, баллотироваться в профессора университета, а только в доценты. Но, будучи уже магистром, он не соглашался баллотироваться в университет на должность доцента. Таким образом, кандидатура претендента, наиболее сильного по своим учёным достоинствам, отпала, и остались лишь кандидатуры Троицкого и Соловьёва. Последний при бесспорной личной одарённости был скорее богослов и мистик, чем философ и учёный.

⁴ Весь этот эпизод подробно изложен С. М. Лукьяновым. «О В. С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии» («ЖМНП» за март—апрель 1917 г., стр. 1—43).

было до смерти Юркевича, а двух. При этом было решено баллотировать предложенных членами факультета кандидатов, то есть Троицкого и Владимира Соловьёва, не на одно, а на оба преподавательских места. После баллотировки в совете факультета предстояла баллотировка в высшей и последней инстанции — в совете университета.

При обсуждении обеих кандидатур в совете факультета были оглашены, кроме «мнения» Иванцова-Платонова, выдвинувшего кандидатуру Каринского, также и «мнения» профессоров и членов университетского совета Н. С. Тихонравова, Н. И. Стороженко, В. И. Герье. Первые два предлагали избрать на кафедру философии Троицкого, последний — Владимира Соловьёва.

Рекомендации, сделанные Тихонравовым и Стороженко, показывают, что среди профессуры Московского университета имелась группа учёных, сочувствовавших тенденции позитивизма в науке и в философии. Группа эта была, несомненно, шире того круга лиц, которые непосредственно выдвигали кандидатуру Троицкого.

Ветания позитивизма проникли к началу семидесятых годов в университетскую науку всех специальностей. Сочувствовавшие позитивизму как «научной» философии имелись среди математиков, физиков, натуралистов, историков, экономистов и литературоведов. Молодое поколение учёных — доценты, магистранты, аспиранты — было затронуто влиянием позитивизма в большей степени, чем старшее. К позитивизму близко стоял бывший тогда доцентом историк литературы Стороженко, позитивистом был командированный университетом в Англию будущий известный историк и социолог Максим Ковалевский. Но и среди профессоров старшего поколения были сочувствовавшие позитивизму. Таковыми были в то время, например, математик Н. В. Бугаев, филолог и историк литературы Н. С. Тихонраков и ряд других.

Всем этим учёным позитивизм импонировал как направление, на знамени которого стояли научное обоснование философии, научный метод изучения положительных фактов, логика научных приёмов мысли. Не разбирались досконально в том, насколько этой афишированной позитивизмом научности соответствовали действительные научные достоинства его мировоззрения и метода. Уважая в позитивизме якобы «последнее» слово «научной» философии, ценили в нём в то же время отсутствие того, что так пугало в материализме: радикальных материалистических и социальных решений и выводов.

Подобными мотивами руководились Тихонраков и Стороженко, предлагая кандидатуру Троицкого. Но так как в кулуарах факультетского совета была ещё свежа память о провале диссертации Троицкого покойным Юркевичем и так как в напечатанных рецензиях на эту диссертацию, принадлежавших перу Сидонского и Владиславлева, имелись несмотря на благоприятный общий вывод критические возражения, то оба московских профессора, рекомендовавшие Троицкого, позаботились не только о том, чтобы подробно обосновать свою рекомендацию, но также и о том, чтобы парализовать сделанные петербургскими рецензентами по адресу Троицкого упрёки и замечания.

При этом оба учёных, представлявшие Троицкого к избранию, постарались стушевать все опасные для Троицкого моменты и в то же время соблюсти весь декорум полной беспристрастности и объективности. В своих «мнениях», поданных в совет факультета, они ссылаются на отзывы Сидонского и Владиславлева, но таким способом, что положительные выводы этих отзывов излагаются подробно, выдвигаются на первый план, а всё критическое и отрицательное в этих отзывах или упоминается вскользь, скрадывается, или прямо оспаривается, подвергается сомнению.

Характеризуя труд Троицкого о немецкой психологии — в то время главное его произведение (ни «Науки о духе», ни «Учебника логики» тог-

да ещё не существовало), Тихонравов подчёркивал как основную идею всего сочинения и мировоззрения Троицкого общую у него с позитивистами «мысль об ограниченности умственных сил человека в решении вопросов о высших предметах»¹. «Английская философия,— писал Тихонравов,— которая стоит на той же точке зрения, по тому самому встречена автором с особенным сочувствием. Автор воспользовался всем историческим материалом, представленным английскою психологией, для доказательства того, что исследование души, не претендуя на разгадку её природы, помимо данных внутреннего опыта и наведений, должно быть по методу аналитического или индуктивного характера»².

По существу представление Тихонравова содержало в себе не только формальное обоснование выдвигавшейся им кандидатуры, но также одобрение (впрочем, очень тактичное и сдержанное) или рекомендацию направления, к которому принадлежал предлагаемый кандидат.

Сходный характер имело и представление, сделанное Стороженко. И этот последний подчёркивал главенство методологических интересов в труде Троицкого, высоко научный дух его метода и мировоззрения, близость к позитивной школе философии. «Основная мысль автора,— писал Стороженко,— доказываемая им на всём протяжении его обширного труда, состоит в том, что индуктивный метод, приложение которого к области естественных наук дало такие блестящие результаты, есть самый достоверный научный метод исследования проблем психологических»³. «Занятый исключительно вопросом о методе, автор посвящает несколько начальных глав своего труда историческому очерку обработки теории психологического метода; выработанная таким образом теория становится в руках его критериумом, который он прилагает поочередно к психологическим трудам сначала англичан, а потом и немцев»⁴.

Нельзя отказать Стороженке в искусности и дипломатичности его доводов. Наиболее неблагоприятным для Троицкого моментом была подчёркнутая не только покойным Юркевичем, но и более благосклонными петербургскими рецензентами тенденциозная недооценка немецкой психологии и философии за счёт некритически и односторонне превозносившейся английской. Ученичество немецкой школы Троицкий сменил не на зрелость самостоятельной и критической мысли, а на ученичество школы английской, авторитет Канта и Гегеля — на авторитет Рида, Томаса Бруна и Д. С. Милля.

Стороженко искусно ступёвывает эту новую вариацию научной несамостоятельности. Он представляет совету дело так, как если бы критика и огульное отрицание всех результатов немецкой философии вытекали у Троицкого не из субъективной тенденции, а из научного метода, самим Троицким выработанного и прилагаемого с равным беспристрастием к обеим школам: к английской не менее, чем к немецкой.

Обе рекомендации имели целью не только обосновать в наиболее благоприятном для Троицкого свете его кандидатуру, но и противопоставить Троицкого как представителя «научной» философии кандидату, выставленному другой партией, — Владимиру Соловьёву. Это не была, разумеется, борьба между материализмом и идеализмом, но борьба между двумя фракциями внутри идеализма. Эмпирический идеализм и позитивистический агностицизм Троицкого противопоставлялись мистическому идеализму Соловьёва.

Противопоставление подчёркивалось тем фактом, что Соловьёв только что защитил в Петербурге диссертацию, специально направленную против позитивистов. Таким образом, советам факультета и универ-

¹ Лукьянов С. Указ. соч., стр. 11.

² Там же, стр. 11—12.

³ Там же.

⁴ Там же.

ситета приходилось решать вопрос не только о научной и педагогической подготовке, об учёных достоинствах обоих кандидатов, но прежде всего вопрос о том, какое из двух направлений идеализма — позитивистическое или мистическое — считать более приемлемым и желательным для университета.

На первый взгляд могло бы показаться, что противопоставление это потеряло остроту после того, как советом факультета были учреждены два места преподавателя философии и было решено баллотировать на эти места сразу обоих кандидатов. Вполне естественно было предполагать, как это и случилось впоследствии, что избранными окажутся сразу оба претендента.

В действительности предвыборная борьба оказалась более острой. Во-первых, результат первой баллотировки в совете факультета получился весьма неблагоприятный для Троицкого: в то время как Соловьёв получил восемь избирательных голосов и всего три неизбирательных, у Троицкого избирательных было всего четыре, а неизбирательных — целых восемь. Таким образом, совет того самого факультета, профессором которого хотел стать Троицкий, в своём заметном большинстве отнёсся отрицательно к его кандидатуре. Не оставалось никакого сомнения в том, что совет факультета предпочитал иметь на кафедре философии идеалиста-мистика, а не идеалиста-эмпирика, индуктивиста и позитивиста.

Но на этой стадии вопрос о судьбе обоих кандидатов ещё не решался. Предстояла решающая баллотировка в совете университета. И тут оказалось, что по крайней мере для некоторых членов университетского совета вопрос о возможном избрании обоих претендентов имел не формальное только значение, но превратился в принципиальный вопрос. Речь шла о том, допустимо ли совместное преподавание двух лиц, принадлежащих к двум различным и даже, как ошибочно казалось некоторым, к противоположным направлениям — позитивизма и спекулятивно-идеализма.

Так был поставлен вопрос профессором А. М. Иванцовым-Платоновым, тем самым, который выдвигал кандидатом Каринского. В специальном «мнении», представленном в историко-филологический факультет, Иванцов-Платонов, не возражая в принципе против института двух преподавателей философии, доказывал, что в данном, конкретном случае, когда оба кандидата оказались представителями направлений, во многих отношениях противоположных, избрание обоих вместе должно быть признано не только нецелесообразным, но прямо-таки невысказанным.

В своём противопоставлении обоих кандидатов Иванцов-Платонов не ограничивается формальным указанием на различия между ними. Он стремится точно сформулировать принципиальную суть имеющихся разногласий. И хотя он при этом явно преувеличивает эти разногласия, истолковывает эмпиризм и позитивизм Троицкого в духе, приближающем точку зрения Троицкого к материализму, однако это преувеличенное и ошибочное противопоставление с тем большей резкостью подчёркивало, что в центре внимания Иванцова-Платонова стояла принципиальная противоположность двух основных направлений философии. «Предлагаемые кандидаты, — писал Иванцов-Платонов, — до того расходятся между собою в своих взглядах, научных приёмах и отношениях к предмету, что совместное существование их на одной кафедре, по моему мнению, не только не принесло бы желаемой от преподавания философии пользы, но существенно могло бы вредить тому и другому преподавателю, и ещё более самой науке, преподаваемой одним и тем же слушателям, в двух радикально противоположных направлениях... Один из предлагаемых кандидатов (Вл. Соловьёв. — В. А.) по преимуществу метафизик; другой решительно отрицает всякую метафизику (Троицкий. — В. А.). Один — по преимуществу поклонник философского идеализма и строго силлогистической методы мышления; другой относится с крайним несочувствием

ко всякому идеализму и, признавая индуктивную методу единственным органом науки о веществе и духе, считает силлогистическую методу безусловно несостоятельной». Один с особенною любовью и уважением относится к послекантовскому периоду германской философии, хотя и не разделяет различных его односторонностей и увлечений. По мнению другого, «вся эта философия есть ложь в квадрате и кубе, ложь, растающаяся во все стороны и совершенно закрывающая собою действительность: идеализм, переходящий в патентованную чепуху, и реализм, доходящий до возбуждения тошноты»¹. При такой крайней, по мнению Иванцова-Платонова, противоположности в общих отношениях к предмету у обоих кандидатов «естественно расходятся взгляды и по всем частным самым важным вопросам»². Например, по мнению одного, Кант «есть замечательнейший представитель философской критики»; по мнению другого, «у Канта слово «kritik» осталось на заглавных листах его сочинений; у него не было даже ни малейшего предчувствия того, что такое в науке истинная критическая метода; и кантовская идея философской критики осталась мертворожденной для дальнейших судеб немецкой науки о духе». По мнению одного, система Гегеля есть замечательнейшее произведение философского творчества; по мнению другого, «в этой системе, гордящейся абсолютной методою, господствует самый дикий произвол, пустая игра понятиями, переходящая часто в чепуху»³.

«Если такой крайний дуализм,— доказывал Иванцов-Платонов,— трудно было бы допустить в преподавании какой бы то ни было науки, то тем более невозможно его допустить в преподавании философии, которой задачи отличаются особенною серьёзностью, значительностью и вместе с тем отвлечённостью, трудностью для молодого понимания»⁴.

Подобный дуализм недопустим, по мнению Иванцова-Платонова, не только с принципиальной, но и с точки зрения практической, с точки зрения интересов преподавания. «Один преподаватель,— разъяснял Иванцов-Платонов,— будет стараться развивать в своих слушателях правильное, логическое мышление, другой будет внушать им презрение к силлогистической логике, как к самому вредному и одуряющему средству воспитания. Один будет стараться заинтересовывать своих слушателей изучением замечательнейших систем новой германской философии; другой будет отвращать их от этого философского сумбура, который может производить только головокружение и тошноту»⁵.

На основании этих соображений Иванцов-Платонов предлагал из двух имевшихся кандидатов «избрать сначала одного, а потом уже к тому кандидату, которому будет оказано предпочтение на баллотировке, приискывать другого, более соответственного по направлению»⁶.

Предложение это было сформулировано в духе полной беспристрастности. Но в развитой Иванцовым-Платоновым характеристике краски были положены так, что точка зрения Троицкого неизменно выставлялась в каком-то ироническом свете, с оттенком явного осуждения и пренебрежения.

Ввиду таких обстоятельств можно было опасаться, что при баллотировке в совете университета Троицкого вновь постигнет неудача, подобная испытанной им в совете факультета. Профессора, сочувствовавшие влияниям позитивизма, должны были не медлить с ответными мерами и оказать противодействие.

¹ Цит. по публикации С. М. Лукьянова в указанном сочинении, стр. 22—23.

² Там же, стр. 24.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ Там же, стр. 25—26.

⁶ Там же, стр. 26.

Такое противодействие было оказано в лице профессора Н. В. Бугаева. Профессор математики, проявлявший большой интерес к проблемам философии, Бугаев в ту пору был сторонником позитивизма¹. Точка зрения Троицкого, развитая в «Немецкой психологии», импонировала Бугаеву близостью к взглядам хорошо известных ему корифеев английского позитивизма. С другой стороны, признавая выдающуюся талантливость во Владимире Соловьёве, Бугаев не только отрицательно относился к мистицизму Соловьёва, но просто-напросто сводил этот мистицизм к одной патологии.

Движимый этими соображениями, Бугаев решил использовать всё своё влияние на членов университетского совета. Необходимо было рассеять изложенные Иванцовым-Платоновым сомнения относительно возможности иметь на кафедре философии двух преподавателей различных направлений. В специальной записке, представленной в совет университета, Бугаев доказывал, что практика западных университетов полностью опровергает опасения Иванцова-Платонова. На Западе, как указывал Бугаев, постоянно заботятся о том, чтобы кафедры философии были заняты людьми, принадлежащими к разным философским школам. Этим способом стараются в философском преподавании избежать односторонности и исключительности.

Однако в том конкретном случае, о котором идёт речь, так утверждал Бугаев, не приходится даже говорить о полной противоположности направлений обоих кандидатов.

Для доказательства своей мысли Бугаев сопоставляет взгляды Троицкого и Соловьёва на силлогизм, дедукцию и индукцию. Вопреки мнению Иванцова-Платонова, который нашёл у Троицкого полное отрицание силлогизма и формальной логики, Бугаев доказывает, что мнение Иванцова есть простое недоразумение. В действительности, утверждая, будто силлогизм может быть органом науки только под условием индукции, Троицкий предлагает «не отрицание силлогизма, а объяснение отношения силлогизма к индукции»², «не только не отрицает силлогизма, но и признаёт педагогическую пользу преподавания силлогистического искусства»³.

Но и Соловьёв, так доказывал Бугаев ссылками на только что напечатанную диссертацию Соловьёва, «не только не отрицает индукции, а напротив, и не признаёт никакой другой методы, кроме индуктивной, и силлогизм или вывод а priori ставит в исключительную зависимость от эмпирических данных»⁴.

Не видит Бугаев противоречий и в историко-философских взглядах обоих претендентов. В стремлении сгладить все различия и противоречия между ними Бугаев пускается в довольно-таки наивную дипломатию. Он всячески стремится смягчить резкость критики, с какой Троицкий обрушился на идеалистов-диалектиков, и утверждает, будто резкость эта появляется у Троицкого «или тогда, когда он замечает у некоторых немецких философов неуважительное отношение к идее божества, или, когда он воспроизводит приговоры других немецких философов»⁵. С другой стороны, и Владимир Соловьёв, как указывал Бугаев, не оста-

¹ Поворот Н. В. Бугаева от позитивизма к рационализму и, в частности, к своеобразной «монадологии» произошёл не раньше восьмидесятых годов. Но ещё в конце девяностых годов Н. В. Бугаев влиянию мистики на своего сына — писателя, впоследствии известного под псевдонимом Андрея Белого, — стремился противопоставить влияние позитивистов.

² Записка Н. В. Бугаева хранится в бумагах того же «дела» № 300 совета Московского университета 1874 г. как «приложение». Цитирую по публикации С. М. Лукьянова «О В. С. Соловьёве в его молодые годы» («ЖМНП» за март—апрель 1917 г., стр. 32).

³ Там же, стр. 32.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по публикации С. М. Лукьянова в указанном сочинении.

навливается иногда перед крайне отрицательными и резкими оценками крупнейших немецких философов.

Основываясь на этих соображениях, Бугаев призывал совет университета баллотировать обоих кандидатов на оба преподавательские места по кафедре философии.

Совет убедился доводами Бугаева, и в результате баллотировки избранными оказались и Троицкий и Соловьёв: первый — в профессора, второй — в доценты.

Формально Троицкий поражения не потерпел. Но его моральное положение было незавидно: в Московский университет он прошёл голосами не будущих своих товарищей по факультету, но голосами сочувствовавших позитивизму членов других факультетов. На факультете Троицкому угрожала перспектива явной изоляции, которая ещё более подчёркивалась успехом Соловьёва.

Так закончился этот любопытный эпизод из истории борьбы философских направлений в Московском университете в семидесятых годах прошлого века. Эпизод этот доказывает, какой большой интерес вызвал в кругу университетских учёных вопрос о характере и направлении той философии, которая должна преподаваться с университетской кафедры. В борьбе приняли участие профессора самых различных специальностей — от математика Бугаева до филологов Тихонравова и Стороженко. Учёные — неспециалисты по философии, но заинтересованные в судьбе философской кафедры, — пишут пространнейшие доклады, в которых подробно обсуждают и сопоставляют философские воззрения и направление всех выдвинутых кандидатов. Подготавливая эти доклады, они не только изучают труды соревнующихся претендентов, но изучают психологическую и философскую литературу по вопросам, составляющим предмет спора. Они пускают в ход все средства убеждения — от методологической и логической аргументации до дипломатической «ретуши» наиболее щекотливых моментов.

Напряжённости этой борьбы не соответствуют, однако, ясность и отчётливость философского понимания. Позитивизм — философское направление, стоящее в центре всей этой борьбы, отвергается одними и приветствуется другими некритически, без ясного понимания его идеалистической сущности, без должной ориентировки в его логике, в его исторических корнях, не столько на основе продуманной аргументации, сколько в силу аффективной неприязни или, напротив, почтительной, некритической веры. Исключения составляют отклики Сидонского, Никанора, не только тенденциозные — в идеалистическом и теистическом смысле, — но и весьма проникательные в смысле историко-философской ориентировки и гносеологической критики. Однако отклики эти исходят от людей, стоящих вне университетского круга.

Изучение различных перипетий борьбы доказывает факт проникновения позитивизма в учёный круг Московского университета и вместе с тем непрочность его положения и слабость его влияния, особенно на историко-филологическом факультете. Для большинства профессоров этого факультета даже позитивизм казался слишком ещё «радикальным», «левым», «опасным» философским течением. Торжествовала более традиционная, респектабельная по отношению к немецкому идеализму, верная религии и мистике форма философского идеализма.

Только болезнь и смерть Юркевича помешали торжеству этого идеализма оказаться ещё более полным. Болезнь эта помешала Владимиру Соловьёву, молодому тогда магистранту философской кафедры Московского университета, закончившему в 1873 г. магистерскую диссертацию, защищать её здесь же, у Юркевича, в Московском университете. Диссертация Соловьёва называлась «Кризис западной философии». Но

«кризис» этот Соловьёв находил не только в развитии классической западной философии, а также — и даже прежде всего — в состоянии современного позитивизма. Выше уже отмечалось, что подзаголовок диссертации Соловьёва гласил: «Против позитивистов».

Диссертация эта не была плодом непосредственного влияния на Соловьёва философских идей, разрабатывавшихся в Московском университете. В студенческие годы Соловьёв развивался вне прямого воздействия своих учителей и только к концу ученичества сблизился с Юркевичем.

Однако выросшие вне круга университетской философии идеи Соловьёва в гораздо большей степени отвечали тенденциям, которые укоренились на историко-филологическом факультете университета, чем идеи позитивизма и эмпиризма. Поэтому, не будучи плодом прямого влияния университета на Соловьёва, философия Соловьёва могла стать силой, способной влиять на философское направление университета. Так и случилось впоследствии, когда вокруг философской кафедры Московского университета объединились и стали определять её направление друзья и соратники Соловьёва — Л. М. Лопатин, С. Н. Трубецкой и другие.

Но в середине семидесятых годов время для этого ещё не наступило. О силе будущего влияния Соловьёва в Московском университете можно судить только по успеху, с каким прошла его кандидатура на выборах по кафедре. Успех этот был основан на впечатлении от его диссертации, защита которой состоялась, однако, не в Москве, а в Петербурге. В философской борьбе, происходившей внутри Московского университета, роль диссертации Соловьёва была косвенной. Диссертация достаточно определила лицо философа, характер идеализма, провозвестником которого он выступил, качество его дарования. Но когда, защитив диссертацию в Петербурге и будучи избран на кафедру Московского университета, Соловьёв вернулся в Москву уже как доцент этого университета, борьба была уже позади. В сущности, она не была для Соловьёва трудной. И если Соловьёв не усидел в Московском университете, то причины этого факта лежали не в условиях его деятельности и не в отношении к нему профессуры, а в тех чертах и особенностях его характера, которые плохо вязались с деятельностью профессора и которые вскоре увлекли Соловьёва в богословие и в публицистику.

Во всей этой борьбе вокруг позитивизма, развернувшейся в семидесятых годах в Московском университете, должен быть отмечен ещё один факт. Это — открытое выступление против позитивизма, сделанное нефилософом по специальности, профессором математического факультета В. Л. Цингером.

12 января 1874 г. на торжественном годовичном акте Московского университета в присутствии большого числа студентов, профессоров и посторонних университету лиц В. Я. Цингер произнёс речь на тему «Точные науки и позитивизм»¹.

Выступление Цингера отличалось одной важной чертой от частых в то время критических нападков на позитивизм и позитивистов. Мы не раз уже отмечали, что значительной долей своего успеха — там, где разумееется, где он его имел, — позитивизм был обязан своей репутацией «научной философии». Репутация эта создавалась и раздувалась прежде всего самими позитивистами. Они провозгласили позитивизм «научной

¹ Речь Цингера была опубликована в книге «Отчёт и речи, произнесённые в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1874 г.». Приложение, стр. 38—98. М. 1874.

философией», а самих себя — её представителями ещё прежде того, чем их признали в этом качестве подлинные представители подлинной науки.

И всё же эта «самоаттестация» имела известное действие. Многие учёные, а ещё более широкие круги образованной части общества склонны были прислушиваться к голосу позитивистов, так как видели в них «научную» фракцию философов. Критика умозрительного метода, пропаганда индуктивной логики, отказ от исследования сверхчувственных сущностей — все эти тенденции позитивизма казались совпадающими с принципом научного мышления, научного метода и познания. За эмпиризмом и индукцией не замечали идеалистической их основы, за отрицанием сущностей не видели агностицизма, враждебного материализму и терпимого к мистике.

Обычные идеалистические соперники и противники позитивизма критиковали его философские принципы и основы, но не посягали на его репутацию «научной философии». Для этих критиков вопрос шёл лишь о том, достаточно ли тот научный принцип, который выдвигал как своё знамя позитивизм. Но в том, что этот принцип был научным, у большинства критиков не возникало сомнений.

Цингер нанёс позитивизму неожиданный удар именно с этой стороны, — со стороны, которую сами позитивисты считали неуязвимой и неприступной. Он решил доказать перед лицом авторитетного учёного собрания и перед многочисленной образованной публикой, что «научность» позитивной философии мнимая и что репутация научной философии, которой козыряет позитивизм, лишена серьёзного основания.

Первым предметом своей критики Цингер выбрал Конта — того корифея позитивизма, научный авторитет которого почитался особенно высоким. Не входя в оценку взглядов и учений Конта, лежащих вне границ собственной компетенции, Цингер в своём докладе подвергнул критике только учение Конта о математике.

Для той цели, которую поставил перед собой Цингер, трудно было выбрать предмет более подходящий. Ведь Конт сам был по профессии преподавателем математических наук! Математика составляет одно из оснований в контовской иерархии, или системе, положительных наук.

И вот против этого оплота контовской системы Цингер, авторитетный и талантливый профессор математики, направил острие своей критики. Критика эта оказалась беспощадной.

В обстоятельном разборе Цингер показал, что Конт «не усвоил вполне даже первых начал науки, не говоря уже о учёной литературе, которая в то время была весьма богата важными исследованиями, но о которой в обзоре Конта почти нет и помина»¹.

За доказательством сбивчивости и шаткости основных математических и механических понятий Конта у Цингера следует доказательство такой же шаткости и необоснованности философских конструкций Конта и Милля. Обоим корифеям позитивизма Цингер ставил в вину «отрицание всякого философского знания»², слепой и односторонний эмпиризм, непоследовательность в проведении собственных принципов. «Отвергая по произволу многие из научных результатов и признавая за выводы строго опытного знания многие произвольные фантазии, которых не допустила бы никакая метафизика, позитивисты, — говорил Цингер, — более чем кто-либо искажают науку и обнаруживают крайнее к ней неуважение»³.

Особенно сильны упрёки Цингера по адресу Милля, у которого не остаётся уже и следа от призрачной логической систематичности Конта: «Милль руководствуется не убеждением, а тенденцией; он по приро-

¹ «Отчёт и реч...». Приложение, стр. 52.

² Там же, стр. 59.

³ Там же, стр. 61.

де — софист, опутывающий и читателя и самого себя блестящею смесью фактов, цитат и остроумных оборотов»¹.

Отвергая научную обоснованность философских понятий позитивизма, Цингер поставил вопрос о причинах, которые поддерживают иллюзию научности этой философии. Одной из этих причин он считал то, что знаменем, «под которым выступил позитивизм на философское поприще», было «знамя точных, строгих, бесспорных знаний, всегда поверяемых и подтверждаемых опытом»².

Эта характеристика позитивизма завершалась у Цингера заключением, согласно которому позитивизм «есть доктрина, не допускающая критики и обсуждения: он живёт главным образом готовыми мнениями и теориями»³. Именно эти качества позитивизма привлекают к нему, по Цингеру, таких учёных, как Дюринг.

Но критика позитивизма, развитая Цингером, не ограничивалась вопросом о научных понятиях. Критика эта переходила из области науки в область философии. И здесь обнаруживалось, что критика эта велась Цингером с позиций рационалистического идеализма⁴. В то время как богословы критиковали позитивизм во имя мистики и религии, Цингер критикует его с точки зрения рациональных начал точной науки. «В деле мысли и науки,— говорит он,— существование разума есть основной, первоначальный факт, который не может без противоречия подвергаться сомнению»⁵. По Цингеру, сила точных наук не в обладании внешним миром, которое остаётся всегда неполным и частичным, а «в полноте и твёрдости познания тех более простых предметов, которые создаются самим разумом для того, чтобы служить типом и мерою опытного знания»⁶. Точные науки отличаются особою достоверностью именно потому, что «имеют дело с такими идеальными предметами и, не стеснённые эмпирическими требованиями, могут вполне овладеть ими, могут исследовать их число логически и достигать этим путём весьма важных и глубоких познаний»⁷.

Рационалистический идеализм кажется Цингеру более близким к точным и естественным наукам, чем позитивизм. Правда, идеализм, Цингер признаёт это, «уже отжил свой век; но после него вместе с минувшей славой, вместе со многими ошибками и заслуженными упрёками остаётся для науки богатое умственное наследство, ещё не разобранные и не приведённые в порядок»⁸.

Речь Цингера произвела сильное впечатление и была крупным общественным событием⁹. В разгар всеобщей веры в позитивную философию как в философию научную Цингер подорвал самые основы этой веры. В этом заключалось известное положительное значение выступления Цингера. Впервые в Московском университете серьёзным учёным была сделана попытка показать, что наукообразность не есть ещё наука и что клятва от имени науки остаётся только пустым звуком до тех пор, пока она не получит оправдания в подлинных делах науки.

Вместе с тем Цингер напоминал, что в классическом идеализме имелось научное содержание, которого и следа не было в позитивизме и которое требовало дальнейшего развития.

Но Цингер не понимал того, что развитие это могло стать истинно плодотворным только на основе материалистической переработки поня-

¹ «Отчёт и речи...» Приложение, стр. 65.

² Там же, стр. 82—83.

³ Там же, стр. 84.

⁴ Там же, стр. 85—93.

⁵ Там же, стр. 86.

⁶ Там же, стр. 93.

⁷ Там же, стр. 95.

⁸ Там же, стр. 97.

⁹ Лопатин Л. «Философские взгляды В. Я. Цингера». «Философские характеристики и речи», стр. 377. М. 1911.

тий науки и философии. Противопоставляя позитивизму рационалистический идеализм, Цингер обнаруживал более взыскательный научный вкус и более строгий стиль мышления, чем те, которые отличали его коллег, сочувствовавших позитивизму. Но вместе с тем он обнаруживал и роковую отсталость собственного философского мировоззрения. Он понимал, что рационалистический идеализм уже сошёл со сцены, называл его «состарившимся и умирающим львом»¹ и всё же звал от идеализма позитивистического к рационализму, то есть к другой, пусть более строгой, форме идеализма.

Свой доклад Цингер закончил выражением надежды, что «недалеко время, когда... не будет повода говорить с университетских кафедр о таких мало интересных предметах, как ошибки и заблуждения позитивизма...»².

Надежда эта оказалась явно преждевременной. В довольно значительной части учёных и полуучёных кругов позитивизм ещё долгие годы сохранял свою популярность и свою репутацию якобы научной философии. Этой живучестью позитивизм был обязан отнюдь не собственной научной и философской силе. Он пробавлялся слабостью своих философских противников и прежде всего отсутствием на философской арене того времени крупных материалистов. Позитивизм использовал с выгодным для себя результатом огромную тягу передовой части общества к научному оформлению философии — тягу, которой не могли удовлетворить ни вульгарный материализм, ни обычное идеалистическое эпигонство. Единственная подлинно научная форма материализма — диалектический материализм — не была ещё известна в то время широким кругам русского общества.

Поэтому борьба вокруг позитивизма не утихала. В том же, 1874 г., следуя примеру Московского университета, профессор Московской духовной академии В. Д. Кудрявцев произнёс 1 октября на публичном акте Академии речь против позитивизма³. В 1875 г. появился направленный против позитивизма, не раз уже упоминавшийся выше труд епископа Никанора. И даже в 1892 г. последний могоикан русского тегельянства Б. Н. Чичерин нашёл ещё необходимым свести теоретические счёты с позитивизмом в обстоятельном критическом исследовании⁴. Но все эти события философской борьбы против позитивизма разыгрались уже вне стен Московского университета.

¹ «Отчёт и речи...». Приложение, стр. 97.

² Там же, стр. 98.

³ Доклад В. Кудрявцева был напечатан в издании «Годичный акт в Московской духовной академии 1 октября 1874 г.». М. 1875, под названием «Критический разбор учения О. Конта о трёх методах философского познания», стр. 1—35.

⁴ Чичерин Б. «Положительная философия и единство науки», стр. 333—390. М. 1892.

УЧРЕЖДЕНИЕ ОПРИЧНОГО ДВОРА в 1565 г. И ОТМЕНА ЕГО В 1572 ГОДУ

Проф. С. Веселовский

Опричнина давно привлекала к себе внимание историков, и поэтому естественно, что наибольшее количество источников, обнаруженных за последние 30—35 лет, относится к тому периоду царствования Ивана IV, который связан с учреждением в январе 1565 г. и отменой осенью 1572 г. «Государева Особного или Опричного двора». Многие частные вопросы этого периода остаются невыясненными, но в основном и существенном мы стоим на твёрдой почве, и можно сказать с уверенностью, что будущие исследователи избавлены от неосновательных и ошибочных домыслов предшествовавших историков.

С. Ф. Платонов выражал сожаление, что подлинный указ об опричнине не сохранился, а летописное изложение его будто бы невразумительно и не разъясняет цели учреждения Опричного двора¹. Конечно, было бы лучше иметь указ в подлиннике, но и летописное изложение его представляется достаточно вразумительным, если читать его без предвзятого мнения.

Летописец, излагая указ, даёт почти полный перечень уездов, волостей и сёл, взятых в опричнину при её учреждении, а после перечня прибавляет: «И иные волости государь поймал кормленным окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государский обиход, жаловати бояр и дворян и всяких людей, которые будут у него в опричнине. А с которых городов и волостей доходу не достанет на его государский обиход, и иные города и волости имати»².

Далее ясно и определённо говорится, что опричных дворян и всяких людей царь указал испоместить в опричных уездах «с одного», т. е. не по соседству и не чересполосно с другими землевладельцами, и для этого велел выселить из опричных уездов всех помещиков и вотчинников, не принятых в Опричный двор. Смысл этого распоряжения совершенно ясен: испомещение опричных слуг целыми уездами должно было предотвратить их бытовое и хозяйственное срастание с земщиной³.

Не требуется особенно больших познаний в условиях жизни того времени, чтобы заметить, что земли, взятые в опричнину по первому указу, распадутся на три различные категории.

Первую категорию составляют владения дворцового хозяйства. Для обеспечения опричного царского обихода и снабжения его различными продуктами были взяты следующие владения: в Московском уезде — на границе с Дмитровом, село Алешня, на р. Ольшанке, Хотунская волость, в южной части уезда, смежной с Коломенским уездом; в южной части Владимирского уезда — Гусская волость и небольшая волость Муромское сельцо; в Переяславском уезде — Аргуновская волость; в Верейском и Боровском уездах — деревни бывших числяков и ордынцев и опаков на Угре. Для содержания лошадей была взята старинная Домодедовская волость с заливными лугами по реке Пахре. Для обеспечения Опричного двора рыбой были взяты в Кашинском уезде село Белгород на Волге, в Ржевском уезде — волость Вселук, возле Селигера, Ладожский порог

¹ Платонов С. «Очерки по истории Смуты», стр. 131. СПб. 1910. 3-е изд.

² «Русская историческая библиотека» (РИБ). Т. III, стр. 256.

³ «РИБ». Т. III, стр. 254—258.

и Прибух. Для обеспечения солью были взяты Балахна с Узольской волостью, Соль-Тотемская и Старая Русса.

В последующие годы владения опричных дворцов расширились и производилось округление ранее взятых владений. Так например в Тарусском уезде было несколько опричных сёл, и к ним приписано взятое у помещиков село Кузьмишево¹. В Белозерском уезде в ведомстве опричнины был Горицкий Воскресенский монастырь, в котором с 1563 г. проживала в ссылке княгиня-старица Евдокия Старицкая. К этому монастырю было приписано село Чарунда, в Шубацкой волости, и там же было взято у Кириллова монастыря пять деревень. Взамен этих деревень Кириллов монастырь получил деревни в дворцовой волости Ирдме, того же уезда. В Костромском уезде к опричному селу Писцову было приписано четыре деревни, взятые у монастыря Николая Строевы горы, который получил за них эквивалент в том же уезде, в волости Сорахте².

Подобный обмен землями монастырей с князьями, то по инициативе монастырских властей, то по желанию князя, происходил нередко и не имеет ничего общего с опричными выселениями. Монастырские архивы дошли до нас в очень большом количестве. На основе их можно с полной уверенностью сказать, что царь Иван, ограждая опричников от соседства и бытового срастания с земскими людьми, не видел никаких неудобств в соседстве опричников с монастырями и оставил монастырское землевладение в полной неприкосновенности. Совершенно непонятным поэтому представляется подхваченное историками заявление С. Ф. Платонова о том, что царь в опричнине отбирал земли у монастырей и раздавал их в поместья опричникам.

Вторую категорию земель, взятых в опричнину, составляли земли для содержания Опричного двора и для выплаты денежного жалования опричным слугам царя. Царь взял себе значительную часть так называемых поморских городов: Устюжскую землю с Солью-Вычегодской, Двинскую землю, Каргополь и Турчасов с Чарондой, Важскую область и Соль-Тотемскую. Как известно, эти земли из-за своей отдалённости от центра государства были неудобны для испомещения служилых людей. Поэтому в этих городах не было поместных и вотчинных земель служилых людей, и подавляющая часть земель была населена так называемыми «чёрными» крестьянами, которые при отмене кормлений получили права самоуправления и вместо былых поборов наместников и волостей платили в царскую казну «кормленный окуп», деньги «за наместнич корм» и за различные доходы кормленщиков и их «пошлинных людей». В опричном ведомстве эта огромная территория должна была играть роль финансовой базы. Имеются достаточно определённые и ясные указания источников на то, что в этих городах после зачисления их в опричное ведомство всё местное управление, в том числе и губные учреждения и земское самоуправление, весь строй жизни и земельных отношений оставались в полной неприкосновенности, — изменялись только лица местного и центрального управления и название кассы, в которую население должно было платить дани и оброки и деньги за наместничьи доходы. Для населения этих городов зачисление их в опричнину не только не было бедствием, но предоставляло некоторые выгоды, так как обеспечивало лучшую защиту от всех сторонних людей.

Приблизительно такое же значение имело зачисление в опричнину Вологды и Галича, так как в этих уездах было очень мало вотчинных и поместных земель, а большая часть земель принадлежала чёрным и дворцовым крестьянам и монастырям. Были ли в этих уездах испомещены

¹ Сухотин Л. «Земельные пожалования при царе Владиславе», стр. 66. М. 1911.

² Садиков П. «Из истории опричнины». «Исторический архив». Т. III. Приложения №№ 5 и 35. Последняя грамота напечатана ранее в «Костромской старине». Вып. III, стр. 31. Кострома. 1884.

опричники, пока неизвестно, но в общем можно сказать, что поморские города, Вологда и Галич не знали тех экономических потрясений, которые испытали уезды, предназначенные для испомещения «с одного» опричников. В указе об опричнине об этих уездах третьей категории сказано: «А вотчинников и помещиков, которым не быть в опричнине, велел (государь) из тех городов вывести и подавати земли велел в то место в иных городах, понеже опричнину повелел учинити себе особно»¹.

С этой целью в опричнину были взяты: Можайск, Вязьма, Козельск, Белёв, Лихвин, Малый Ярославец, Медынь, Вышгород (Верейский), два жребья Перемышля и Суздаль с Шуйей. Два жребья Перемышля, Одоев и Новосиль в 1563 г. были конфискованы в опале у Воротынских князей, а третий жребий Перемышля был в уделе за князем Н. Одоевским. Поскольку последний был принят на службу в опричнину, его удел остался за ним. Относительно этих уездов следует сделать несколько пояснений.

Вяземский и Суздальский уезды по тогдашним масштабам могут быть причислены к уездам среднего размера, а все прочие уезды принадлежали к самым мелким уездам Московского государства. Затем следует отметить, что в Можайском, Вяземском, Козельском и Вышегородском уездах было много дворцовых сёл, в которые царь часто ездил в объезды и на потехи, т. е. на охоту. В Можайском и Суздальском уездах было некоторое количество старых вотчинных земель, а во всех остальных уездах вотчин было очень мало или они вовсе отсутствовали. Последнее объясняется тем, что эти уезды были присоединены к Московскому государству только в XVI в., когда московские государи в процессе присоединения их к Москве обыкновенно ликвидировали местное вотчинное землевладение, а если принимали к себе на службу местных вотчинников, то давали им их же бывшие вотчины или другие, только на поместном праве.

О Суздальском уезде следует рассказать подробнее. Дело в том, что со времени С. Ф. Платонова в историографии пользуется незаслуженным успехом мнение, будто целью учреждения опричнины и едва ли не главной, было искоренение старого землевладения бывших удельных княжат. По словам Платонова, в опричнину были взяты (в разное время) «преимущественно» те уезды, в которых были наследственные владения княжат, и сделано это было будто бы для того, чтобы разорить и выселить княжат из тех мест, где они имели старинные связи и пользовались особым уважением населения. С. Ф. Платонову, очевидно, неизвестно было, что ещё отец и дед Ивана Грозного не раз выселяли и переселяли измельчавших удельных княжат из их уделов путём ли принудительного обмена или с помощью конфискации уделов. Так, Иван III очистил Ярославское княжество от местных княжат и дал им вместо их наследственных вотчин земли в других городах. Иван Грозный в 1566 г. принудительно выменял у князя Владимира Старицкой удел, о чём речь будет ниже. Только недалёковидному человеку могла придти в голову нелепая идея о выселении из уезда сотни рядовых помещиков и вотчинников, чтобы таким образом избавиться от нескольких княжат.

В высказывании Платонова относительно Суздаля есть ещё одно недоразумение. Бывшая территория Стародубского княжества вошла большей частью в состав Суздальского уезда только в XVII в., а в XVI в. Стародуб не был в составе Суздаля и в опричнину не был взят².

Есть не вполне ясные указания на то, что во второй половине XV в. суздальские князья подвергались выселениям и получили вместо своих родовых вотчин земли в Юрьевце Повольском и в Городце на Волге. Так, предок Александра Борисовича Горбатого, казнённого в начале оприч-

¹ «РИБ». Т. III, стр. 255.

² Подробности по этому вопросу см. Веселовский С. «Монастырское землевладение во второй половине XVI в.». «Исторические записки Института истории АН». Т. X.

нины, владел на Волге существующим ныне селением Горбатовым. Все ли суздальские князья были выселены и кому из них удалось позже получить обратно свои вотчины, мы пока не знаем. Несомненно только то, что накануне опричнины у суздальских князей оставалось в Суздале и Шуе очень немного владений.

По сравнению с другими княжескими родами род суздальских князей был невелик. В то время как стародубских князей разных фамилий, если считать только совершеннолетних, было человек 65, суздальских князей было всего человек 10—11: двое Горбатовых, двое Ногтевых, один Барбашин и 5—6 Шуйских.

Ивану Грозному не было надобности брать Суздаль в опричину с целью обезземелить Горбатовых, так как он казнил их в начале опричнины. О землевладении их известно, что они имели большое поместье в Твери, имели две вотчины—в Ростове и Юрьеве,—но в Суздале, кажется, у них вотчин не было.

Барбашины были самой слабой фамилией суздальских князей. Единственный представитель их фамилии, Василий Иванович, в 1556 г. был участником похода на Астрахань, позже был головой и воеводой в полках, а затем был принят в опричину. Таким образом, если он и имел небольшую вотчину в Суздале, то она у него не была отобрана.

Судя по духовному завещанию А. В. Ногтева (1534 г.), Ногтевы были весьма небогаты. Вотчина Ногтева состояла из села Воскресенского в Суздале, полученного от отца, и из жребья его брата, умершего бездетным. Затем у него были рыбные ловли в р. Увоти. Князь Андрей, не имея потомства, завещал свою вотчину Спас-Евфимьеву монастырю, оценив её в 500 рублей. Родной племянник князя Андрея — Андрей Иванович — выкупил у монастыря вотчину дяди и был видным представителем фамилии Ногтевых. Он начал служить около 1550 г. и в 1563 г. был пожалован в бояре. При учреждении опричнины он был на годовой службе в Васильгороде, а затем — в Казани, где и умер в начале 1571 года¹.

А. И. Ногтев в опричнине не служил, но лишился ли он своей суздальской вотчины, неизвестно. Он неизменно пользовался особым доверием царя. Когда в 1563 г. царь опалился на князя Владимира Старицкого и отобрал у него его бояр и дворян, а на место их поставил своих доверенных людей, то Андрей Иванович был назначен боярином к князю Владимиру и пребывал в этой должности до 1566 года². Затем известно, что село Воскресенское в писцовых книгах Суздальского уезда 1578 г. было записано за князем Андреем и его сыновьями — Иваном и Даниилом³. Возможно, конечно, допустить, что село Воскресенское в 1565 г. было отобрано у Ногтевых, а в 1572 г. после отмены опричнины возвращено, но мне кажется более вероятным, что зачисление Суздаля в опричину не отразилось на вотчине князя Андрея.

Шуйские были самой сильной отраслью рода суздальских князей. Уже более ста лет они неизменно занимали места в первых рядах московского боярства и были в родстве с великокняжеским домом. Своеволие Шуйских в малолетство Ивана оставило у него очень дурные воспоминания, но тем не менее позже Шуйские всегда пользовались милостивым расположением Ивана и были едва ли не единственной княжеской фамилией, которая совсем не пострадала от его опал. Пётр-Гурий Иванович Шуйский был убит перед опричниной, в 1564 г., на ливонской войне. После его смерти оставался только один представитель фамилии из числа служивших — Иван Андреевич, отец будущего царя Василия, а все остальные Шуйские во время опричнины только начинали служить. Прямых указаний на службу в опричнине Ивана Андреевича нет, но заслужи-

¹ «Сборник князя Хилкова № 157». «Акты юридического быта». Т. III, ст. 470.

² «Собрание Государственных грамот и договоров» (СГГ и Д). Т. I, 526.

³ Оба сына князя Андрея умерли бездетными, и их вотчина как выморочная в 1600 г. была отписана во дворец. См. Сухотин Л. «Земельные пожалования при царе Владиславе», стр. 18.

вает внимания то, что боярство он получил в 1567 г., т. е. в опричнине, когда царь был очень скуп на новые пожалования в свою думу. В 1573 г. Иван Андреевич был убит на ливонской войне.

После отмены опричнины все Шуйские неизменно пользовались исключительно добрым расположением к ним царя. Показательно, что на свадьбе царя с Анной Васильчиковой (1575) в числе избранных гостей из Шуйских были Василий Фёдорович Скопин, пожалованный через год в бояре, Андрей, Василий (будущий царь) и Дмитрий Иванович и Иван Петрович, пожалованный в бояре в том же году. В последние годы царствования Грозного Андрей и Василий Ивановичи были пожалованы в бояре, а Дмитрий Иванович — в кравчие. Наконец, отмечу, что Ивана Петровича царь перед смертью назначил опекуном своих детей.

О землевладении Шуйских мы не имеем сведений, так как в опалах царя Бориса и после падения царя Василия все вотчины Шуйских были конфискованы. Но после приведённых сведений, даже не имея сообщений о землевладении Шуйских и о суздальских князьях, мы не вправе говорить о направленности опричнины против родового землевладения последних. Суздальских князей было немного, и все отношения царя к ним носили ярко выраженный личный характер. Поэтому можно предположить, что Суздаль и Шуя были взяты в опричнину не для искоренения княжеского землевладения, а по другим, неизвестным нам мотивам.

Резюмируя сделанные выше наблюдения и приведённые фактические сведения, можно сказать, что если учреждение Опричного двора само по себе было актом политическим, то образование ведомств его и первоначальной территории определилось исключительно хозяйственными и организационными мотивами. Даже выселение из опричных уездов помещиков и вотчинников «с городом вместе, а не в опале», как тогда говорили, не преследовало цели пересмотра и переборки служилых людей, как это бывало иногда раньше. В конце XV в. великий князь Иван III вывел из Вятки местных землевладельцев и поселил их в московских городах, несомненно, по политическим соображениям. Несколько иначе он поступил с местными землевладельцами при ликвидации независимости Ярославского и Тверского княжений. Из Ярославского княжения он вывел в большом количестве княжат, но прочих вотчинников оставил в массе на их вотчинах. На своих же старинных вотчинах были оставлены тверичи, за исключением тех, которые скомпрометировали себя враждебным отношением к Ивану III или приверженностью к бежавшему в Литву тверскому князю. В вопросе об испомещении опричных слуг была одна особенность: царь решил испоместить их «с одного», целыми уездами. Цель этой меры разъяснена выше. Таким образом, можно сказать, что массовое выселение помещиков и вотчинников по первому указу было не целью, а следствием. Это следует подчеркнуть, так как через год, при ликвидации Старицкого удела, царь, поступая таким же образом, несомненно, имел в виду политическую цель.

В январе, феврале и марте 1566 г. царь произвёл три мены землями с князем Владимиром Андреевичем. Непонятно, зачем понадобились три сделки, но несомненно, что они не были добровольными¹.

Из духовной грамоты великого князя Ивана III 1504 г. известен весь состав земель Старицкого удела, завещанного князю Андрею. После смерти князя Андрея в тюрьме Старицкий удел в полном составе был возвращён его сыну Владимиру. Сравнивая Старицкий удел 1504 г. с перечнем земель, выменянных царём в 1566 г. у князя Владимира, мы видим, что царь взял себе почти полностью Старицкий удел в том составе, в котором он был за князем Андреем и за его сыном. Заслуживает внимания, что князь Владимир, вместо взятых в опричнину старицких земель, получил к Дмитрову и большей части Дмитровского уезда доба-

¹ Краткое изложение всех трёх мен см. «РИБ». Т. III, 271—272. Январская и мартовская меновые грамоты сохранились и напечатаны в «СГГ и Д». Т. I, №№ 187 и 188.

вочные владения, разбросанные как бы преднамеренно в разных частях государства: Боровск, несколько волостей в восточной части Московского уезда, одно село в Муроме, часть Звенигорода, посад Стародуба Рязановского и несколько сёл, разбросанных в бывшем Стародубском княжестве.

Таким образом, опричная территория значительно увеличилась, ибо царь взял Старицкий удел, повидимому, почти весь себе в опричину, а князя Владимира вознаграждал новым уделом из фонда земских земель.

Нет сомнения, что это приращение опричнины было вызвано политическими соображениями. Известно, что царь три раза (в 1541, 1554 и 1563 гг.) менял бояр и дворян князя Владимира, брал их «в своё имя», т. е. к себе на службу, а Владимиру давал своих бояр и дворян, но основная масса городских детей боярских оставалась незатронутой этими мероприятиями и более 60 лет служила в Старицком уделе. Так, например, старицким князьям служили и были с ними в родстве (через Хованских) князья Чернятинские, мелкие потомки тверских князей. Из князей Оболенских в Старицком уделе служило несколько Лыковых, из тверского боярского рода Бороздиных — Житовы. О мелких служилых людях и говорить нечего, так как они уже в XV в. служили обыкновенно тому князю, в уделе которого были их вотчины.

По условию мен старицким служилым людям было предоставлено право служить, кому они пожелают, но ясно, что, продолжая служить князю Владимиру, они должны были лишиться своих родовых гнёзд, а поступая на службу к царю, подвергались большому риску быть выселёнными в порядке опричной переборки людей.

Итак, включение в ведомство Опричного двора большей части Старицкого удела преследовало политическую цель — разрушение связей князя Владимира с его старинными слугами.

Выяснение дальнейшего расширения опричной территории представляет некоторые трудности вследствие недостатка прямых указаний источников. Замечу предварительно, что отождествление так называемых дворовых городов, которые упоминаются после отмены опричнины, с городами, которые действительно были в опричнине, внесло большую путаницу в представления историков по этому вопросу. Например, в числе дворовых городов упоминаются Псков, Ростов и Юрьев Ливонский, которые, как это достоверно известно, в опричнине никогда не были.

В 7075 (1567) году в опричину был взят один из крупнейших уездов государства — Костромской. Повидимому, в том же году, но не позже 1568 г., были взяты Ярославль и Пошехонье, а в 1568 г. был взят Переяславль Залесский.

Чтобы выяснить мотивы взятия этих городов в опричину, необходимо сделать несколько предварительных замечаний и пояснений.

Кострома и Переяславль были из числа тех немногих городов, которые искони были в составе великого княжения и никогда не бывали в уделах. Поэтому в уездах этих городов сидели на поместьях и небольших вотчинах несколько тысяч рядовых служилых людей, исконных слуг московских государей. Судя по сохранившимся источникам, помещики и вотчинники этих уездов были выселены почти все поголовно, за исключением тех, которые были приняты в опричину. Городовые дети боярские выходили в походы поуездными организациями, за взаимным поручительством и под начальством своих выборных. В Костроме и Переяславле эти уездные организации отличались особой сплочённостью. В результате зачисления в опричину эти организации были разрушены — выселенцев из Костромы мы находим на Белоозере, в Ярославле, в Кашине, Коломне, под Москвой, в Муроме, Кашине и других городах. Было ли это разрушение сплочённости городских детей боярских целью, которую преследовал царь, зачисляя Кострому и Переяславль в опричину, или это было непредвиденным и нежелательным следствием, сказать трудно.

Вопрос о зачислении в опричнину Ярославля представляется гораздо сложнее. Прежде всего следует заметить, что Ярославский уезд в это время представлял приблизительно треть территории бывшего Ярославского княжения. Заозерско-Кубенский удел давно уже отошёл к Вологде. Моложский удел — вся западная часть княжения — отошёл к Угличу и Устюжне. В центре ярославского княжения образовался Романовский уезд, населённый татарами. Наконец Юхотский удел, в составе волостей Юхти и Черемхи, был дан в удел князьям Мстиславским. Он числился в Ярославском уезде, но в опричнину взят не был.

Было ли взято в опричнину одновременно с Ярославлем всё Пошехонье, неясно. Известно, что В. Воронцов получил вместо своей пошехонской вотчины вотчину в Дмитрове. Но в то же время мы знаем, что князья Ухтомские (род белозерских князей) свободно распоряжались своими пошехонскими вотчинами, как будто опричнины не было и их не касались выселения. Совершенно очевидно, что из Пошехонья (как и из Ярославля) местные вотчинники были выселены не все, а по выбору, как это было сделано несколько позже в Белозерском уезде, который в целом в опричнине не был.

Необходимо рассказать о некоторых особенностях служилого землевладения в Ярославле. Ермолинский летописец рассказывает, что при ликвидации в 1463 г. независимости Ярославского княжества все ярославские князья «простилися со всеми своими отчинами, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь великий против их отчин давал им волости и сёла» в московских городах¹.

В действительности не все княжата лишились своих вотчин. Сохранили свою вотчину князья Пенковы, старшая линия ярославских князей. Пенковы вымерли в 60-х годах XVI века. Сделано было исключение для бездетного князя Ивана Дмитриевича Юхотского, после смерти которого Юхоть «отошла» к великому князю. Затем некоторым князьям позже удалось получить обратно свои вотчины. Так, в Моложском уделе сохранили вотчины Сицкие и Прозоровские, в Закоторосльском стану сохранились 3—4 небольшие вотчины князей Засекиных и Курбских. Всё это были жалкие остатки прародительских вотчин, раздробившиеся с течением времени между множеством наследников.

По этому поводу полезно напомнить факт, упущенный из виду историками, писавшими об опричнине: что при царе Иване ярославских князей, по его собственным словам, было «не один сто», т. е. более сотни. По неполным данным родословцев, мы насчитываем ярославских князей разных фамилий более 140.

Что касается нетитулованных ярославских вотчинников, то они сохранили свои вотчины в 1463 г. ценой отказа от права отъезда, и великий князь Иван в духовной грамоте 1504 г. подтверждал неприкосновенность вотчин ярославских вотчинников. Для тех, кто привык представлять себе Ивана Грозного безудержным сокрушителем старины, будет неожиданностью, что царь в своей духовной 1572 г. повторил дословно завещание своего деда².

Из той же духовной царя Ивана мы узнаём, что при взятии Ярославля в опричнину выселению подверглись не все уцелевшие княжата. Иван писал: «А которые есми вотчины поймал у князей ярославских, и те вотчины — сыну моему Фёдору, а сын мой в том волен, хочет те вотчины за собой держит, хочет он, отдаст. А у которых князей ярославских их вотчин не имал, и сын мой Фёдор тех вотчин не отнимает, и у жён и у детей их».

Такой же персональный характер имело выселение и нетитулованных вотчинников, — выселению не подверглись старые ярославские вотчинники. Очень вероятно, что этим персональным пересмотром ярославских зем-

¹ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. XXIII, стр. 157.

² «СГГ и Д». Т. I, стр. 391; ср. Духовная 1572 г. «Древние акты исторические» (ДАИ). Т. I, стр. 387.

землеладельцев объясняется описание Ярославля в 7076—7077 (1568—1569) годах, произведённое В. Фоминым и Г. Сукиным. Часть этого описания в двух книгах была указана мною в 1916 г., но до сих пор ещё не подверглась исследованию¹.

Приведённые выше справки относительно ярославских землевладельцев и указанные писцовые книги не оставляют сомнения в том, что из Ярославля общего вывода служилых землевладельцев не было, а выселения носили характер персонального пересмотра людей и их землевладения. Это разъясняет те недоумения, которые возникали у Л. М. Сухотина относительно зачисления Ярославля в опричнину².

Долгово-Сабуровы всем родом подверглись опале и были выселены из Ярославля не «с городом вместе», а в персональной опале и без прямой связи с зачислением Ярославля в опричное ведомство. Их запоздалая попытка вернуть свою вотчину объясняется тем, что после отмены в 1572 г. опричнины право вернуть вотчины получили только те, кто был выселен «с городом вместе, а не в опале».

Подводя итоги, можно сказать, что ярославские вотчинники находились на особом положении, определённом ещё в 1463 г., и при зачислении Ярославля в опричнину были выселены не поголовно. Равным образом и немногочисленные ярославские княжата подверглись выселению персонально, а не в качестве бывших удельных княжат, землевладение которых в Ярославле могло бы представлять государственную опасность.

Последнее значительное расширение ведомства опричнины связано с «изменным делом» новгородского владыки Пимена и пресловутым погромом Новгорода в 1570 году. Новгородские летописи сообщают, что в январе 1571 г. в Новгород приехали князь П. Д. Пронский, А. М. Старогомеликов и дьяк С. Мишурин, чтобы взять в опричнину половину посада Новгорода и две пятины — Бежецкую и Обонежскую. О мотивах этого мероприятия царя можно высказать весьма правдоподобные предположения, но предварительно следует сделать несколько замечаний.

Известно, что в Новгороде в это время частных вотчин не было, а все новгородские помещики были ближайшими потомками тех служилых людей, которые в конце XV в. и начале XVI в. были набраны в разных московских городах и получили поместья из земель, конфискованных великим князем Иваном III. Это обстоятельство даёт право сказать, что у новгородских помещиков не могло быть никаких воспоминаний о бывших новгородских вольностях, и если они были повинны в сепаратизме и желании отдаться под власть польского короля, то их сепаратизм был иного происхождения.

Едва ли можно оспаривать, что взятие в опричнину половины Новгорода и двух пятин было вызвано политическими соображениями. Но непонятным представляется, что для укрепления своей власти на этой окраине государства царь Иван взял не пограничные пятины, Водскую и Шелонскую, а Бежецкую пятину и Обонежскую, в которых было не более двух—трёх десятков помещиков. Эти интересные вопросы предстоит ещё исследовать и выяснить. В синодике опальных царя Ивана мы находим большое количество новгородских помещиков, казнённых целыми семьями в 1570 г., и больше всего казнённых мы находим именно в Бежецкой пятине. Быть может, именно потому эта пятина и была взята в опричнину и все помещики её были выселены.

¹ В Калачевской описи фонда писцовых книг бывшего архива министерства юстиции эти книги не указаны. Государственный архив древних актов (ГАДА). Писцовые книги №№ 588 и 7785. Веселовский С. «Сошное письмо» Т. II, стр. 641.

² Сухотин Л. «К вопросу об опричнине». «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП) № 11 за 1911 г.; его же «Земельные пожалования при царе Владиславе».

Выселенцев из Бежецкой и Обонежской пятин мы позже находим на поместьях в Торопце, Пскове, Ржеве Пустой и Заволочье¹.

В т. II «Архивного материала» (изд. Д. Самоквасова. М. 1909) имеется несколько интересных актов об испомещении в опричной Бежецкой пятине новых помещиков вместо выселенных. Между прочим, там было помещено несколько семей казанских татар, а среди выселенных упоминаются астраханские татары. Видимо, казанские татары оказались более благонадёжными, чем астраханские.

В заключение характеристики ведомства и территории опричнины следует сказать о принятии в опричину английских торговых людей, гостей Строгановых и нескольких монастырей.

Экцессы опричников расшатывали все представления о праве и создавали обстановку необеспеченности самых элементарных прав личности. На этой почве возродился патронат (княжеская защита), давно, казалось, изжитый институт раннего феодализма. Принятие торговых англичан, Строгановых и некоторых монастырей под защиту опричнины можно рассматривать именно как запоздалую отрыжку раннего феодализма.

По поводу англичан и Строгановых С. Ф. Платонов писал, что торговые люди, имевшие дела в областях, взятых в опричину, просили о том, «чтобы их ведали в опричнине; недаром и Строгановы потянулись туда же; торгово-промышленный капитал нуждался в поддержке той администрации, которая ведала краем, и очевидно не боялся тех ужасов, с которыми у нас связывается представление об опричнине»².

В связи с принятием под защиту опричнины торговых людей и Строгановых, С. Ф. Платонов выдвинул гипотезу о том, что важнейшие торговые пути будто бы были взяты в ведомство опричнины. Какая в этом была надобность, Платонов не поясняет. Но что мы видим в действительности? Опричнина просуществовала не до конца дней царя Ивана, как утверждал Платонов, а всего семь с половиной лет. По территории опричнины проходил только Двинский путь, с перерывом в Ростове, который в опричнине не был. Вне опричнины были два важнейшие пути — Волжский от Нижнего и путь через Рязанскую землю к верховьям Дона и по Дону в Азовское море. Путь через Новгород в Балтийское море попал в опричину за полтора года до её отмены. Наконец, путь из Москвы в Литву через Можайск, Вязьму и Смоленск, как отметил сам Платонов, не был под контролем опричнины, так как Смоленск в опричнине не был. Что же остаётся после этого от хитроумной гипотезы торговых путей в опричнине?

Вероятно, при самом учреждении опричнины в её ведение был взят Горицкий Воскресенский монастырь, женский филиал Кириллова монастыря.

На втором году в опричину был взят небольшой монастырь в бывшем уделе князей Воротынских — Шаровкина пустынь на р. Жиздре. Этот монастырь лишился своих покровителей после конфискации удела Воротынских князей. В сентябре 1566 г. он получил жалованную грамоту обычного типа, с исключительной подсудностью в опричнине, а для охраны братии от сторонних людей пустынь получила данного пристава³.

В конце существования опричнины в неё был принят Стефанов Махрищский монастырь, находившийся в 15 верстах от Александровой слободы. Стефанов монастырь был из числа небольших монастырей местно-

¹ «Писцовые книги Московского государства», вторая половина, 550—565; «Сборник московского архива министерства юстиции». Т. V.

² «Очерки по истории Смуты», стр. 140. 3-е изд. СПб. 1910. Последние слова Платонова звучат довольно странно, — ведь англичане и Строгановы именно потому добивались принятия в опричину, что не хотели испытывать тех ужасов, с которыми обычно связывается представление об опричнине.

³ Садиков П. «Из истории опричнины», стр. 193; «Исторический архив». Т. III.

го значения. Близость его к слободе открывала для братии возможность знакомства с царём, а соседство с опричниками создавало, вероятно, для братии и их крестьян некоторые неудобства. 27 марта 1571 г., т. е. за четыре месяца до отмены опричнины, монастырь получил жалованную грамоту на подсудность опричным боярам и на данное пристава¹.

Симонов монастырь, принятый в опричину в 1569 г., был одним из крупнейших монастырей государства. Среди московских городских монастырей он выделялся исключительной силой своей хозяйственной экспансии. Его владения были разбросаны по всему государству. Понятно, что Симонову монастырю было очень важно получить защиту в опричнине, быть подсудными и платить все налоги в одном месте, а не в разных приказах. Но чем объясняется исключительная милость царя к этому монастырю, неизвестно.

Первоначальных замыслов царя, когда он выехал из Москвы в село Коломенское, мы не знаем, но когда он, уступая молениям митрополита, бояр и всяких чинов людей, дал согласие не отказываться от власти и не покидать государство на условии учреждения «Особного или Опричного двора», то создалось совершенно небывалое положение: царь остался попрежнему государем всего государства и одновременно становился как бы удельным князем. По первому указу об опричнине она была организована как удел. Необычным было только то, что уделы обыкновенно получали младшие члены рода, которые должны были повиноваться великому князю, как сыновья отцу или младшие братья старшему. Это и дало повод Ключевскому назвать опричину «пародией удела». Так было по первому указу. Для чего царю понадобилось, оставаясь государем всего государства, устроить себе удел,—это другой вопрос. Но несомненно, что первоначальная структура этого удела и его значение должны были получить иной вид, когда царь, сидя в опричном уделе, стал управлять всем государством.

Уже на втором году ведомство опричнины осложнилось общегосударственным мероприятием — ликвидацией Старицкого удела. Впрочем, Иван Грозный мог бы это сделать как царь, не создавая пародии удела. В дальнейшем опричина стала отвечать на другие запросы текущей политики и занялась пересмотром кадров служилых людей и их земельладения, обеспечением безопасности западной границы государства, покровительством торговым людям и некоторым монастырям.

Для понимания опричнины очень существенно уяснить себе, какое место заняла она в строе центральных и местных учреждений государства, когда царь, оставаясь государем, стал одновременно хозяином опричного удела. По первому указу об опричнине, царь предполагал учредить у себя в Особном дворе все чины, начиная от боярина. Однако при проведении указа в жизнь были учреждены только недумные чины: большие дворяне, стольники, стряпчие и жильцы, — а особых думных людей в опричнине не было. В источниках упоминаются иногда «бояре из опричнины», но это не должно вводить нас в заблуждение. В действительности из числа думных людей, как пожалованных до опричнины, так и тех, которые были пожалованы во время существования опричнины, некоторые лица персонально получили доступ в опричный двор и принимали участие во внутренних делах его, но одновременно эти думцы первого сорта входили в состав государевой думы и принимали участие в общегосударственных делах на старых началах.

Это объясняется тем, что в опричнине, как и вообще в уделах, общегосударственных приказов не было. Проф. В. И. Савва в монографии о Посольском приказе (Харьков: 1917) обнаружил в посольских делах за всё время царствования Ивана IV большое количество боярских приговоров, из которых видно, что до опричнины и во время её существования

¹ ГАДА. Грам. кол. эк. № 646, грам. 318.

не было никаких изменений в порядке рассмотрения и решения дел по сношениям с иностранными государствами. Все посольские дела обсуждали и решали по назначению царя то бояре земские, то земские и опричные, то все бояре, то поимённо назначенные царём. Так это бывало и раньше. Таким образом, несомненно, что посольское дело оставалось за Посольским приказом.

Другой важнейший приказ — Разряд — имел двойную компетенцию. Во-первых, он ведал «разряд полков», т. е. формированием и разрядкой их в походы, назначением полковых воевод и голов, в его же ведении было руководство всеми военными действиями. Во-вторых, Разряд ведал всеми служилыми людьми, «службой», т. е. ведал кадрами и вёл учёт зачислений на службу, назначений, увольнений и т. д. Очень вероятно, что в опричнине был свой Разряд, ведавший службой опричников, но военное дело в целом оставалось в ведении старого Разряда. Он производил наряд земских и опричных полков для походов и назначал воевод и голов в полки. Так, в 1571 г. во главе земских и опричных полков был поставлен опричник князь М. Черкасский, а в 1572 г. для отражения второго набега татар большим воеводой был назначен земский воевода князь М. Воротынский.

Очень сомнительно существование в опричнине особого Ямского приказа. В опричных уездах были ямы и ямские слободы, которые, наверное, были ведомы в Опричном дворе, но ямская гоньба в целом, выдача подорожных памятей и учёт прогонных денег находились попрежнему в старом Ямском приказе.

В первой грамоте из Александровой слободы царь обвинял всех бояр, дворян и приказных людей в изменах и прочих преступлениях, а в указе об опричнине приказывал всем оставаться на своих местах и управлять приказами «по старому обычаю». В этом было, конечно, противоречие, но не такое было время, чтобы говорить об этом, и на деле приказы Опричного двора вошли в систему старых государственных учреждений так же, как включались в них раньше приказы удельных князей.

В этом отношении очень показателен наказ 1571 г. из земского Разбойного приказа белозерским губным старостам. Белозерский уезд в целом в опричнине не был, но в нём был опричный Горицкий монастырь с приписанными к нему землями, и наказ предусматривал, между прочим, сместные разбойные дела, т. е. такие, в которых были замешаны земские и опричные люди. Земским губным старостам предписывалось судить и вершить подобные дела совместно с опричными губными старостами, а высшей инстанцией, куда земские и опричные старосты должны были присылать на доклад дела, был земский Разбойный приказ.

О внутренней организации опричных местных учреждений мы имеем очень мало сведений, но всё, что известно, говорит определённо за то, что они ничем не отличались от старых учреждений прочих частей государства. Все известные нам грамоты опричных приказов настолько тождественны с грамотами соответственного рода земских приказов, что различить их от земских грамот можно только по скрепам дьяков. Укажу в качестве примера на жалованные несудимые грамоты из опричнины Симонову и Махрицкому монастырям. Эти грамоты не оставляют никаких сомнений, что порядки местного управления в опричных уездах оставались неизменными после зачисления этих уездов в опричину¹.

Вопрос о наделении выселенцев из опричных уездов поместьями и вотчинами можно считать в настоящее время в основных чертах выясненным². Выселяемые имели право просить о наделении их землёй в том же

¹ Садиков П. «Из истории опричнины», стр. 193; «Исторический архив», Т. III.

² См. об этом Веселовский С. «Село и деревня». «ГАИМК» за 1936 год, стр. 134—137; его же «Монастырское землевладение во второй половине XVI в.», стр. 104. «Исторические записки Института истории АН», Т. 10.

количестве, которое у них отбиралось вместо поместья, — поместье же, а вместо вотчины — вотчину. Иногда Поместный приказ производил наделение по своему усмотрению, но чаще, повидимому, выселенцам приходилось самим подыскивать «порозжие земли». Так выселенцы оказались разбросанными по всему государству. Например костромичей мы находим в Белозерском, Ярославском, Кашинском, Московском, Коломенском, Боровском, Каширском и других уездах.

Нет надобности говорить, что выселения были связаны с разрушением всего хозяйства выселенцев. На новом месте им приходилось заводить хозяйство вновь, что в условиях постоянных служб и общей экономической разрухи было делом нелёгким. Поэтому выселенцы нередко продавали или отдавали даром монастырям свои вновь полученные вотчины.

По мере расширения территории опричнины количество выселенцев, которых надлежало наделить землёй, возрастало и исчислялось многими тысячами служилых людей. Соответствующих земель не хватало, и устройство выселенцев на новых местах затягивалось на несколько лет, в течение которых они не были в состоянии нести службу. Опричные выселения значительно подрывали военную мощь государства.

Представляется несомненным, что у правительства не было никакого плана размещения выселенцев — им давали землю там, где они прискакали сами и где представлялась возможность. Насколько позволяют судить сохранившиеся источники, большинство выселенцев получало эквивалент в землях чёрных крестьян и реже — в дворцовых волостях. Случаи наделения выселенцев из «порозжих» земель и из бывших вотчин опальных людей были редким исключением.

В результате опричных выселений огромное количество земель чёрных крестьян во всех уездах государства, кроме Поморья, перешло в руки помещиков и вотчинников. К сожалению, мы не можем даже приблизительно вычислить количество выселенцев, которых необходимо было устроить, чтобы не лишиться боеспособных служилых людей. Таубе и Крузе говорят, что в первый год опричнины на смотр явилось до 6 тыс. человек, из которых только 570 было принято в опричнину и не подлежало выселению¹. Весьма вероятно, что Таубе и Крузе преувеличивали число выселенцев, но в последующие годы территория опричнины увеличилась примерно в три раза.

В Ярославском уезде, в Едомской волости, было роздано сорока выселенцам из Суздаля и Костромы свыше 200 деревень чёрных крестьян. В Суходольском, Мерском и Жабенском станах, Кашинского уезда, сохранились ещё со времён тверских князей большие волости чёрных крестьян, которые в значительном большинстве в 1567—1568 гг. были розданы выселенцам из Ярославля, Костромы и Переяславля. Указания на раздачу в поместья и вотчины чёрных крестьян мы имеем в уездах Белозерском, Владимирском, Муромском, Московском, Верейском, Боровском, Малоярославецком и Серпуховском.

Раздача большого количества чёрных, оброчных и бортных земель в поместья и вотчины опричным выселенцам привела к почти полной ликвидации самоуправляющихся крестьянских миров во всех уездах кроме Поморья. Чёрные крестьяне небольшими группами, по 5—6 дворов, попали в руки помещиков и вотчинников, и это было весьма существенной подготовкой для заповедных указов 1581 и следующих лет, положивших начало закреплению крестьянства.

По вопросу об отмене опричнины мы располагаем в настоящее время достаточным количеством новых данных, чтобы выяснить всё существенное. Лишь некоторые детали остаются неясными.

Н. М. Карамзину было известно, что опричнина была отменена осенью

¹ «Русский исторический журнал» № 8 за 1922 г., стр. 35. П.

1572 г., но, не имея в русских источниках данных по этому вопросу, он ограничился замечанием, что если опалы и казни не прекратились, то «по крайней мере исчезло сие страшное имя... сие безумное разделение областей, городов, двора, приказов, воинства»¹. С. М. Соловьёв высказывался смелее и категоричнее: «Разделение на опричнину и земщину оставалось, но имя опричнины возбуждало такую ненависть, что царь счёл за нужное вывести его из употребления» (!), и бывшее ведомство опричнины стали называть двором, дворовыми городами и т. п.²

Итак, «безумное разделение» государства и после отмены опричнины оставалось, и всё сводилось к «перемене вывески» для успокоения нервов обывателей.

С. Ф. Платонов воспринял мнение Соловьёва о тождестве опричнины и позднейшего «двора» и использовал его для построения сложной и хитроумной теории с целью представить учреждение опричнины как глубоко продуманную, крупную государственную реформу. Он изложил свою теорию в «Очерках по истории Смуты» в 1899 г., а в 1923 г. повторил её в ещё более категорической форме в биографическом очерке Ивана Грозного. Между тем в 1911 г. Л. М. Сухотин напечатал несколько актов, из которых было видно, что отмена опричнины сопровождалась возвращением выселенцам из опричных уездов отобранных у них вотчин, а в 1915 г. я напечатал доклад дьяков Новгородской чети 1623 г. царю Михаилу, из которого видно, что возврат вотчин был общей мерой³.

Этих новых актов было достаточно, чтобы задуматься над вопросом об отмене опричнины, но С. Ф. Платонов остался на своих старых позициях. Он и не мог признать, что в 1572 г. дело шло не о перемене вывески, а о чём-то более важном, так как признание этого факта разрушало всю его концепцию.

Существенным представляется выяснить время и политическую обстановку отмены опричнины. 17 августа 1572 г. царь с царицей и сыновьями выехал из Новгорода в Москву, «а оставил в Новгороде управу чинити людям без себя» опричников князя Сем. Дан. Пронского и дьяков Юстника Суворова и Василья Щербину⁴. Из этого следует заключить, что решение отменить опричнину у царя ещё не созрело или, во всяком случае, он его ещё не объявил. Царский поезд прибыл в Москву в конце августа. В конце же августа или в начале сентября царь принимал польского гонца Воропая, с которым вёл переговоры о призвании его самого или его сына царевича Фёдора на польско-литовский престол. 21 сентября был написан разряд полков для похода царя на свейских немцев, из которого с несомненностью видно, что опричнина была уже отменена.

В ходе предварительных, неофициальных переговоров с Воропаем и в предвидении официального польского посольства по вопросу об избрании на польский престол, Ивану Грозному было очень важно оправдать свои многочисленные опалы и бегство в 1571 г. на Белоозеро. Отрицать эти факты было невозможно, и царь оправдывал свои действия изменами своих бояр. Для общественного мнения Польши и Литвы царь не нашёл нужным говорить, что в катастрофе 1571 г. и его бегстве были виновны и казнены опричные воеводы, что во время второго набега хана Девлета победа была одержана земскими воеводами и земскими полками, но самому ему всё это было хорошо известно и заставляло его изменить своё отношение к земщине. В 1570 г. несколько виднейших опричников было замешано в «изменном деле» новгородского владыки Пимена. В 1571 г.

¹ Карамзин Н. «История государства Российского». Т. IX, гл. IV.

² Соловьёв С. «История России». Кн. 2-я, стр. 181, Изд. «Общественная польза».

³ Сухотин Л. «Земельные пожалования при царе Владиславе». Веселовский С. «Акты Писцового дела». Т. I, стр. 255. М. 1913.

⁴ «Новгородские летописи», стр. 121. СПб. 1879.

опричники не оправдали доверия царя в деле обороны государства, а осенью того же года в Александровой слободе была отравлена третья жена царя — Марфа Собакина. Наконец, в 1572 г. земщина без участия царя, уехавшего с семьёй в Новгород, отразила второй набег Девлета. При таких условиях переговоры с Воропаем о кандидатуре царя на польский престол были последним толчком, который привёл царя к решению отменить опричнину.

Полезно напомнить, как московское правительство в сношениях с Польшей объясняло опричнину. В 1567 г. приставам польского гонца Юряги предписывалось: «А нечто (Юряга) вспросит, что ныне у государя вашего словет опришнина, и им молвити: у государя нашего некоторые опричнины нет, живёт государь на своём царском дворе, и которые государю дворяне служат правдою, и те при государе и живут близко, а которые делали неправды, и те живут от государя подальше. А нечто будет не зная того, мужичьё называет опришнюю, и мужичьим речам чего верить? Волен государь, где похочет дворы и хоромы ставить, туто ставит. От кого ся государю отделивати?» В наказе 1571 г. послам в Польшу предписывалось говорить несколько иначе. На вопрос о дворе в Александровой слободе говорить, что государь волен ставить себе дворы, где ему угодно, а в слободе поставил двор «для своего прохладу». «А кто учнёт говорить, что государь дворы ставит раздела для, или для того — кладучи опалу на бояр», то отвечать, что государю в этом нет надобности — «волен государь в своих людях, добрых государь жалует, а лихих казнит. А делиться государю с кем? Если будут спрашивать, почему государь живёт в слободе, то говорить, что то село устроил ещё покойный государев отец «для своих прохладов, потому что в осеннюю пору государю на Москве не прохладно жити»¹.

Учитывая неделикатность подобных вопросов и затруднительное положение послов, приходится признать, что не было бы никакой возможности объяснять опричнину царскими прохладами, если бы она была, как утверждали некоторые историки, крупной государственной реформой. Приблизительно через год после этих наставлений послам царь, живя в Новгороде, написал летом 1572 г. духовное завещание, в котором мимоходом, в довольно сухих и холодных выражениях, упоминает об опричнине и предоставляет сыновьям по своему желанию сохранить или отменить опричнину, «как им прибыльнее».

Действительно, когда царь разочаровался в преданности ему виднейших опричников и понял нецелесообразность параллельного существования двух дворов, старого государева и опричного, то дальнейшее существование их становилось непроизводительной тратой средств. Конечным сомнениям царя по этому вопросу был положен двумя событиями: 6 августа царь получил в Новгороде весть о блестящей победе земских воевод над ханом Девлетом, и тогда же было получено известие о смерти его главного врага польского короля Сигизмунда. Когда царь в конце августа вернулся в Москву, то он застал там польского гонца Воропая, посланного с официальным извещением о смерти Сигизмунда и с тайным поручением некоторых польских вельмож завести переговоры о призвании на польский престол его самого или его сына. В переговорах с Воропаем царь оправдывал свои опалы, но ни слова не говорил об опричнине. Очевидно, в это именно время и под влиянием указанных событий вопрос об отмене опричнины был решён.

В бессвязном рассказе полуграмотного Г. Штадена о его службе в опричнине много хвастовства и лжи, но есть и ценные сообщения, которые подтверждаются другими источниками. Во время второго набега хана Девлета Штаден находился в небольшом отряде на Оке. По его словам, отряд подвергся нападению превосходных сил татар. Не получив вовремя

¹ «Сборник Русского исторического общества». Т. 71, стр. 331, 775—776.

помощи от князя Д. Хворостинина, отряд был разбит. Из всего отряда в 300 человек он один остался в живых. Вероятно, он просто спасся бегством, и за это был уволен со службы в опричнине.

Все участники победы над Девлетом были награждены, говорит Штаден, а когда опричнина была отменена, «все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя, — великий князь долее не мог без них обходиться». Опричники должны были получить вместо отобранных у них вотчин поместья. «Благодаря этому я лишился моих поместий и вотчин». Своё увольнение со службы Штаден наивно объясняет тем, что при составлении новых списков (регистров) немцы не написали его, так как думали, что он записан в боярском списке, а бояре не внесли его в свой список, так как считали его записанным в немецком списке. «Так при пересмотре меня и забыли». Храбрый вестфалец не стал разьяснять это недоразумение, и «спустя некоторое время бросил я всё и уехал в Рыбную слободу и выстроил там мельницу»¹.

В другом месте своих записок Штаден говорит: «Опричники должны были возратить земским их вотчины, а все земские, кто оставался ещё в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошённые опричниками». В действительности возврат вотчин, отобранных у выселенцев из опричных уездов, оказался делом более сложным, чем рассказывал Штаден, но его показание как бывшего опричника ценно. Ещё более ценно его показание о том, что отмена опричнины сопровождалась пересмотром служилых людей и составлением новых списков. При этом кадры служилых людей были очищены от негодных элементов вроде самого Штадена.

Опричный двор за семь с половиной лет существования значительно разросся и занимался разрешением задач, не предусмотренных при его учреждении. Естественно, что сразу упразднить его не было возможности. Историки, писавшие об опричнине, упускали из виду, что после учреждения её в 1565 г. старый государев двор продолжал существовать, и этим параллельным существованием двух дворов объясняется то, что на современников учреждение Опричного двора производило впечатление «разделения» государства на две части. Дьяк Иван Тимофеев писал, что царь Иван «всю землю державы своея яко секирою, наполю некако рассече»². Так же понимали опричнину и в Польше и Литве, и царю в сношениях с ними приходилось отрицать это разделение государства на две части. В этом была значительная доля правды, ибо царь, учредивши Опричный двор по образцу удела, оставался одновременно государем всего государства.

В структуре служилого класса, а в частности в организации княжеских дворов, были некоторые особенности, которые необходимо знать, чтобы понять, что произошло с Опричным двором, когда царь решил его отменить. Прежде всего надо напомнить, что двор государев, дворяне в собственном смысле слова, составлял небольшую часть служилых людей московских государей. В опричнине на две — три сотни дворян было несколько тысяч городских детей боярских, служивших в поездных организациях. Дворяне проходили свою службу по особому «дворовому» или «московскому» списку и были расположены в нём по лестнице чинов, а в пределах чина — по служебному старшинству. Всякому, кто знаком с этими списками, известно, с какой тщательностью и педантизмом разрядные подьячие вели их, вычёркивая выбывших и приписывая новых лиц, в порядке их пожалования, а не по родовитости или каким-либо другим признакам. В опричнине за время её существования образовалась своя лестница дворян, которую не было возможности соединить механически в один

¹ Генрих Штаден «О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника», стр. 110, 151—152. Перевод и вступительная статья И. Полосина. М. 1925. Изд. Сабашниковых.

² «РИБ». Т. III, стр. 272—273.

епископ с дворянами старого государева двора, не вызвав бесконечных жалоб и споров. Сложное дело слияния двух дворов было отложено ввиду больших приготовлений к походу. Уже объединённые дворяне должны были служить по двум спискам.

Подобные случаи бывали и ранее в истории Московского государства. В 1485 г. великий князь Иван III произвёл разбор слуг бежавшего в Литву тверского князя. С городовыми детьми боярскими дело было просто: они стали служить новому правительству, как служили тверским князьям, в поездных организациях. С людьми тверского князя в дворовых чинах дело было сложнее: их нельзя было слить в один список со старыми слугами московских князей без обид и споров, и тверские дворяне более 15 лет служили московскому государю по особому «тверскому списку», пока надобность в нём не миновала сама собой: вымерли лица, в нём состоявшие. То же произошло с дворянами князя Юрия Ивановича, умершего в тюрьме в 1534 году. Его дворяне стали служить московскому великому князю по особому списку, и когда в 1550 г. некоторые из них в качестве «лучших слуг» получили поместья под Москвой, то в Тысячной книге они были записаны особо как «дети боярские князя Юрия Ивановича».

Ещё не выяснено, когда произошло окончательное слияние земских дворян с опричными, но разряд большого похода, составленный 21 сентября 1572 г., свидетельствует с несомненностью, что разделение служилых людей на земских и опричных по существу уже было устранено.

Вот краткое изложение разряда полков (21 сентября 1572 г.) царского похода под Пайдун¹. Знаком *) отмечены бывшие опричники.

В большом полку царь Саин Бекбулатович, князь Пётр Тутаевич Шейдяков, князь Ю. В. Голицын, князь О. М. Шербатов *) и царевич Будадей со своими людьми. В правой руке князь И. Ф. Мстиславский и М. Я. Морозов. В передовом полку князь И. А. Шуйский и Н. Р. Юрьев *). В сторожевом полку князь И. П. Шуйский и И. Д. Колодка-Плещеев *). В левой руке князь С. Д. Пронский *) и князь Д. И. Хворостинин *), да «дворовые воеводы» князь Ф. М. Трубецкой *) и В. И. Умногo-Колычев *). В ертоуле князь А. В. Репнин и князь П. И. Хворостинин *). У пушечного наряда князь Ю. И. Токмаков Звенигородский и В. Ф. Ошанин-Ильин *). Перед государем шли в окольных Г. Г. Колычев и князь С. Козловский. А за государем ездили дворяне: Малюта Лукьянович Скуратов *), В. Г. Грязново-Ильин *) и печатник Р. А. Нашокин *). За постелью у государя Д. И. Годунов *) и Я. Д. Мансуров. Далее перечислено несколько десятков стольников, стряпчих и жильцов, которым быть в дневных и ночных сторожах у царя, в рындах у царя и царевичей, которым ставить и дозировать полковые сторожи и которым быть в головах в полках. И здесь мы видим значительное количество бывших опричников, перемешанных с земскими.

Сентябрьский разряд 1572 г. показывает с несомненностью, что с разделением служилых людей на земских и опричных было покончено. Насколько сложным было, с организационно-служебной приказной точки зрения, дело составления единого списка, можно видеть из следующих двух фактов. В I томе «Актов Московского государства» напечатан боярский список 7085 г. (1577 г.). Лица записаны в нём, как это было принято, в порядке чинов и служебного старшинства. В нём находим мы десятка два бывших опричников: князя П. И. Борятинского, И. Б. Блудова, П. Суворова-Наумова, И. Д. Плещеева, Ивана и Константина Дмитриевичей Поливановых, Петра и Фёдора Баланду, Григорьевичей-Совиных,

¹ «Симбирский сборник», стр. 36. М. 1845. Ошибки в именах можно исправить по «Разрядам», напечатанным в XIII томе «Древней Российской вивлиофики» Н. Новикова, и по выдержкам из того же «Разряда» в 412-м примечании к тому IX «Истории государства Российского» Н. Карамзина.

четырёх князей Хворостининых и др. Но не находим в нём многих опричников, которые в это время, несомненно, служили: Годуновых, Бельских, Благово и др.¹ Последнее указание на лиц, служивших по двум спискам, имеется в деле 1581 г. о приезде Антония Поссевина. Лица в думных чинах, как это было и в опричнине, не делятся на земских и дворовых, а стольники, стряпчие и жильцы показаны одни «из земского», а другие «дворовыми», но среди тех и других упоминаются лица, служившие некогда в опричнине².

Вопрос о реорганизации Опричного двора после его отмены представляется второстепенным и неважным по сравнению с возвращением выселенцев из уездов, бывших в опричнине, на свои старые пепелища, опустошённые опричниками. Указа об этом мы не знаем, и судить о нём можем только по практике возврата вотчин их бывшим хозяевам. Можно предположить, что указ этот был как бы милостью царя, наградой земщине за победу над Девлетом. Очень вероятно, что был и другой мотив — восстановление хозяйства в опустошённых опричниками поместьях. В отечественных источниках и у иностранных писателей находятся определённые указания на то, что опричники не «прочили» себе и своим детям полученные ими поместья, т. е. не рассчитывали владеть ими впрок, впредь, и непомерными поборами разоряли крестьян.

В 7081 (1573) г., вскоре после отмены опричнины, состоялся царский указ с боярским приговором о продаже в вотчину подмосковных пустошей, в целях заселения их и заведения хозяйства. Дело это было поручено особому приказу в составе бывшего опричника князя Д. А. Друцкого, князя И. Гагарина и дьяка Кирея Горина. Им же было поручено давать льготные грамоты на запустевшие по разным причинам поместья и вотчины и в других частях государства³.

Возвращение вотчин выселенцам в принципе было общей мерой, но осуществить его было не так просто. Прежде всего необходимо было удалить и испоместить в другом месте тех опричников, которые ещё оставались в этих вотчинах. Затем для возвращенцев, если можно так выразиться, было очень трудно браться за восстановление хозяйства в условиях разброда крестьян от тяжёлых налогов и постоянных служб самих хозяев. Наконец, каждое возвращение прежней вотчины необходимо было оформить в Поместном приказе. Но Поместный приказ, видимо, не справлялся с большим количеством дел о возврате вотчин, и дело затянулось на многие годы. После смерти царя Ивана вотчинники стали самовольно возвращаться в свои вотчины, без оформления этого в Поместном приказе.

В моей работе «Монастырское землевладение во второй половине XVI в.» я показал, какие пагубные последствия имели выселения служилых людей из опричных уездов и беспорядочное возвращение выселенцев в их запустевшие вотчины. Выселенцы, получая земли вместо отобранных у них вотчин, очень часто продавали их или отдавали даром монастырям. Так же поступали возвращенцы. Всё это вызвало «конечное оскудение служилого чина», засвидетельствованное Соборным приговором 1580 года.

С. Ф. Платонов сравнивал опричные выселения служилых землевладельцев с «выводами» землевладельцев и торговых людей, которые не раз производили отец и дед Ивана Грозного. В этом большое недоразу-

¹ «Акты Московского государства» № 26. Изд. АН. СПб. 1890. Позвидимо, это тот самый документ, который в описи дел Разряда, вынесенных в пожар 1626 г., назван «Книга дворовая 85-го году»; Лихачёв Н. «Разрядные дьяки», приложение 53. СПб. 1888.

² «Летопись занятий Археографической комиссии». XI, III отд. 44. СПб. 1903.

³ «Указная книга Поместного приказа». Издание бывшего архива министерства юстиции, под ред. В. Н. Сторожева. Приказ князя Друцкого существовал в 1573 — 1577 годах.

мение. Сравниваются несравнимые вещи. Великий князь Иван III вывел большое количество новгородцев и поселил их на поместья, преимущественно на восточных окраинах государства. Вятских сведенцев он поселил в центральных уездах государства, тверичей — в Рязани и Кашире. Всё это он делал спокойно, уверенной, твёрдой рукой, и достигал больших результатов — выходы уничтожали сепаратизм местных землевладельцев и консолидировали государство. Ничего подобного в выселениях Ивана Грозного не было: выселения производились беспорядочно, без плана, а через несколько лет столь же беспорядочно выселенцы стали возвращаться на старые места. Следствием всего этого было обогащение монастырей за счёт служилого класса и разорение нескольких тысяч служилых землевладельцев и многих десятков тысяч их крестьян.

Тщательное фактическое исследование образования ведомства и территории Опричного двора и отмены его в 1572 г. даёт право сделать выводы, весьма отличные от распространённых в нашей историографии представлений по этим вопросам.

С. Ф. Платонов в «Очерках по истории Смуты» писал, что в опричнину были взяты «преимущественно» те уезды, в которых было ещё старинное землевладение княжат. Такая оговорка открывала, в случае надобности, путь к отступлению. Через 25 лет С. Ф. Платонов в популярном биографическом очерке «Иван Грозный» пошёл дальше и выразился более определённо. Пересмотр и массовый вывод землевладельцев в опричнину, указывал Платонов, производился «с явной тенденцией к тому, чтобы заменить крупное вотчинное (наследственное) землевладение мелким поместным (условным) землепользованием... Прежде всего уничтожались или выводились на окраины государства крупные землевладельцы, княжата и бояре... За крупными землевладельцами приходил черёд и мелким... при этом держались правила: старых владельцев посылать на окраины, где они могли бы быть полезными в целях обороны государства». Иван Грозный «вёл своё дело в опричнине уверенно и твёрдо, напролом шёл к цели и достиг её. Землевладение княжат было сокрушено, их среда была сорвана со старых гнёзд и развеяна по всему государству»¹.

Что же мы видим в действительности? В опричное ведомство было взято множество уездов, в которых никогда не бывало наследственных владений княжат (Кострома, Переяславль, Можайск, Вязьма, Малый Ярославль, Верея, Старица, Алексин, Дмитров и др.), взяты были Бежецкая и Оболенская пятины, в которых не было совсем вотчинных земель, наконец, были взяты некоторые заокские города — Белёв, Лихвин и Перемышль, в которых вотчины княжат и частных лиц были ликвидированы ещё в первой половине XVI века. Среди районов, в которых ещё сохранились старинные вотчины княжат, первое место бесспорно занимали Стародуб и Оболенск, но они в опричнине не были. Несколько небольших вотчин сохранилось в бывшем Тверском княжестве, в Микулине, за князьями Телятевскими-Микулинскими, но Тверь в опричнине не была, а князья Телятевские служили в опричнине. Из рода рязанских князей при царе Иване было только несколько князей Пронских, но Пронский удел был ликвидирован ещё в середине XV века. При царе Иване у пронских князей вотчин в Рязани не было, а два виднейшие представителя рода — Пётр и Семён Даниловичи — служили в опричнине. Но Рязань в опричнину не была взята.

Что касается Ростова, то он после отмены опричнины упоминается в числе «дворовых» городов, но достоверно известно, что в опричнине Ростов не был. Ростовских князей при царе Иване было не менее 70 человек. Вообще ростовские князья так сильно измельчали, что ещё в конце XV в. в их среде были безземельные.

Суздаль с Шуей и Ярославль действительно были взяты в опричнину,

¹ Платонов С. «Иван Грозный», стр. 120—122, 131—132. СПб. 1923.

но вопрос о землевладении ярославских и суздальских княжат не так прост, как он представлялся С. Ф. Платонову. Ярославские князья подверглись в массе выселению ещё в 1463 году. Позже некоторым удалось получить свои вотчины обратно, но ярославских князей разных фамилий было «не один сто», как выражался царь Иван. Затем, как это видно из духовной грамоты Ивана Грозного 1572 г., при зачислении Ярославля в опричнину ярославские княжата были выселены не все, а по выбору, персонально. Ясно, что выселение этих трёх — четырёх княжат царь Иван мог произвести, не зачисляя в опричнину целого Ярославского уезда.

Чтобы покончить с вопросом о противокняжеской политике царя Ивана, полезно сообщить несколько подробностей о князьях Оболенских. Оболенские князья начали служить в Москве ещё в XIV в. и сначала были на положении служебных князей, вассалов. При Василии Тёмном они начинают служить во дворе московского великого князя и занимают места в первых рядах боярства. В последнем десятилетии XV в. Оболенские утрачивают, при неизвестных обстоятельствах, княжеские права «суда и дани» и продолжают владеть своими родовыми вотчинами на правах простых вотчинников. Преуспевая на службе у великих князей, Оболенские приобретают различными способами большие вотчины за пределами своего удела и расселяются по всему государству. Тем временем они продолжают сохранять в своих руках почти всю территорию бывшего Оболенского удела, несмотря на то что перед опричниной и в опричнине извелись, как тогда говорили, в опалах, побегах и принудительных постригах все старшие линии рода. По количеству жертв Оболенские занимают едва ли не первое место среди всех княжеских родов. Между тем Оболенск в опричнину взят не был, и Оболенские князья продолжали владеть своими родовыми гнёздами как ни в чём не бывало. По писцовым книгам Оболенского уезда 1627 — 1629 гг. видно, что большая часть уезда оставалась за Оболенскими и после потрясений Смутного времени¹.

История Оболенских и их родовых вотчин подтверждает мнение Ключевского, что опричнина и вообще опалы Ивана Грозного свелись к уничтожению лиц и не изменили социального строя, существовавшего до них. В судьбах князей Оболенских и их землевладения мы можем наблюдать тот же факт, что в истории и других княжеских и боярских родов: на смену старших линий рода, сильно пострадавших или совсем пресекшихся от опал, в опричнине начинают возвышаться Щербатовы, а несколько позже — Долгоруковы младшие, до того самые незначительные в служебном отношении фамилии рода Оболенских. В роде стародубских князей опалы открыли путь к возвышению князьям Пожарским, самой захудалой линии рода. В роде Зерновых на смену «великим» дотоле Сабуровым в опричнине возвышаются Годуновы. На расчищенном опалами поле поднимаются из рода Ратши Пушкины. Подобных примеров можно было бы привести много. Только недостаточным знакомством историков с генеалогией служилого класса можно объяснить их высказывания о том, что следствием противобоярской политики Грозного было появление на исторической сцене нового класса служилых землевладельцев — рядовых помещиков. Этот класс вполне сложился уже в первой половине XVI в., задолго до опричнины.

¹ ГАДА, Писцовая книга № 325.

ОТНОШЕНИЯ АНГЛИИ С ПРОТЕСТАНТСКОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕВРОПОЙ (1654—1658)

Проф. С. Архангельский

I

Английская революция протекала в эпоху, когда западноевропейский мир в церковно-религиозном отношении был расколот на католические и протестантские страны и когда это деление продолжало оказывать сильное влияние на международные отношения. Западная Европа была ещё полна отзвуков реформационной эпохи. Естественно, что английская внешняя политика середины XVII в. не могла не считаться со сложившимся исторически разделением Западной Европы на два лагеря.

Исходным пунктом в анализе отношений Англии с протестантской и католической Европой во второй половине 50-х годов XVII в. могут служить три замечательные парламентские речи Оливера Кромвеля, произнесённые им 4 сентября 1654 г., 17 сентября 1656 г. и 25 января 1658 года. Освещая главное направление внешней политики Англии в европейских делах, они определяют её цели и задачи в том понимании, какое тогда имел глава английского государства О. Кромвель.

Как представитель поколения людей, мировоззрение которых было проникнуто религиозностью, он подходил к общественно-политическим событиям своего времени с провиденциальной оценкой их. В ходе событий большого исторического значения английский народ играл, по мнению Кромвеля, особую, предназначенную ему свыше роль: «Я уверен, я могу сказать это без преувеличения, на ваших плечах лежит забота о христианах всего мира»¹.

Но Европа раскололась на католическую и протестантскую половину, которые тогда находились если не в открыто враждебных отношениях друг к другу, то близких к этому. Все симпатии Кромвеля были на стороне протестантизма; этим определялось его отрицательное отношение к папству; он приравнивал папские интересы к интересам антихриста². Местами его политические речи переходили в проповедь, и он уснащал их текстами из книг ветхого и нового завета. Симпатии Кромвеля к западноевропейскому протестантскому миру окрашивались сознанием его принадлежности к английской нации, заботой об её благополучии и процветании.

Для подтверждения традиционных основ принятого им политического курса Кромвель приводил исторические справки и сопоставления, обращался к веку королевы Елизаветы, когда Англия вела упорную борьбу с Испанией и помогала оказавшейся неблагодарной Голландии. Кромвель умел в тонкое кружево слов, обращённых к религиозному и национальному чувству слушателей, вплести соображения об экономических выгодах, которые принесёт английским предпринимателям проводимая им внешняя политика. Слова об открытии Зунда для английской торговли, сказанные им в связи с заключением мира с Данией, были рассчитаны на то, чтобы вызвать чувство удовлетворения у купцов и владельцев кораблей. Они звучали как обращение к практическому смыслу аудитории, который у самого Кромвеля хорошо мирился с текстами из Библии.

¹ Carlyle «Cromwell's letters and speeches», VIII, 18.

² Carlyle. *Op. cit.*, IX, 166

Речи Кромвеля — это не отчёт перед парламентом, не изложение всех обстоятельств, сопровождавших ту или иную политическую акцию: они выдвигают лишь некоторые главнейшие вопросы международного характера, рисуют лишь главные вехи английской политики, уже поставленные Кромвелем и его помощниками. На достигнутые дипломатические успехи, на главные враждебные Англии силы, на грозящие трудности и опасности хочет обратить внимание своей аудитории Кромвель. Эта аудитория чутко прислушивалась к словам и намёкам своего руководителя; она реагировала на это возгласами, которые подчёркивали или разъясняли смысл кромвелевской речи.

Таким образом, парламентские речи Кромвеля — в известной степени своеобразный диалог между ним и аудиторией; они носят на себе печать и личности их автора и того круга слушателей, к которому обращался О. Кромвель, а также места и времени их произнесения. Вот почему их удобно взять за исходный пункт для ориентировки в отношениях Англии к протестантской и католической Европе в период 1654—1658 годов. Анализ трёх парламентских речей Кромвеля представляет ещё то методологическое преимущество, что они были произнесены в начале, середине и конце периода кромвелевского руководства внешней политикой Англии и, таким образом, представляли отражение трёх её последовательных этапов и одновременно раскрывали связи этой политики с ходом внутренней, в основном классовой, борьбы в Англии.

В сентябрьской речи 1654 г. Кромвель говорил об успехах английской дипломатии, добившейся заключения в течение одного года (1654) четырёх мирных договоров: с Данией, Швецией, Соединёнными провинциями и Португалией¹.

«Мы накануне договора с Францией,— добавил далее Кромвель.— Мир с протестантскими странами гарантирует успех протестантского дела за границей; без этого мира им нельзя оказать никакой помощи. Я хочу, чтобы наши сердца были проникнуты ревностью к протестантскому делу». Кромвель обратил внимание английского парламента на тяжёлое положение протестантов во всех наследственных землях императора: оттуда стараются изгнать всю протестантскую часть населения; оно вынуждено бежать в протестантские государства в поисках куска хлеба. Кромвель призывал при создавшихся условиях помочь протестантам, поднять их дух².

Таким образом, в этой речи подводились итоги достигнутым успехам, намечалась программа будущей внешней политики Англии: поддержка протестантских государств Европы и помощь преследуемым протестантам. На отношение Англии к католическим государствам Кромвель сделал лишь один, правда, недвусмысленный намёк: «Я уверен, вы не ожидаете ничего хорошего от кого-либо из ваших католических соседей...» «Да, точно, мы не их любимцы...» — последовал возглас из палаты общин.

Через два года О. Кромвель снова выступил с речью, где рассматривал внешнее и внутреннее положение Англии. Он держал её перед вторым парламентом протектората, после введения военного управления в стране через генерал-майоров, в начале войны с Испанией. По отзыву одного из дипломатов того времени, это была тонко продуманная и яркая речь³.

Её основной целью было показать связь между внешними врагами Англии (Испания и папство) и внутренними, начиная от кавалеров и до левых сектантов. Испания была названа естественным и провиденциальным врагом англичан, которым от неё нельзя получить честного и почётно-го мира. Испанская политика была объявлена направленной к созданию империи, объединяющей весь христианский мир, если не больше. Испа-

¹ См. нашу статью «Внешняя политика Ол. Кромвеля». «Исторический журнал» № 5—6 за 1943 год.

² Carlyle. Op. cit., VIII, 33.

³ «Venetian Calendar», XXX, 266.

ния, по словам Кромвеля, видит в английской нации величайшее препятствие на пути создания империи. Зато Англия имеет общие интересы со всеми протестантскими государствами. «Все интересы протестантов в Германии, Дании, Гельвеции, в кантонах, все интересы в христианском мире те же, что и ваши... Вследствие этого я говорю, что нам угрожает опасность от общего чужеземного врага»¹. Этим врагом является папство. Кромвель охарактеризовал папу Александра VII как лицо, известное всему миру ревностью к религии, как человека изобретательного, умного, ловкого. Его цель — объединить все католические интересы во всем мире против Англии, против всех протестантских сил в мире. Таким образом, мир политический и религиозный представлялся Кромвелю резко расколовшимся на две половины: «Мы не имеем теперь дела ни с одним католическим государством кроме Франции; известно, что французы не считают себя связанными с папой, они считают себя свободными и честно выполнять соглашения с нациями и протестуют против обязанности «нарушить своё слово, по приказанию папы». Испания и папство связаны, по представлению Кромвеля, с внутренними врагами существующего английского строя. «Испания ищет опоры внутри нашей страны. Паписты в Англии... с тех пор как я родился, испанизированы»², — говорил Кромвель. Всюду: в Англии, в Ирландии и в Шотландии — Испания оказывала покровительство врагам Англии. Относясь отрицательно к испанофильской политике Якова I, Кромвель возвращался к тем традициям внешней политики Англии, которые восходили к временам королевы Елизаветы.

Третья и последняя речь Оливера Кромвеля, освещающая внешнюю политику Англии, была им произнесена 25 января 1658 г. перед первым парламентом, собранным уже на основе второй конституции протектората. Война с Испанией продолжалась. Английская дипломатия стремилась укрепить влияние Англии среди протестантских государств и вела борьбу за протестантскую кандидатуру на императорский престол, ставший вакантным после смерти Фердинанда III, но успеха не имела. Речь Кромвеля, заранее подготовленная, распадается на две почти равные части. Вначале он говорил о внешнеполитических событиях, потом перешёл к изображению внутренней жизни Англии. По словам венецианского наблюдателя, Кромвель подводил своего слушателя к пониманию современного положения, призывая обсудить его и принять соответствующие решения для укрепления правительства³. Обращаясь к иностранным делам, Кромвель отметил, что самый важный, стоящий на очереди вопрос состоит в том, будет ли христианский мир папским или бог позаботится об интересах всех христиан-протестантов в мире. Кромвель останавливался на наступательной политике католических держав. «Посмотрите, как Австрийский дом на обоих концах христианского мира, в собственной Австрии и в Испании, вооружился и подготовился разрушить всё протестантство в целом»⁴.

Союзником венгерского короля, который стремился к короне императора, стал Бранденбургский курфюрст. На его стороне три духовных курфюрста и курфюрст Баварии. Гонения на протестантов возобновились и на востоке (Польша) и на западе. Во главе преследований стоял папа: он влиял на государей Европы. «Не достигнуто ли всюду в Европе в данный момент согласие и объединение всех католических государств, чтобы подавить всё, что стоит на их пути?»⁵.

Чтобы подчеркнуть грозную опасность, нависшую над протестантским миром, Кромвель указал на то, что защитника протестантизма на севе-

¹ Carlyle. Op. cit. IX, 168.

² Ibidem, 167.

³ «Venetian Calendar», XXXI, 102.

⁴ Carlyle. Op. cit., X, 331.

⁵ Ibidem, 333.

ре — Карла X — загнали в угол люди протестантской веры, которые искали его гибели. При этих словах раздались крики: «Датчане и голландцы!» В событиях, развернувшихся далеко от Англии, Кромвель усмотрел явную опасность для английской буржуазии, которая может лишиться торговли на Балтийском море, чем будут подорваны её кораблестроение и флот.

Как бы оправдывая войну с Испанией, Кромвель говорил далее, что море, великая ограда Англии, не защитит её, как и флот, если Англия не будет располагать отрядами конницы и пехоты и не будет сражаться ради самозащиты на континенте. Кромвель предусмотрел возможность выхода Франции из войны; он считал, что в этом случае вся ярость и злоба врагов бога и протестантской веры обрушатся на Англию.

Заключительная часть речи, где рисовались международные отношения, была посвящена резко отрицательной характеристике голландцев, их неблагодарности по отношению к Англии, которая в своё время спасла их, их коварству, их беспринципности. Эти острые замечания Кромвеля о голландцах обратили на себя внимание иностранных дипломатов, проживавших в Лондоне.

Третья кромвелевская речь отличалась от первых двух тревожным тоном, пессимизмом в изображении хода событий, указанием на угрозу изоляции Англии и на успехи католической реакции в Европе, которая спланировала свои силы, вносила разлад в среду протестантов и переходила в наступление на всём фронте. Эти особенности третьей речи делаются ясны, если её сопоставить с оптимистическим тоном его первой речи, рисовавшей торжество мира и добрососедских отношений Англии с протестантскими государствами. Радужные надежды сменились в 1658 г. тревожным чувством нависших опасностей как внешних, так и внутренних. Говоря о внутреннем состоянии Англии, Кромвель неоднократно выяснял связь внешних врагов Англии — испанцев — с кавалерами. Единство кавалеров, воодушевляемых ежедневно из Фландрии и Испании, противопоставлено расколу, царившему среди сторонников революции. Безнадёжно звучали последние призывы Кромвеля иметь одно сердце и душу, одно намерение, охранять честные и справедливые права нации в момент, когда Англия всё больше теряла своё единство и стояла на пороге новой гражданской войны.

Через все три парламентские речи Кромвеля проходит, в сущности, одна главная мысль — об объединении и о поддержке со стороны Англии протестантов и протестантских государств Западной Европы против папства и его главной опоры — испанских, а также и австрийских Габсбургов. Но как эта мысль воплощалась в конкретных актах кромвелевской дипломатии?

II

Обратимся прежде всего к выяснению связей революционной Англии с французскими протестантами (гугенотами). Эти связи существовали, нужно думать, ещё до протектората Оливера Кромвеля. Венецианский посол во Франции Батиста Нани писал из Парижа 15 октября 1647 г., сообщая дожу о смерти вождя гугенотов Гассиона: «Штаты Голландии и лондонский парламент тайно сносились с ним, скрывая это от правительства; Гассион благосклонно выслушивал предложения стать главой протестантов»¹. После установления республики эти связи Англии с французскими гугенотами стали крепнуть.

В 1651 г. в Бордо, являвшемся центром фронды, где движение возглавлял Конти, были посланы из Англии Сексби и четыре других лица; из них трое должны были отправиться к гугенотам юга Франции². Сексби

¹ «Venetian Calendar», XXVIII, 18.

² Causin «Madame de Longeville», II, 464.

оказался предателем; судьба остальных неизвестна. Связи гугенотов с Англией подтверждаются допесениями из Парижа венецианского посла Микеля Моросини, сообщавшего своему правительству о том, что раскрыта связь между гугенотами Дьенна и англичанами, и о том, что цель англичан была поднять гугенотов на восстание против королевского католического правительства Франции, после того как английские войска высадятся в Нормандии¹. Но ни высадки англичан, ни восстания гугенотов не последовало, и Мазарини предлагал своему послу в Лондоне Бордо высмеивать тех, кто верит слухам о восстании, но в то же время информировать его о всех связях англичан с Бордо и Ла Рошелю². Связи гугенотов с Англией продолжались при протекторате Оливера Кромвеля; но так как они носили сугубо секретный характер, то раскрытие их Мазарини ставил в прямую задачу Бордо. «Я уверен, вы не упустите случая раскрыть их, если будет возможность достичь цели при помощи того, кто вам дал информацию об этом секретном деле»³.

При этом важно было узнать время и место отправления проповедников из Лондона во Францию, их имена, местности, в которые они направляются, за кого они себя выдают.

«Скажу вам доверительно, — пишет Мазарини 8 мая 1654 г., — недавно Кромвель старался побудить гугенотов помочь ему, уверяя их, что в этом случае он поддержит их со всей энергией»⁴.

Начиная со второй половины 1654 г. английская дипломатия стремится свои планы о покровительстве гугенотам перенести в плоскость переговоров, направленных на урегулирование отношений между Англией и Францией. Кромвель в разговоре с Бордо упрекал французское правительство в несоблюдении указов, изданных в пользу гугенотов, возможно, на основании обращения к нему со стороны последних. Французская дипломатия сразу испортила дело, выдвинув вопрос о положении католиков в Англии. Кроме того во Франции жили не только гугеноты, к которым Кромвель относился покровительственно, но и английские эмигранты во главе с королевской семьёй Стюартов. Отсюда вытекали два требования со стороны лорда-протектора: обеспечить права гугенотов и удалить из Франции Стюартов⁵.

В начале 1655 г. продолжалось обсуждение предстоящего договора между Францией и Англией. Договор содержал много важных пунктов, среди них был и пункт о гугенотах. Английские дипломаты настаивали на включении в договор декларации о том, что ни одна из договаривающихся сторон не будет помогать мятежникам другой, но что, если французские гугеноты поднимут движение, за которое король назовёт их мятежниками, французы не должны обвинять англичан в том, что они не покинули их как мятежников, так как они, конечно, не удержатся от тайного обращения к лорду-протектору по всякому поводу, и он, очевидно, не будет расположен их покинуть⁶. В глазах венецианского дипломата эта претензия англичан была проявлением их высокомерия. К тому же времени относится и неудачная посылка Кромвелем во Францию с целью изучения настроения гугенотов проповедника Ступа, оказавшегося предателем и продавшегося французскому послу. Когда после ряда оттяжек договор с Францией был составлен, в него оказалась включённой статья, гласившая, что гугеноты никоим образом не будут стесняемы в исповедании своей веры, но им будет предоставлена свобода, обеспеченная предшествующими договорами. Это вполне соответствовало намерению Кромвеля взять на себя высшее покровительство над протестантами Европы.

¹ «Venetian Calendar», XXVIII, 199.

² Mazarin «Lettres», VI, 123.

³ Ibidem, 144.

⁴ Ibidem, 157.

⁵ Ibidem, 133.

⁶ «Venetian Calendar», XXX, 48.

Это увеличивало его собственный престиж за границей и делало, как говорит венецианский дипломат, всю партию «еретиков» гораздо более влиятельной¹.

Когда в 1657 г. договор с Францией был возобновлён, то в него была внесена статья, обеспечившая не только права гугенотов на свободное отправление их религиозного культа, но и подобные же права англичан, проживавших в пределах Франции².

Покровительственное внимание Кромвеля привлекли и гугеноты соседнего с Францией Савойского герцогства. Это были жители долины Luserne и Angone, нашедшие в своё время здесь себе убежище. Преследования их приписывались влиянию матери Савойского герцога, желавшей сделать угодное своей сестре — королеве Англии. Гонимые савойские гугеноты обратились за помощью в различные протестантские страны. Летом 1655 г. их просьба о помощи дошла до Кромвеля. Немедленно был начат сбор пожертвований в их пользу³. В начале 1657 г. в фонд помощи было уже собрано 90 тыс. ф. ст., и к одному из казначеев этого фонда, вероятно, альдермену Томасу Вайнеру, Кромвель обращался за финансовой поддержкой в момент оскудения государственного казначейства, благодаря войне с Испанией⁴. В Лондоне царило большое возбуждение, вызванное известиями о преследованиях савойских гугенотов. Оно повело к изданию суровых прокламаций против английских католиков. Говорили, что Блэку, эскадра которого находилась тогда в Средиземном море, будет предложено высадить десант в Вилла Франка, отомстить за обиды гугенотов, взять на английские корабли возможно больше гугенотских семей и переселить их в Ирландию⁵.

Но Кромвель избрал путь дипломатического воздействия на Савойского герцога вместо применения открытой репрессии. В беседе с французским послом Бордо он заявил, что король Франции, имеющий большое влияние на Савойского герцога, обязан сделать представление герцогу об облегчении положения гугенотов. В зависимости от исполнения этого условия Кромвель поставил подписание договора с Францией⁶. Из письма Мазарини к Бордо видно, что французское правительство сделало представление Савойскому герцогу в указанном смысле. Эти попытки оказать защиту гугенотам через дипломатические каналы продолжались и позднее — в 1657 и 1658 годах.

В обширной докладной записке венецианского посланника Джованни Сагрето о событиях английской революции было указано, что в Англии поддерживаются добрые отношения с швейцарскими протестантскими кантонами и вообще тесная дружба со всеми «еретиками». Кромвель называет себя вождём и покровителем реформированной церкви⁷. В этом отношении докладная записка Сагрето вполне совпадала с другой, более поздней докладной запиской «Об иностранных делах в эпоху протектората», вышедшей, надо думать, из-под пера Зсорло. В записке говорилось, что Кромвель во всех случаях принимал близко к сердцу дела и интересы протестантов и положил основание для того, чтобы стать их главой и покровителем⁸.

III

Англия в своей политике, проводимой в Европе, стремилась опереться не только на гугенотов Франции и Савойи, но и на протестантов Германии и Швейцарии. По словам Мазарини, Кромвель 3 октября 1654 г. по-

¹ «Venetian Calendar», XXX, 156—157.

² Ibidem, XXXI, 51.

³ Ibidem, XXX, 63.

⁴ Ibidem, XXXI, 174.

⁵ Ibidem, XXX, 63.

⁶ Mazarin. Op. cit., VI, 488—491.

⁷ «Venetian Calendar», XXX, 310.

⁸ «Somers' Tracts», VI, 336.

сылал людей в Германию и Швейцарию, чтобы осуществить свой план стать главой протестантской Европы¹. Условия для этого были действительно благоприятны. Вестфальский мир вызвал открытое недовольство папы и испанского короля. Иннокентий X в своей булле от 26 ноября 1648 г. заявлял, что вестфальские договоры вредны католической религии, божественному культу, апостольскому престолу, подначальным церквям, церковному порядку и строю, а также наносят ущерб духовенству, его имуществам, его владениям, его привилегиям и авторитету. Исполнение вестфальских договоров папа объявил необязательным для государей, хотя бы они скрепили их торжественными клятвами².

Испанский король протестовал против пункта, воспрепятствовавшего Германской империи придти на помощь Бургундскому округу, а также против уступки Эльзаса и эвакуации нижнего Палатината³. Но и те, кто открыто не протестовал против Вестфальского мира, готовили силы и средства для новой войны. После окончания войны предстоял роспуск армий и освобождение крепостей и территорий, оккупированных во время военных операций. Конвенция, подписанная в Нюрнберге 4 июля 1650 г. между Францией и империей, назначала три срока для эвакуации крепостей в период от 2 мая до 2 августа 1651 года. Император Фердинанд III сохранил на своей службе Лотарингского герцога Карла IV. Распуская свои отряды, он советовал им перейти на службу в лотарингскую армию, так что роспуск войск обращался, в сущности, в простую формальность. Тревога, внушённая этими отрядами мелким государям Германии, побудила их составить лигу, в которую вошли курфюрсты Майнцский, Трирский, Кёльнский, пфальцграф Рейнский и епископ Мюнстерский. В ту же лигу были приглашены Швабия, Франкония и Нижняя Саксония. Лига получила название католической.

В это время королева Швеции Христина, герцоги Брунсвикский, Люнебургский, ландграф Гессенский заключали договор в Гидельсгейме с целью охраны своих территорий. Так возникла вторая лига, получившая название протестантской.

За делами Германии наблюдала французская дипломатия. Франция требовала для себя допуска в эти лиги; Фердинанд, наоборот, добивался их ликвидации и для этой цели созвал сейм в Ратисбоне в 1653 году. Когда на сейм прибыл посол английского короля Генри Уильмот, граф Рочестерский, голландцы стали побуждать ганзейские города добиваться совместно с ними, чтобы посол Английской республики не был принят и не считался послом⁴.

По замыслу императора, решения сейма должны были успокоить гревогу князей, заинтересованных в выполнении условий Вестфальского мира, и сделать ненужными возникшие лиги. Но французская дипломатия сумела убедить князей Германии в том, что они заинтересованы в объединении двух лиг в одну, чтобы таким путём добиться независимости в отношении Фердинанда III. Так началась подготовка новой лиги; в совещаниях приняли участие курфюрсты Пфальцкий и Бранденбургский.

В Швейцарии в середине 50-х годов произошёл конфликт между католическими и протестантскими кантонами. «Это маленький огонь,— писал Сагрето 4 февраля 1656 г. дожу и сенату Венеции из Лондона,— но если он не будет потушен в самом начале, он приведёт к пожару, грозящему серьёзными последствиями. Протестанты соревнуются с католиками в помощи единоверцам»⁵. В то время как протестантским кантонам оказывал поддержку Кромвель, католиками заинтересовалась Испания. Таким образом, действительно под пеплом Тридцатилетней войны тлели искры

¹ Mazarin. Op. cit., VI, 335.

² «Histoire des papes», VIII, 298.

³ Coxе «Histoire de la maison d'Autriche», III, 429.

⁴ «Venetian Calendar», XXIX, 8, 24.

⁵ Ibidem, XXX, 172.

нового евронеюского пожара. Это второе движение протестантов (если савойское считать первым) расценивалось современниками как более опасное. Протестантские кантоны Швейцарии обратились к императору, оправдываясь в том, что взяли за оружие. Они встретили одобрение со стороны Франции и Англии. Цюрих и Берн направили письмо Пфальцскому курфюрсту, сообщая, что они соединились со своими добрыми братьями, как они звали англичан, и приглашали курфюрста вступить в протестантскую лигу¹. В такой момент, когда протестантами была потеряна гарантия безопасного существования в Центральной Европе и всё снова пришло в движение, выступил Кромвель со своим планом сплочения протестантских государств, оказания помощи им и установления общих целей в борьбе с католической опасностью. Заключение договора между Англией и Францией в 1655 г., их совместная война против Испании приводили Англию неизбежно на путь активной борьбы против Фердинанда III, естественного, хотя и не открытого, союзника Испании, и против папства, тесно связанного с испанскими и австрийскими Габсбургами.

Навстречу английской дипломатии, казалось, шла дипломатия Бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма, дипломатический агент которого Шлецер прибыл в Лондон в конце 1655 года. Вначале он не раскрывал своих карт в дипломатической игре, ограничиваясь актами вежливости. «Резидент Бранденбургского курфюрста,—пишет Сагрело,—кажется, не имеет здесь большего дела, кроме наблюдения за деятельностью шведского посла и за отношениями и комбинациями, которые с течением времени могут здесь сложиться»². Но уже в начале марта 1656 г. выяснилось, что он ожидает инструкций от своего курфюрста, чтобы добиваться союза с протектором: «Я на страже, чтобы раскрыть суть этих важных и тонких дел, и посылаю полные отчёты». Это замечание Сагрело делается вполне понятным, если иметь в виду, что в 1656 г. намечалось сближение Бранденбурга и Швеции, которая вела войну с Польшей с 1655 года. Кёнигсбергский и Мариенбургский договоры тесно связали эти государства. Победа под Варшавой над поляками 28 июля 1656 г., участие в бою наряду со шведскими также и войск курфюрста ещё более, казалось, объединили союзников. В Лабиау был заключён договор, по которому курфюрст получил суверенитет в Восточной Пруссии. Шлецер, излагая своему курфюрсту английскую точку зрения на ход событий в Западной и Центральной Европе, писал в донесении из Лондона, что англичане, ведя войну с Испанией, пытаются отнять у испанского двора все средства, которыми он мог бы вредить делу протестантов в Центральной Европе и поддерживать папскую тиранию³.

Сам Шлецер не был согласен с этим планом; он утверждал, что протестанты ещё не добились до сих пор никакого улучшения своего положения, что Англия только для самой себя сумела извлечь выгоды из войны с Испанией. Обстоятельства показывали, что не всего можно было достигнуть путём нападения на одну Испанию на море. В июне 1657 г. Кромвель дал вторую аудиенцию Шлецеру, во время которой протектор развил свои взгляды на задачу Бранденбургского курфюрста на востоке Европы в сложившейся обстановке и на его роль в деле борьбы с общим врагом протестантства. В задачу курфюрста входило нанести удар по австрийским Габсбургам, чтобы лишить их сил и средств выступать в Италии, Фландрии и в других местах⁴.

Эта же мысль Кромвеля сквозит и в докладной записке Зсорло, где государственный секретарь говорит, что целью Англии было вовлечь Бранденбург в союз Англии и Франции и освободить его от участия в

¹ «Venetian Calendar», XXX, 182.

² Ibidem, 160.

³ Erdmannsdorfer. VII. «Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Fr. Wilhelm von Brandenburg», 771.

⁴ Erdmannsdorfer. VII. Op. cit. 773.

других коалициях¹. Подрыв влияния Габсбургов и упадок их могущества открыли бы путь для протестантского государя. Для осуществления поставленных целей шведский и бранденбургский посланники настаивали на посылке английской эскадры в Балтийское море, очевидно по примеру действий Англии в Средиземном море и в Вест-Индии, но это предложение было отклонено Кромвелем².

В начале августа 1657 г. в Лондон прибыл посланник Пфальцского курфюрста. Он жил инкогнито и тайно наблюдал за положением дел в Лондоне, чтобы выяснить, на какой успех он может надеяться в своих переговорах. Содержание переговоров с ним держалось в глубокой тайне и было известно только дипломатическим представителям Швеции и Бранденбурга. Цель этого посланника, действовавшего столь таинственно, раскрывается, однако, уже в августовском донесении Джаварины из Лондона дожу и сенату Венеции. Его основная цель была поддержать добрые отношения с Англией и просить о помощи во всех превратностях судьбы. «Дело важное и стоящее внимания в наши дни»³, — замечает Джаварина. Посланник Пфальцского курфюрста, нужно думать, был в курсе тех связей, которые существовали между его государем и швейцарскими кантонами.

Однако из попытки английской дипломатии объединить протестантских государей Германии и взять их под своё руководство ничего положительного не получилось. Бранденбургский курфюрст оказался изменником протестантскому делу. Уже в августе 1657 г. неожиданный отъезд из Лондона бранденбургского резидента Шлецера породил разные толки. Некоторые считали, что он не вернётся; так как предвидится разрыв между Бранденбургом и Швецией и переход Бранденбурга на сторону Польши⁴. Действительно, 30 октября 1657 г. состоялось свидание польского короля Яна-Казимира и Фридриха-Вильгельма I, их жён, дочерей и свиты, сопровождавшееся торжественным обедом. По польскому обычаю, пишет современник, середина стола — самое почётное место — была отведена для польского короля и его гостя, ставших союзниками⁵.

Этот союз вскоре стал известен и в Лондоне, так как уже 2 ноября Джаварина сообщал своему правительству, что шведские дипломаты в Лондоне настаивают на помощи ввиду заключения договора между королём Яном-Казимиром и Бранденбургским курфюрстом. По этому договору, курфюрст, получая Восточную Пруссию, освобождался от сюзеренитета польского короля⁶.

Союз с Польшей сделал совершенно естественным и следующий шаг Бранденбургского курфюрста — его переход на сторону австрийских Габсбургов. Это обстоятельство вызвало опасения протестантов в Германии, о чём свидетельствует венецианский посол в Германии Джованни Батиста Нани: «Этот союз Бранденбурга с австрийской группировкой причиняет большое беспокойство остальным протестантам, и в соответствии с этим они усиленно заняты переговорами о той лиге, о которой шла речь несколько недель тому назад, чтобы таким образом составить другую группировку в противовес возникшему союзу»⁷.

Как же на это реагировала Англия? Заметим, что это были последние месяцы жизни Кромвеля, проявившего тогда, не взирая на неудачи, усиленную деятельность и твёрдую волю к преодолению трудностей. Надо было ослабить коалицию, образовавшуюся против Швеции, к которой примкнул Бранденбургский курфюрст. В Швецию был направлен полков:

¹ «Somers' Tracts», VI, 329—336.

² «Venetian Calendar», XXXI, 77.

³ Ibidem, XXXI, 99.

⁴ Ibidem, XXXI, 102.

⁵ «Lettres de Pierre des Noyers», p. 351.

⁶ «Venetian Calendar», XXXI, 125.

⁷ Ibidem, 153.

ник Дженсон. Хорошее знание военного дела могло помочь ему собственными глазами определить истинное положение Швеции, и он мог дать совет Кромвелю, как лучше всего поддержать Швецию против многочисленных вражеских армий, которые идут против неё. Тогда в Лондоне говорили о необходимости снарядить эскадру и послать её на помощь Швеции¹.

Инструкция Дженсона, в тайну которой не мог проникнуть венецианский дипломат, стала известна Шлецеру и была передана Бранденбургскому курфюрсту. Согласно этой инструкции, английская дипломатия стояла за тесный союз между Швецией и Бранденбургом, так как война между ними вредна общему делу, а также особым интересам курфюрста и его страны. Надо стремиться, чтобы на предстоящих выборах титул императора получил представитель не Габсбургов, а другой фамилии. От этого зависят мир, свобода и религия. Пусть из этого возникнет война, но зато потомки получают прочный мир, на который теперь надеяться нельзя, пока у власти стоят иезуиты, самый дурной род людей².

Таким образом, Дженсон должен был стараться объединить протестантских государей вокруг задачи избрания нового императора, не принадлежащего к фамилии Габсбургов. С целью ослабить враждебность между Данией и Швецией и примирить их, в Данию был направлен посланник Мидаас, который в ноябре 1657 г. сообщил Кромвелю, что датский король склонен принять посредничество Англии для примирения со Швецией³. Приблизительно в то же время был отправлен в Москву Бредшо, резидент в Гамбурге, английский посланник при Ганзейских городах. Его миссия не увенчалась успехом, но в данной ему инструкции было ясно сказано, что задача Бредшо — примирить таких «великих и могущественных государей, как московский великий князь и шведский король». «Если богу будет угодно так повернуть дело, чтобы посредничество увенчалось успехом, это будет служить к чести моего государя и к преуспеянию протестантского дела»⁴, — говорит Бредшо, отчётливо формулируя свою задачу.

Таким образом, в глазах Кромвеля защита протестантизма переплеталась с решением крупных и сложных политических задач: примирить противоречивые интересы Бранденбурга и Швеции, Швеции и Москвы, Швеции и Дании, подготовиться к борьбе за подходящего кандидата на императорский престол, ставший вакантным после смерти Фердинанда III, противопоставить дипломатии Ватикана, испанских и австрийских Габсбургов дипломатию Англии и других протестантских государств.

IV

Чтобы ещё яснее представить себе всю сложность борьбы протестантизма и католицизма в тогдашней Европе, надо учесть влияние папского престола, его политические планы и устремления.

Конечно, папство середины XVII в. уже не имело той силы в международных отношениях, какую оно представляло в XIII в., например в понтификат Иннокентия III. Но католическая реакция второй половины XVI и начала XVII в. несколько укрепила папский престиж. Папство заняло руководящую роль в борьбе с последствиями реформации. Оно связывало две ветви фамилии Габсбургов и влияло на их международную политику. Оно было глубоко враждебно и тому политическому строю, какой получила Западная Европа после Вестфальского мира и «пуританской революции» в Англии, и той религиозной идеологии, под знаменем которой проходила эта революция.

¹ «Venetian Calendar», XXXI, 93.

² Erdmannsdorfer. VII. Op. cit., 795.

³ «Venetian Calendar», XXXI, 127.

⁴ Thurlow. Papers, VI, 773.

Чтобы ослабить Англию, папство стремилось примирить Францию с Испанией. На представлении папского нунция о мире с Испанией Мазарини однажды заметил, что папские увещевания нужны в Мадриде, так как Кромвель после заключения мира между Англией и Голландией намерен напасть на эту страну, а папа, может быть, расстроит эти замыслы¹.

В переписке Мазарини с послом Бордо также встречаются указания на попытку Иннокентия X примирить Испанию и Францию. «Надо напомнить, что Карденья непременно сообщит протектору, что его государь, побуждаемый папой заключить мир и соблазняемый Францией почётными и выгодными условиями, не сможет помешать этому делу. Надо при этом подчеркнуть, что папа послал курьеров, чтобы настаивать перед обеими коронами и тем облегчить заключение мира»². Английские реакционеры-эмигранты искали поддержки в Риме.

Не случайным было заявление посла будущего английского короля Карла II — Генри Уильмота, графа Рочестерского, направленного к императорскому двору в начале 1653 г., — о том, что его государь склонен стать католиком, быть в союзе с императором и действовать в согласии с его интересами³.

В Ирландии папство подогревало враждебность ирландцев к Англии, и папский нунций Ринуччини только в марте 1649 г. покинул эту страну, поскольку его партия была в состоянии распада.

После смерти Иннокентия X, последовавшей 5 января 1655 г., собрался конклав для выбора нового папы, который заседал в течение четырёх месяцев: только 7 апреля 1655 г. папой был выбран кардинал Фабио Киджи.

Фабио Киджи, знатный человек родом из Сиены, принявший имя Александра VII, скоро обнаружил полное нежелание идти в фарватере французской политики; он продолжал вести дипломатическую линию своего предшественника Иннокентия X, стремился примирить Испанию и Францию. Он сделал настойчивое представление в Мадриде и Париже о том, чтобы оба короля без замедления назначили своих уполномоченных для ведения мирных переговоров в Риме.

Англия, разумеется, не имела своего дипломатического представителя на конклаве, как имели их католические державы Западной Европы, но она была глубоко заинтересована, кто будет избран на папский престол. Через месяц после выборов, 7 мая 1655 г., Паулуччи доносил из Лондона дожу и сенату Венеции: «Хотя выборы нового папы не коснулись их здесь, однако, общее мнение о том, что папа — человек высокого ранга, благоприятствующий умиротворению и успокоению христианского мира, кажется вызвало у здешнего правительства некоторое недовольство тем, что мир и единство могут быть достигнуты через светское и церковное влияние такого государя»⁴. Кромвель направил в Рим доктора Томаса Бейли, чтобы он секретно наблюдал и доносил подробно всё, что он может разузнать о планах нового папы. Но доктор Бейли, видимо, не сумел долго сохранить тайну своих поручений, и в декабре она стала известна в Риме.

О таинственной посылке Кромвелем некоего иезуита-англичанина знал уже венецианский резидент в Неаполе во второй половине июля того же, 1655 года. «Во Франции, Испании, Германии и Венеции они также имеют малозаметных людей, которые время от времени дают важные сведения: будучи под слабым наблюдением, они проникают всюду», — сообщает Сагрето из Лондона 26 ноября 1655 года⁵.

¹ «Venetian Calendar», XXIX, 176.

² Mazarin. Op. cit., VI, 131.

³ «Venetian Calendar», XXIX, 28.

⁴ Ibidem, XXX, 53.

⁵ Ibidem, 84.

Деятельность Александра VII, проявившаяся в его усилиях приостановить церковно-религиозные раздоры в Швейцарии, чтобы они не распространились на Италию, его демарш перед французским и испанским дворами в пользу мира, о чём шла речь раньше,— всё это побуждало Кромвеля принять свои меры против католической опасности. По словам упомянутого выше Сагрето, в Лондоне понимали, что сохранение нового английского строя в большой мере зависит от того, будут ли воевать между собой католические государи, и поэтому тоже внимательно наблюдали за каждым шагом папы в подготовке переговоров о мире между Францией и Испанией¹. Оживление активности в католической группировке в связи с выборами нового папы побудило Кромвеля издать суровую прокламацию о точном соблюдении законов и указов, направленных против католиков в Англии. В свою очередь папская дипломатия зорко следила за текущими событиями. Один из руководящих советников папы предлагал расстроить соглашение Англии, Португалии и Франции против Испании и, стало быть, во вред католической религии, в особенности соглашение Португалии с «еретиками». Единственным для этого средством он считал возможность принять её в лоно его святейшества, допустить в Рим её посла и пытаться примирить с Испанией².

Папский нунций в Париже внимательно наблюдал за отношениями между Францией и Англией. Продолжительное пребывание посла Бордо в Париже, вызванное трудностями внесения больших платежей, которые требовал Кромвель от французского короля, порождало в нунции радостную надежду, что, может быть, возобновятся переговоры о мире с Испанией и расплывётся союз между Францией и Англией, «столь вредный для интересов христианства»³. Папский нунций в Польше, беседуя с секретарём польской королевы Марии Гонзаг 8 ноября 1655 г. в связи с успешным вступлением шведов в пределы Польши, говорил о том шуме, который поднялся по поводу дела савойских гугенотов. Часть Европы, по его словам, оказывается растроганной судьбой дюжины протестантов, но никого не тронет гибель целого католического государства. «Протестанты гораздо более ревностны к своей религии, чем католики к своей»⁴. В донесениях Шлецера из Лондона за 1656 и 1657 гг. встречаются указания на широкую деятельность иезуитов в Англии, выступавших под маской милленариев, квакеров и других сектантов. В донесении 15 мая 1657 г. Шлецер говорит о работе в Англии папских эмиссаров, о выпуске в свет книг и памфлетов против Кромвеля, о деятельности 1500 католических священников⁵. Он считал понятной эту активизацию папской политики, так как Англия ведёт войну с Испанией, чтобы отнять у неё средства вредить протестантам и поддерживать папскую тиранию⁶. Всё это делает понятным ту резко отрицательную оценку, которую Кромвель дал папству в своих парламентских речах. Когда английская эскадра под командой Блэка появилась в Средиземном море, что было вызвано стремлением англичан прекратить пиратские операции мавров,— этот факт сильно обеспокоил папу Александра VII. Беседуя с венецианским послом в Риме Джироламо Джустиниани, он спрашивал его о количестве английских кораблей и их экипаже, о силе эскадры и её намерениях. «Мы боимся неожиданного удара по о. Эльбе, по порту Эрколе или по какой-нибудь другой части этих берегов»⁷.

Страхи папы оказались напрасными, но они характеризуют взаимную подозрительность в отношениях между Англией и папством в те

¹ «Venetian Calendar», XXX, 141.

² Ibidem, XXXI, 173.

³ Ibidem, XXX, 183.

⁴ «Lettres de Pierre des Noyers», 9.

⁵ Erdmannsdorfer. VII. Op. cit., 770.

⁶ Ibidem, 771.

⁷ «Venetian Calendar», XXX, 202.

годы. Папа продолжал добиваться заключения мира между Испанией и Францией, действуя через своего нунция при французском дворе; при этом нунций выступал совместно с венецианским послом. Мир Испании с Францией увеличивал шансы Венеции на их помощь в войне против Турции¹. Враждебность Рима к Англии продолжала упорно держаться и выразилась в 1658 г. в таком характерном факте, как распространение римскими правящими кругами слухов о том, что после передачи Мардика англичанам там монахи подверглись насилиям, а церкви были снесены, хотя таких фактов и не было².

Англия также продолжала сохранять большую враждебность к папству, её питали не только религиозное разномыслие, но и политические причины. В донесении Джаварины из Лондона от 20 декабря 1658 г. говорилось, что враждебность к папе поддерживается здесь некоторыми очень едкими сочинениями, направленными против протектора, которые вышли из Рима с позволения папы и с одобрения испанцев.

«Правительство очень раздражено этим; одно доверенное лицо, знающее, что происходит в тайниках правительства, сообщило мне, что жалобы купцов на папу и свобода, данная в Риме злым языкам, которые никогда не переставали выступать против существующего в Англии правительства, могут раздражить настолько, что англичане будут вынуждены принять неожиданные меры. Они, конечно, имеют силу, и при желании не было бы большого труда им сделать рейд на берега церковного государства, разрушая, грабя и вымещая чрезвычайную злобу»³.

Этот прогноз венецианского дипломата оказался несостоятельным. В скором времени всё изменилось: и внутреннее положение Англии и международная обстановка. Эти изменения происходили в течение 1659 и 1660 годов. Протекторат пал, уступая место реставрированной монархии; Франция и Испания заключили Пиренейский мир.

V

Линия английской европейской политики пересекалась с устремлениями не только папства, но и другой средневековой организации — империи. Выборы императора имели большое значение не только для Германии, где Габсбурги выступали как сильнейшие католические государи, но и для других европейских государств: Франции, Швеции, Англии. При императоре Фердинанде III был заключён Мюнстерский трактат между Германией и Францией, устанавливавший, что ни император, ни король Франции никогда и ни под каким предлогом не будут оказывать поддержки или помощи врагам другого⁴.

Однако этот важнейший пункт договора, имевший целью разъединить испанских и австрийских Габсбургов, не соблюдался императором. Мазарини, упрекая Фердинанда III в помощи Испании, писал д'Авгуру 14 октября 1656 г., что деятельность императора — явное нарушение Мюнстерского договора. Он также упрекал императора в том, что тот будто бы подстрекнул Москву к войне против Швеции. «Один пункт постарайтесь втолковать королю Швеции, что его истинный и вечный враг — дом австрийский; что его истинный союзник — Франция»⁵.

Причину того, что император не объявлял себя открыто противником Швеции и не становился на сторону Польши, Мазарини усматривал в желании императора свободно действовать в империи, использовать свои войска против Франции на других театрах военных действий. Дело в том, что когда герцог Моденский договорился с Францией вторгнуться в ми-

¹ Mazarin. Op. cit., VIII, 218.

² Ibidem. 251.

³ «Venetian Calendar», XXXI, 275.

⁴ Mazarin. Op. cit., VII, 429.

⁵ Ibidem.

ланские владения и осадил Вальконца, то император направил против своего вассала — герцога Моденского — войска под командой барона Энгерфорта¹; в письме Мазарини от 15 декабря 1656 г. сообщалось о подготовке императором уже второй армии против Моденского герцога².

Англия, как союзница Франции в войне против Испании, не могла не быть враждебной императору, помогавшему Испании, не говоря уже о том, что Габсбурги являлись оплотом католической церкви. Кроме того сословия империи обязались собрать 400 тыс. талеров для поддержки короля Англии против Кромвеля. На это сообщение, сделанное императорским послом в Мадриде, Ламбергом, испанское правительство ответило советом императору порвать со Швецией, по соображениям государственным и религиозным. Таким образом, в политике империи чувствовалась направляющая рука мадридского двора³.

Император принял к себе на службу оставшегося без дела принца Руперта после крушения его морской авантюры, ему были даны командование полком и пенсия в 500 флоринов в месяц. «Руперт имеет сверх того, — сообщал венецианский посол в Германии Джованни Батиста Нани, — ежегодные ассигнования на большую сумму за счёт некоторых кредитов, принадлежавших Габсбургам»⁴.

Всё это были акты, враждебные новому английскому правительству. Естественно, что оно принимало свои меры против австрийских Габсбургов. «Цель союза Швеции и Англии, — писал Лизола, императорский посол в Швеции, 26 февраля 1656 г., — состоит в борьбе против Австрии и особенно в том, чтобы отнять империю у этого дома; другая задача — борьба против Соединённых провинций с целью ослабить их и стать арбитрами мореплавания и торговли»⁵.

Несколько позднее в кругах кромвелевских дипломатов созревает план образования большой коалиции против австрийских Габсбургов. Мазарини желает через своего посла Бордо узнать, с какой целью предполагается союз Англии, Франции, Швеции, Дании, Соединённых провинций, предложенный государственным секретарём Англии: для защиты или нападения на Австрию. «Говоря правду, протектор имеет большой интерес принять меры предосторожности против Австрии, но мы не знаем цели протектора и уверен ли он в своих союзниках»⁶.

Таким образом, Франция и Англия имели кроме Испании ещё другого противника. Для Франции это был старый противник, опасный своей династической близостью к Испании. Мюнстерский мирный трактат, имевший целью предупредить повторное образование монархии Карла V в Европе, оказался недостаточным эффективным инструментом; Фердинанд III помогал Филиппу IV в его войне с Францией. У Англии были другие счёты с австрийскими Габсбургами: последние поддерживали реакционные силы Англии, стремившиеся низвергнуть новый политический порядок и даже, в конечном счёте, вернуть в Англию равноправие католикам. Пьер Нуайе, секретарь польской королевы Марии Гонзаг, под 1 июня 1656 г. помещает сообщение: «Нам писали, что король Англии и герцог Глостерский приняли католицизм в Брюсселе»⁷.

Невзирая на это различие в источниках, питавших франко-австрийские и англо-австрийские противоречия, руководители внешней политики Франции и Англии — Мазарини и Кромвель — были согласны в том, что в их общих интересах не допустить после смерти Фердинанда III (2 апреля 1657 г.) переход императорской короны к Габсбургам. Момент для

¹ «Venetian Calendar», XXX, 259.

² Mazarin. Op. cit., VII, 433.

³ «Venetian Calendar», XXX, 161.

⁴ Ibidem, 294.

⁵ Ibidem, 183.

⁶ Mazarin. Op. cit., VII, 436.

⁷ «Lettres de Pierre des Noyers», 176.

этого казался подходящим также и потому, что 9 июля 1654 г. умер старший сын Фердинанда III, носивший титул римского короля; его младший сын — эрцгерцог Леопольд — был лишь королём Венгрии и Богемии.

Уже в беседе со Шлецером 15 августа 1656 г. Кромвель интересовался, какой кандидат в императоры имеет больше шансов. В позднейшей беседе, 15 мая 1657 г., он определённо высказался в том смысле, что необходимо отнять у австрийского дома императорский титул, ибо этот дом близок с испанским, а последний имеет одну душу и одно тело с католической партией. Поэтому все протестанты заинтересованы в том, чтобы императорский сан не был в столь опасных руках¹. Опубликованный Ферсом документ, возможно принадлежавший к коллекции бумаг Зсорло, призывал Англию вмешаться в выборы императора, так как, во-первых, Англия уже оказала реальную поддержку проповедникам евангелия в Швейцарии и Пьемонте; во-вторых, дом австрийских Габсбургов продолжает после Тридцатилетней войны оставаться самым опасным врагом друзей и союзников английской нации в Европе и пытается создать господство на море, чтобы лишить Англию безопасности; в-третьих, воспользоваться благоприятным моментом, когда Австрийский дом оказался перед трудностями, чтобы не утратить влияние в Европе и не лишиться поддержки европейских друзей в будущем, когда Испания и католическая лига приобретут новую силу и направят её против Англии, главы всего протестантского мира².

Особый интерес к выборам императора, проявленный английскими политическими кругами того времени, выявился в составлении докладов на эту тему и их обсуждении. Мазарини также считал, что смерть Фердинанда III меняет положение дел к лучшему для Франции и к худшему для Испании³.

Цель французской дипломатии была в том, чтобы помешать испанцам влиять на политику империи, но этого нельзя было достигнуть, если бы императором стал кто-либо из фамилии Габсбургов⁴.

Мазарини отправил двух выдающихся французских дипломатов — Грамона и Лионна — наблюдать за ходом выборов будущего императора и оказывать влияние на курфюрстов. «Если мы вполне уверены в трёх духовных курфюрстах и в курфюрсте Бранденбургском, то не надо колебаться удовлетворить пфальцграфа, дав ему 200 тыс. экю, как он этого требует, чтобы иметь его голос, потому что этим путём король достигнет своей цели и ему можно будет также обещать, что когда дело его будет закончено, с ним заключат договор и союз»⁵.

Мазарини рекомендует своим полномочным послам показать курфюрстам, что Франция желала мира с Испанией, но последняя своими преувеличенными претензиями в пользу Конде сорвала переговоры. Лишение австрийских Габсбургов императорского титула обяжет испанцев к миру. Влияние Испании на европейскую политику оставалось очень значительным. Король Венгрии и Богемии, эрцгерцог Леопольд, которым, по словам Мазарини, испанские министры правят ещё проще, чем они правили его отцом Фердинандом III, подтвердил все обещания, данные его отцом Польше, т. е. помощь против Швеции, за что Польша обеспечивала ему наследование его королевства. Леопольд отправил посланников, по большей части подданных испанского короля, к московскому царю, к Георгу III Ракоца, к Богдану Хмельницкому и датскому королю, чтобы создать лигу против Швеции⁶.

¹ Erdmannsdorfer. VII. Op. cit., 767.

² «English Historical Review», July 1917.

³ Mazarin. Op. cit., VII, 451.

⁴ Mazarin. Op. cit., VIII, 84.

⁵ Ibidem, 71.

⁶ Mazarin. Op. cit., VII, 488.

Беседуя в июне 1657 г. с Кромвелем, Шлецер высказывался в том смысле, что сложилась благоприятная обстановка для передачи императорского титула другой фамилии. Но тогда Мазарини было уже известно, что маркиз Даго Фуэнтес, посол Испании при венском дворе, использует все средства, чтобы побудить бранденбургского посла посоветовать своему курфюрсту подать свой голос на будущих выборах императора за короля Венгрии. В октябре 1657 г. этот коварный замысел стал фактом, и Мазарини мог сообщить полномочным послам Грамону и Лионну, что Бранденбургский курфюрст присоединился к Австрии и Польше под условием уступки ему Пруссии и Эльбинга, пообещав свой голос королю Венгрии на выборах¹.

Кромвель при выборах императора имел в виду сплотить протестантских курфюрстов и их голосами провести в императоры своего союзника — шведского короля. Уже в задачу полковника Джепсона, отправленного в Швецию осенью 1657 г., входили переговоры, направленные к ослаблению австрийского дома, оплота католичества. Кромвель в начале 1658 г. продолжал вести переговоры с Шлецером по поводу выборов императора, удерживая его государя от перехода в австрийский лагерь и советуя сохранить тесный союз между курфюрстом и шведским королём. Бойню между ними Кромвель считал вредной для общего дела (*schädlich der gemeinen Sache*) и особенно для интересов курфюрста и его страны. Что касается императорской короны, то Кромвель считал, что её надо передать в другой дом, только не в австрийский. Это — дело нелёгкое, но в нём заложена основа покоя, свободы и религии Бранденбурга. Кромвель хотел бы заручиться содействием курфюрста, чтобы в избирательную капитуляцию был внесён пункт, что ни император, ни курфюрсты, ни князья, ни сословия Германии ни под каким предлогом не будут вмешиваться в войну, которая уже идёт во Фландрии: не станут тем самым на сторону врагов Англии, когда протектор пошлёт поддержку и помощь своему союзнику². Эти переговоры не дали благоприятных результатов, за исключением того, что курфюрст инструктировал своего посла содействовать внесению в избирательную капитуляцию желательного Кромвелю пункта. Кромвель продолжал настойчиво действовать в избранном им направлении. Он приказал полковнику Джепсону спешно отправиться к Бранденбургскому курфюрсту и другим протестантским князьям Германии и убедить их заключить союз со Швецией, доказав им, что от благополучного разрешения этого вопроса зависят преуспевание и слава общей протестантской веры³.

Выборы нового императора происходили среди сложной дипломатической борьбы крупных государств Западной Европы. Майнцский курфюрст выдвинул проект заключения мира между Испанией и Францией до выборов императора. Это был ход французской дипломатии, рассчитанный на затяжку выборов. Но Мазарини боялся, что Пеньяранда, испанский посол в империи, сумеет убедить курфюрстов, что Франция не хочет мира и что следует прямо приступить к выборам императора, до исследования условий, предложенных Майнцским курфюрстом для заключения мира.

Пеньяранда стремился оторвать Англию от Франции, он стоял за немедленную войну с Францией, стремился привлечь на помощь Испании Австрию, которой должна помочь вся Европа. С его точки зрения, замедление выборов причинило бы страдания всему христианскому миру. Точку зрения Майнцкого курфюрста, что следует раньше заключить мир и отложить выборы императора, он считал вредной для католических импе-

¹ Mazarin Op. cit., VIII, 192.

² Erdmannsdorfer, VII, Op. cit., 795.

³ «Venetian Calendar», XXXI, 205.

ресов¹. Папский нунций проявлял агитационную активность больше, чем кто-либо другой.

Выборы состоялись 18 июля 1658 года. Императором стал Леопольд I. В Лондоне эти выборы вызвали печаль «в силу нелюбви к австрийскому дому, а также и других причин, ранее указанных»², — доносил Джаварина дожу и сенату Венеции.

Так как существовало опасение, поддержанное французскими полномочными послами — Грамоном и Лионном, — что Леопольд I выйдет за границы, поставленные ему сословиями Германии после его выборов, то образовалась Рейнская лига, представлявшая союз между французским королём и князьями Германии. Она была орудием французской политики в Германии и была призвана охранять Вестфальский мир. Что касается Англии, то её дипломатия понесла полное поражение: протестантская Европа осталась необъединённой; орудия своей политики, подобного Рейнской лиге, Англия в Европе не имела; императорский престол перешёл к представителю католической партии. Ричард Кромвель в парламентской речи просил обсудить протестантское дело за границей, т. е. войну Швеции с австрийскими Габсбургами. Он подчеркнул силу последних, в особенности «императора римлян», как он назвал Леопольда I. Император имеет в виду овладеть Зундом. Ричард Кромвель также отметил необходимость изыскать средства для продолжения войны с Испанией и не забывать больших морских сооружений, созданных голландцами³. Это были отзвуки широкой внешнеполитической программы его отца, для осуществления которой всё меньше и меньше оказывалось условий как внутри Англии, где готовилась реставрация Стюартов, тесно связанных с реакционными силами Европы, так и за границей, где французская дипломатия подготовила не только Рейнскую лигу, но и сепаратный Пиренейский мир с Испанией, обеспечивший гегемонию Франции в Европе.

¹ Mazarin. Op. cit., IX, 201—204.

² «Venetian Calendar», XXXI, 232.

³ Ibidem, XXXI, 288.

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

АРХИВ ПУШКАРСКОГО ПРИКАЗА

А. Лебедянская

Пушкарский приказ в Московском государстве в XVII в. был главным артиллерийским и военно-инженерным управлением. Говорим «главным», так как частично заботы об артиллерии делили с ним Разряд и некоторые областные приказы, например Новгородская и Устюжская четверти (приказы), Казанский дворец, Сибирский приказ¹.

Своими корнями Пушкарский приказ восходит к тому неизвестному нам артиллерийскому управлению, которое должно было возникнуть в Московском великом княжестве одновременно с принятием на вооружение «огненной стрельбы» и «армат». Последние появились у нас в конце XIV столетия, по известиям летописи Голицынского списка, в 1389 году². По известиям летописи других списков, москвичи имели «пушки» и «тюфяки» в 1382 г., при отражении очередного нашествия татар под предводительством Тохтамыша³.

Если «пушки» того времени Н. Е. Бранденбург склонен был считать метательными орудиями, то «тюфяки» были уже, без сомнения, огнестрельными⁴.

В XV в. русская артиллерия продолжала развиваться, и мы встречаем пушки не только у московского великого князя⁵, но и у галицкого⁶, в Пекове⁷, в Новгороде.

Сохранились указания о существовании «артиллерийского управления» и литейно-пушечного дела в 70-х годах XV века. Летописи сохранили известия о мастерах-иноземцах, занимавшихся пушечным делом, главным образом итальянцах, выписанных московским правительством в период 1475—1505 годов. Есть указание на существование «пушечной избы» в 1488 году⁸.

В ряде документов имеются сведения о русских мастерах пушечного дела конца

XV в.: о «Якове» и его учениках «Ване и Вастоке», о некоем «Федьке-пушечнике»⁹.

В собрании Артиллерийского исторического музея Красной Армии в Ленинграде наряду с древнейшими железными орудиями хранится и пищаль 1492 (1485) г. работы вышеназванного мастера Якова—старейший памятник русского литейного пушечного производства.

В XVI в. артиллерия занимает очень видное место в военном деле Московского государства. До нас дошли сведения о существовавших в XVI в. пушечных и пороховых заводов, о мастерах, пушкарях, пищальниках, орудиях. Сохранились и самые памятники литейного искусства¹⁰. «Пушкари» и «пищальники» составляли определенную и, по видимому, первую по времени постоянную воинскую часть¹¹.

В 1510 г. московское правительство, подбив себе Псков, оставило там 500 пищальников¹², а в 1545 г. освободило их и пушкарей от порохового налога: «А с пушкарей и пищальников пищального зелья имати государь князь великий не велел, потому что им быти самим на государеве службе»¹³.

Это решение свидетельствует о том, что артиллерийская, «пушкарская» служба к середине XVI в. считалась государственной («государевой») и, несомненно, регулировалась соответствующим учреждением, которое ведало и кадрами, и «нарядом» и «зельем», и мастерами-специалистами.

Из свидетельства современников, русских и иностранцев¹⁴, мы получаем очень ценные

⁹ Лебедянская А. «Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси. Орнаментированные и подписные орудия конца XV—первой половины XVI столетий». «Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии». Т. I, стр. 62, сл. М. и Л. 1940.

¹⁰ Бранденбург Н. Указ. соч. Ч. 1-я; Струков Д. «Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею». СПб. 1912.

¹¹ Обручев Н. «Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год», стр. 15—16. СПб. 1853.

¹² ПСРЛ. Т. IV, стр. 288.

¹³ «Акты Археографической экспедиции». Т. I, № 205, стр. 184.

¹⁴ ПСРЛ. Т. XIII, XIX и др., особенно Казанский поход и ливонские войны Грозного; Курбский А. «История о великом князе московском». Соч. Т. I. СПб. 1914; Герберштейн, Гейденштейн, Флетчер и др.

¹ Котошихин Г. «Россия в царствование Алексея Михайловича». Гл. VII. «О приказах». 3-е изд. СПб. 1884; Богоявленский С. «О Пушкарском приказе». «Сборник статей в честь М. К. Любавского», стр. 364, сл. Птргр 1917.

² Карамзин Н. «История государства Российского». Т. V, стр. 119. СПб. 1817.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XI, стр. 75; т. XX, ч. 1-я, стр. 203; т. XXIV, стр. 151.

⁴ Бранденбург Н. «Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея». Ч. 1-я, стр. 45. СПб. 1877.

⁵ ПСРЛ. Т. XII, стр. 76. 1451.

⁶ Там же, стр. 75. 1450.

⁷ Там же. Т. XII, стр. 140. 1471; т. IV, стр. 224. 1463.

⁸ Там же. Т. XII. 1475—1505.

известия о состоянии артиллерийского дела в России в XVI веке. В Артиллерийском историческом музее находятся прекрасные орудия, исполненные у нас русскими и иностранными мастерами¹.

Всё это требовало определённой организации. Следы такой организации «Пушечного приказа», предшественника «Пушкарского», мы имеем с 70-х годов XVI века. Остановимся на нескольких из них, наиболее ранних. В списке «бояр, окольных и дворян, которые служат из выбора 85 года» (7085, т. е. в 1577 г.), названы два имени старших чинов приказа: «В пушечном приказе князь Семён Коркодинов, Фёдор Пучко Молвынников»², — оба помечены: «с государем» (в походе).

Второе известие относится к 1581—1582 годам. «Повесть о прохождении литовского короля Степана (Стефана Батория) на великий и славный град Псков»³ называет нам имя «дьяка Пушечного приказа Терентия Лихачёва», бывшего на военном совете.

Третье известие относится к 1582 г и содержит ценнейшие сведения о селитренном деле, которым ведал «пушечный приказ». Грамотой от 29 октября 1582 г. Грозный разрешил Кирилло-белозерскому монастырю ставить селитренные варницы и приказал посылать всю вываренную селитру в «пушечный приказ»⁴.

Наконец, в «Расходной книге» казённого двора за 1584—1585 гг.⁵ упоминаются имена дьяков, московских пушкарей, кузнецов, зеленых мастеров и плотника, служивших в «пушечном приказе». По «памятям» — служебным запискам — видно, что пушкарни и «мастеровые люди» получали обычное годовое жалование — «сукно».

Упоминания в «Расходной книге» о «памятях» с именами служащих «пушечного приказа» и являются свидетельством существования архива приказа, который образовался из отложившейся переписки его с разными учреждениями и лицами. К сожалению, от архива «пушечного приказа» до нас почти ничего не дошло. Он находился в Кремле, в одном здании с другими приказами, и подвергался пожарам и всяким другим невзгодам военного времени. В 1571 г. Кремль сильно пострадал при последнем нашествии татар, крымского хана Девлет-Гирея и во время борьбы русских с польскими интервентами, занявшими его в 1610 году. П. М. Строев

¹ Бранденбург Н. Указ. соч. Ч. 1-я; Печёнкин Н. «Описание орудий, находящихся у Главного артиллерийского управления». СПб. 1905.

² «Акты Московского государства». Т. I, № 26, стр. 39.

³ «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», № 7, IV, стр. 22. М. 1847.

⁴ «Акты» П. М. Строева. Т. I, последнее издание; «Русская историческая библиотека». Т. 32. СПб. 1915, № 300; первое — в «Актах Археологической экспедиции». Т. I, № 317, стр. 379—380.

⁵ Дополнение к «Актам историческим». Т. I, № 131.

считает возможным и сознательное уничтожение документов начала XVII в. правительством Михаила Романова⁶.

Наконец, то, что уцелело от приказных архивов, могло погибнуть от последующих пожаров Москвы 1626, 1737 и 1812 годов⁷.

Этим, собственно, объясняется почти полное отсутствие документов из архивов московских приказов, в том числе и «пушечного», за XVI в. и первые годы XVII века. «Пушечный приказ» в начале XVII в. был переименован в «Пушкарский приказ» и сделался тем главным артиллерийским и военнопинженерным управлением, о деятельности которого мы знаем по остаткам документов из его архива, из архивов других приказов, а также по известиям современников.

От начала XVII в. (1610—1613 гг.) сохранилась безыменная «Записка о царском дворе, церковном чиновничестве, придворных чинах, приказах, войске, городах и пр.». В ней даётся краткая характеристика и Пушкарского приказа: «Пушкарской приказ. Тут боярин да дьяк ведают весь наряд на Москве и по всем городам — пушки и пищали и порох и всякой бой вогнессной»⁸.

В приведённой записке кратко, но выразительно указаны характер и объём деятельности Пушкарского приказа: всё, относящееся к артиллерии в Москве и во всех городах Московского государства, находилось в его ведении.

От середины XVII в. до нас дошла более подробная характеристика деятельности приказа, составленная московским чиновником, подьячим Посольского приказа Григорием Котошихиным, об устройстве, нравах и обычаях Московского государства.

В главе VII своей книги Котошихин подробно описывает устройство центрального управления приказов, в том числе и Пушкарского приказа. Приведём это описание полностью: «О приказах...» II. Пушкарской приказ, а в том Приказе сидит боярин да два дьяка. А ведомы в том Приказе пушечные двory, Московские и городские, и казна, и пушкарни, и всякие пушечные запасы и зборы; а города в том приказе ведомы небольшие и собираются денег в год с пол-3000 рублёв. А берут денги на строения и на заводы ис Приказу Большие казны. И будет пушкарей и затинщиков и мастеровых всяких людей с 600 человек на Москве, кроме городских. А на строения пушечные медь привозят от Архангелского города и из Свейского государства, а иные пушки подражаются делать Галаны и Любена и Амбурцы и привозят к Архангелскому городу. А для порохового строения учинены на Москве и в иных местах двory и мельницы, а мастера у того дела бывают иных государств и русские люди, а работники русские ж люди»⁹.

⁶ Барсуков Н. «Жизнь и труды П. М. Строева», стр. 221. СПб. 1873.

⁷ Там же, стр. 221, 398.

⁸ Акты исторические. Т. II, № 355, стр. 424. СПб. 1841.

⁹ Котошихин Г. «О России в царствование Алексея Михайловича». Гл. VII, стр. 119—120. 3-е изд. СПб. 1884.

Приведённая характеристика приказа целиком подтверждается дошедшими до нас документами. Упоминает Котошихин об артиллерии и косвенно о приказе и в следующей, VIII главе, названной им «О владении царств и государств, и земель, и городов, которые под Российским царством лежат». Здесь он говорит о «городовой» и «монастырской» артиллерии, о «городовых» и «монастырских» пушкарях.

Из иностранцев, бывавших в России в XVII в., очень многие говорят о состоянии московской артиллерии, Пушкарском приказе и его деятельности. Некоторые подробности о его начальнике Петре Траханистове сообщает нам Олеарий¹, дважды посетивший Москву (в 1632—1635 и 1643 гг.), а Койэт², говоря о приказе, называет его «De Cancelary van de Rijcks Artillerye», т. е. канцелярией государственной артиллерии.

Более полные сведения о деятельности Пушкарского приказа сохранились в его архиве, в отрывках документов, дошедших до нас.

Документы эти можно разделить на две большие группы. К первой группе относится переписка канцелярии приказа с подведомственными ему учреждениями — Пушечным двором, Гранатным двором, пороховыми мельницами и пр. Ко второй — переписка междуведомственная, с другими приказами, с местными воеводскими управлениями и с отдельными лицами. Кроме переписки приказ имеет приходо-расходные книги, разные «росписки», чертежи и технические книги по артиллерийскому делу, иностранные и переведённые на русский язык³. Выполняя оборонные задачи государства, приказ вёл обширнейшую переписку со всеми приказами и воеводскими управлениями и должен был иметь колоссальный архив. В 1701 г. Пушкарский приказ был переименован в «Приказ артиллерии», и его архив перешёл в ведение последнего.

О судьбе архива «старых дел» пока ничего нельзя сказать. При разборе фондов дел XVIII столетия, хранящихся в архиве Артиллерийского исторического музея Красной Армии, несомненно, удастся выявить ценные сведения и об архиве Пушкарского приказа. Первые 20—30 лет XVIII в. дела XVII столетия, ещё являясь актуальными, имели служебное значение. В XVIII столетии архив «старых дел» Артиллерийского управления находился при каком-либо из его московских отделений, и можно предположить, что он никогда не вывозился из Москвы. В начале XIX столетия архив находился

в здании московского арсенала. В 1812 г., перед уходом армии Наполеона из Москвы, Кремль и арсенал были взорваны, причём архив Пушкарского приказа почти целиком погиб.

До нас дошли записки очевидца о гибели московских архивов, которые и приводим целиком: «Достигнув Воскресенских ворот, я нашёл угловую башню близ Иверской часовни и прилежавшую к ней часть Арсенального здания, равно как и верхнюю часть св. Николая чудотворца, взорванными... Обходя Кремль с Моховой улицы, я увидел между взорванной угловой башней и Троицкими воротами с верхней части Кремлёвской стены текущую беловато-серую волнующуюся массу, которая в виде водопада с необыкновенным шумом низвергалась в бывший в то время ров. По приближении моём к волнующейся массе оказалось, что воображаемый водопад был не что иное, как исписанная бумага, выброшенная неприятелями из разных кремлёвских архивов»⁴. В числе этих бумаг находились документы из архива Пушкарского приказа.

С 1820-х годов остатки архива Пушкарского приказа становятся достоянием русской исторической науки и являются главным и незаменимым документальным источником для истории русской артиллерии XVII столетия. Прекрасными иллюстрациями к этим документам являются многочисленные орудия того времени, находящиеся в собрании Артиллерийского исторического музея Красной Армии.

И. Гамель одним из первых среди русских учёных использовал остатки архива в своём труде о Тульском оружейном заводе. Вместе с тем он сообщил ценные сведения о состоянии архива Пушкарского приказа в 20-х годах прошлого столетия. «Старые бумаги, в Московском Кремлёвском Арсенале хранящиеся, между которыми находятся и столбцы прежнего Пушкарского приказа, были в 1812 г., при взорвании самого Арсенала, разбросаны и большею частью утрачены, — пишет он, — собранные же остальные положены в кладовую без малейшего порядка, так что я должен был пересмотреть бумаги сии по листочкам, дабы из сего хаоса извлечь то, что теперь в моей книге в связи и вкратце представлено»⁵.

В своё собрание старых актов⁶ И. Х. Гамель включил большое число документов Пушкарского приказа.

⁴ «Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 г.», стр. 266—267. М. 1862. На экземпляре издания Государственной публичной библиотеки в Ленинграде карандашом написано имя автора — «Доктор Рязанов».

⁵ Гамель И. «Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении». Предисловие, стр. III, прим. М. 1826.

⁶ Собрание находится в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР (опись № 175) и частично в архиве Артиллерийского исторического музея Красной Армии (фонд № 1).

¹ Олеарий А. «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Перев. А. М. Ловягина, стр. 264, сл., 281. СПб. 1906.

² Койэт «Посольство Кунрада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Фёдору Алексеевичу», стр. 192, 492. Перев. А. М. Ловягина. СПб. 1900.

³ Обручев Н. «Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год». СПб. 1853.

После публикации документов Пушкарского приказа Гамелем в Московском депо приняты были меры к разбору «старых бумаг». К сожалению, порядка большого не было наведено, как об этом в 1832 г. сообщил известный русский археограф П. М. Строев. Последний спас остатки архива Пушкарского приказа для русской науки во время своей «археографической экспедиции» (1829—1831). Весной 1832 г. П. М. Строевым были найдены в московском арсенале эти драгоценные остатки.

Вот как он описывает в своём письме от 15 апреля 1832 г. Н. П. Фусу, секретарю Академии наук, состояние архива: «По предписанию г. Военного министра я получил доступ (4-го сего месяца) к остаткам архива бывшего Пушкарского приказа, сваленным в сыром углу здешнего Арсенала. Не знаю ещё, что делать с сего беспорядочною и сорною громадою бумаг, ещё более смешанных в недавнее время. Так как с месяцем маем наступит удобное время для возобновления поездок, то я намерен приложить возможное старание к окончанию работы в Патриаршей библиотеке; Пушкарский же архив может остаться в запасе до возвращения моего снова в Москву»¹. Для занятий в архиве московского арсенала надо было получить разрешение военных властей. Директору артиллерийского департамента, генералу от артиллерии Игнатьеву было приказано «учинить немедленное распоряжение о допущении Строева к разбору бумаг Пушкарского приказа»².

Получив разрешение работать в архиве, П. М. Строев, ввиду близкого отъезда в экспедицию, обратился в Московское артиллерийское депо, в ведении которого находился арсенал, с просьбой провести предварительный разбор бумаг по форматам. «Намереваясь заняться грудой старинных бумаг, лежащих в Московском арсенале, и членом сего депо г. полковником и кавалером Пребстингом мне вчера указанных, я нахожу необходимым, чтобы она гряда была предварительно разобрана по форматам бумаг, а именно: а) листовые тетради, б) четвертные, в) столпцы и г) отрывки, каковую работу может произвести весьма удобно всякой, кому сие поручено будет. Побуждаясь многими причинами, особенно тем, что не могу остаться в Москве долее половины мая, я покорнейше прошу Московское артиллерийское депо сделать необходимое распоряжение к вышеписанной рассортировке бумаг (к 18-му сего апреля) и о последующем меня уведомить»³.

Просьба Строева была удовлетворена. В апреле П. М. Строев приступил к учёту материалов и занимался им около месяца. В письме тому же Н. П. Фусу от 11 мая он сообщает о своих занятиях в арсенале следующее: «Трёхмесячной работе моей в Патриаршей библиотеке (закрывающей в себе до тысячи рукописей) виден конец: поспешая оставить Москву, я работаю до усталости,

при всём том ещё требуется недели полторы для совершенного окончания. Равным образом и часть бумаг Пушкарского приказа мною пересмотрена, остальные же останутся до другого времени»⁴.

Начав в 1832 г. обзор архива, П. М. Строев закончил его весной следующего, 1833 г., о чём он и известил Н. П. Фуса в письме от 22 марта 1833 г.: «С приезда моего сюда и Г. Березникова, мы успели окончить разбор бывшего Пушкарского приказа, начатый мною в прошедшем году, и привели в порядок большой сундук с разными бумагами в Патриаршей библиотеке, остававшийся до сего времени неразобранным. Всё сие доставило археографической коллекции любопытное приращение»⁵.

Надежда П. М. Строева найти в архиве «немало любопытных актов» вполне оправдалась. Через несколько лет, в 1839 г., в письме князю С. А. Ширинскому-Шихматову от 30 июня он даёт краткую характеристику своих находок в арсенале: «Материалы для военной истории были у меня всегда ввиду, и с сего-то целию было испрошено в 1833 году позволение пересмотреть остатки бумаг Пушкарского приказа, находившиеся тогда в Московском арсенале, ныне в Артиллерийском депо. Этот приказ, как и все приказы, разделялся на столы (отделения, экспедиции); оставшиеся бумаги принадлежали большею частью столу, ведавшему засеки, или пограничные леса в нынешних губерниях Калужской, Тульской и Рязанской; всё прочее растрчено в 1812 году или сгнило. Впрочем, что попало полюбозытнее, было списано и напечатано в актах Археографической экспедиции»⁶.

К сожалению, архив «Археографической экспедиции» поделен между Академией наук и Государственным историческим музеем и московская часть материалов осталась нам пока неизвестной, за исключением выдержек, приведённых биографом Строева — Н. П. Барсуковым.

Из отдельных любопытных находок можно отметить материалы, относящиеся к «фабрикам и заводам в России», о которых П. М. Строев тогда же сообщил И. Гамелю⁷.

Остался ли какой-нибудь след от работы П. М. Строева в архиве московского арсенала (депо) в виде «копий» найденных документов, выяснить пока не удалось. Можно предполагать, что разобранные «бумаги» как-то были учтены и соответствующие материалы, возможно, сохранились в указанных выше архивах, равно как и копии «списков», о которых говорил П. М. Строев в приведённом письме кн. С. А. Ширинскому-Шихматову. Образцы таких собственноручных «списков» П. М. Строева с документов Пушкарского приказа, находившихся в это время в частных собраниях Ф. А. Тол-

¹ Архив Академии наук СССР, ф. IV, оп. 2, № 7.

² Барсуков Н. Указ. соч., стр. 234.

³ Там же.

⁴ «Архив Академии наук СССР», ф. IV, оп. 2, д. № 7.

⁵ Там же.

⁶ Там же, ф. 133, оп. 1, д. № 200; «1833», вместо «1832» — в оригинале.

⁷ Барсуков Н. Указ. соч., стр. 234.

стого и И. Н. Царского, хранятся в архиве Академии наук¹.

В то время, когда П. М. Строев учитывал остатки архива Пушкарского приказа в московском арсенале, часть его материалов находилась в частных собраниях Гамеля, графа Ф. А. Толстого², графа Н. П. Румянцева³ и купца-коллекционера И. Н. Царского⁴.

Несколько позже ряд документов приказа оказался в собраниях М. П. Погодина, П. М. Строева, графов С. С. и А. С. Уваровых, С. Д. Шереметева, а также в собраниях бывшей Археографической комиссии и Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Многие документы были описаны и частью изданы, но большая часть ещё ждёт обработки и изучения. Краткое содержание материалов всех названных собраний указываем ниже.

Позднее архивом Пушкарского приказа интересовался известный историк русской военной старины Н. И. Обручев. В своём «Обзоре рукописных и печатных памятников, относящихся до военного искусства в России по 1725 год»⁵, он писал об архиве: «Вообще надо сожалеть, что архив Пушкарского приказа не сохранился в целостности: многие бумаги его рассеяны по частным библиотекам, так что собрание Императорской публичной библиотеки заключает в себе только часть их. А Пушкарский приказ, как известно, играл весьма важную роль в числе наших военных ведомств, ему подлежали все дела по выделке поруха, снарядов и оружия, а иногда и самые распоряжки службы»⁶.

Упомянутые Н. И. Обручевым собрания документов приказа, хранившиеся в Публичной библиотеке, были проданы правительству М. П. Погодиным в 1851 году⁷.

В 60—90-х годах прошлого столетия большое внимание архиву Пушкарского приказа уделял крупнейший знаток военной старины Н. Е. Бранденбург (1839—1903 гг.). Он не только пользовался материалами архива для своих работ⁸, но и вывоз из московского

арсенала документы, которые ныне хранятся и составляют «фонд № 1» «Архива русской артиллерии» Артиллерийского исторического музея Красной Армии.

«В библиотеке музея,— писал Н. Е. Бранденбург в 1889 г.,— сохраняется также некоторое количество документов XVII в., отысканных в последнее время в бывшем московском арсенале»⁹. К сожалению, он не указывает, все ли материалы он вывоз или часть их осталась на месте.

Тогда же он отмечал и наличие «не только отдельных документов, но и целых дел» XVII в. в архивных материалах XVIII в., «хранящихся в том же музее»¹⁰.

В 1891 г. несколько слов архиву уделил В. С. Иконников. В своём «Опыте русской историографии»¹¹ он говорит об издании некоторых документов в «Актах Археографической экспедиции» и указывает местонахождение документов в архиве Артиллерийского исторического музея, не упоминая других хранилищ.

Наконец, в 1917 г. С. К. Богоявленский в своей работе «О Пушкарском приказе» считает архив приказа «погибшим»: «Уцелели только кое-какие отрывки, рассеянные теперь по казённым и частным архивам»¹². Из этих архивов он отмечает только бывший Московский главный архив министерства иностранных дел и бывшее собрание гр. А. С. Уварова. Кроме того он указывает на некоторые издания документов. «В общем,— пишет он,— материал недостаточный, и для знакомства с деятельностью Пушкарского приказа приходится привлечь делопроизводство других приказов, преимущественно Разрядного и Четвертных, которые имели некоторые сношения с нашим главным артиллерийским управлением».

С. К. Богоявленский, как и все предыдущие исследователи, прав, отмечая, что архив погиб. Всё же, если учесть его остатки по всем хранилищам, можно год за годом восстановить историю Пушкарского приказа, выяснить его роль и значение в русском военном деле и в развитии оборонной промышленности в XVII веке. Дополни-

¹ Архив Академии наук СССР, ф. IV, оп. 2, д. № 11.

² Калайдович К. и Строев П. «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстого», стр. 50—51, № 105. М. 1825.

³ Востоков А. «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея», № СII (102). СПб. 1842. Музей поступил в казну в 1828 году.

⁴ Строев П. «Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому», №№ 346, 750. М. 1848. Собрание вошло в собрание гр. А. С. Уварова, см. ниже.

⁵ «Военный журнал» №№ 4, 5 за 1853 г. Отдельно — СПб. 1853 (1854).

⁶ Там же, № 4, стр. 49, прим. 2.

⁷ Барсуков Н. Указ. соч., стр. 391.

⁸ Бранденбург Н. «Материалы для истории артиллерии в России. Описная книга пушек и пищалей. Рукопись XVII в.»; «Артиллерийский журнал» № 3 за 1867 год.

«Железные заводы в Тульском, Каширском и Алексинском уездах в XVII в.»; «Оружейный сборник» № 1 за 1875 г., стр. 24. «Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии, 1701—1720». СПб. 1876. «О судебной юрисдикции Пушкарского приказа в XVII столетии»; «Артиллерийский журнал» № 4 за 1891 год. Предисловие к труду Д. П. Струкова; «Архив русской артиллерии». Т. I, 1700—1718 гг. СПб. 1889, и др.

⁹ Струков Д. «Архив русской артиллерии». Т. I. 1700—1718, под ред. Н. Е. Бранденбурга. Предисловие Н. Е. Бранденбурга, стр. I. СПб. 1889.

¹⁰ Там же, стр. III.

¹¹ Иконников В. «Опыт русской историографии». Т. I. Кн. 1-я, стр. 480. Киев. 1891.

¹² Богоявленский С. «О Пушкарском приказе». «Сборник статей в честь М. К. Любавского», стр. 361—385. Птргр. 1917.

ное же привлечение нужных материалов из архивов не только Разрядного и Четвертных, но почти всех остальных приказов поможет всесторонне осветить историю одного из главнейших центральных военных учреждений Московского государства.

Если Н. И. Обручев в 50-х годах прошлого столетия и С. К. Богоявленский в начале этого столетия (1917 г.) жаловались, что материалы архива Пушкарского приказа «рассеяны по частным и казённым хранилищам», то сейчас дело обстоит совсем иначе. Великая Октябрьская социалистическая революция вернула все архивные материалы государству, и можно назвать все хранилища, обладающие этими материалами.

В настоящее время можно указать две группы таких хранилищ. К первой группе относятся пять основных хранилищ, в которых имеются архивные материалы Пушкарского приказа. Ко второй группе следует отнести три хранилища, в которых такие материалы, несомненно, имеются, хотя они ещё и не выявлены.

Первую группу хранилищ составляют: Артиллерийский исторический музей Красной Армии (Ленинград); Всесоюзная публичная библиотека имени В. И. Ленина (Москва); Государственная публичная краснознаменная библиотека имени Салтыкова-Щедрина (Ленинград); Государственный исторический музей (Москва); Институт истории Академии наук СССР (Ленинградское отделение).

Вторую группу составляют: Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (Москва); Центральный военно-исторический архив (Москва); Архив Оружейной палаты (Москва).

Главному артиллерийскому управлению были в 1863 г. переданы собрания Гамеля. Они и легли в основу «фонда № 1» Артиллерийского исторического музея Красной Армии.

В 1938 г. этот музей получил от Академии наук СССР ряд документов из собрания неизвестного лица. В настоящее время всё собрание составляет «фонд № 1» «Архива русской артиллерии», хранящегося в музее, и включает около 500 названий (единиц хранения) документов и книг с 1628 по 1700 год. Материалы эти отражают почти все основные стороны деятельности приказа за исключением дела «селитренного» и «засечного». Основная масса материалов касается кадров пушкарского ведомства и административно-хозяйственных и производственных вопросов. Имеются также материалы по снабжению войсковых частей — стрелецких приказов и разных полков, — а также донских казаков и монастырей орудиями, оружием и боевыми припасами. Как «дела», так и отдельные документы и книги большей частью неполны и плохой сохранности. Материалы были частично использованы исследователями и изданы¹.

¹ Из последних изданий укажем «Труды Археографической комиссии Академии наук СССР. Материалы по истории экономического развития России. Крепостная ману-

Кроме подлинных документов в музее имеется большое количество фотокопий с документов приказа, хранящихся в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде. Во Всесоюзную публичную библиотеку имени В. И. Ленина собрание документов Пушкарского приказа поступило из бывшего собрания рукописей Румянцевского музея.

Всё собрание представляет том перелётных документов (289 листов), относящихся к 80-м годам XVII в. и содержащих разные материалы, в том числе по истории железных заводов — тульских, каширских и олонечских. Описание этого собрания было издано почти сто лет назад А. Х. Востоковым², первым начальником музея. Изданы также и некоторые документы³.

Собрание документов Пушкарского приказа Государственной публичной библиотеки в Ленинграде является сборным по своему составу. В него вошли материалы разных старых собраний графа Ф. А. Толстого, М. П. Погодина, графа С. Д. Шереметева и других лиц.

Собрание включает свыше 700 названий документов и книг, из которых очень немногие в разное время были изданы главным образом в «Сборнике князя Хилкова» (1872) и описаны⁴. Основная масса почти не использована. Собрание не имеет другой описи, кроме заглавий на обложках документов. Содержание материалов отражает деятельность приказа с 1627 по 1701 г. и касается всех основных сторон ведомств. Между прочим, в нём хорошо представлены «дела» «засечное» и «селитренное», отсутствующие или слабо представленные в других собраниях.

Видимо, сюда попала та часть документов «засечного стола», о которой упоминал П. М. Строев как о наиболее сохранившейся.

До начала 1942 г. со всех материалов Пушкарского приказа, находящихся в Государственной публичной библиотеке, снимали фотокопии для собрания Артиллерийского исторического музея Красной Армии.

Собрание документов Пушкарского приказа поступило в Государственный исторический музей из бывшего собрания гр. С. С. и А. С. Уваровых и И. Н. Царского⁵, а часть

фактура в России». Ч. 1-я «Тульские и каширские железные заводы». Предисловие, стр. XXXII—XXXIV. Л. 1930.

² Востоков А. «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея», № СII (102), стр. 170—171. «Дела московского Пушкарского приказа 1681 г. ноября с 30 по 1685 г. января 1». СПб. 1842.

³ Из последних изданий укажем «Труды Археографической комиссии Академии наук СССР. Материалы по истории экономического развития России. Крепостная мануфактура в России». Ч. 2-я. «Олонечские медные и железные заводы». Л. 1931.

⁴ Лопарев Х. «Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности». Ч. 1-я. № СXXIV, стр. 224. СПб. 1892. Документы 1689—1690 годов.

⁵ Карский Е. «Славянская Кирилловская Палеография», стр. 19. Л. 1928.

материалов, как например чертежи Москвы, исполненные чертёжником Пушкарского приказа, была доставлена П. М. Строевым. Собрание включает свыше 100 названий документов, которые относятся главным образом к 1640—1641 гг. и представляют отрывки дел административно-хозяйственного содержания. Собрание было описано¹.

Документы Пушкарского приказа в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР находятся в материалах двух собраний — И. Х. Гамеля и П. М. Строева. Собрание И. Х. Гамеля содержит около 400 названий документов за разные годы XVII в. по административно-хозяйственным и производственным вопросам. Много документов относится к 50-м годам и касается колокольного дела. Собрание П. М. Строева составлено археографом во время экспедиции и включает несколько десятков документов. Они относятся к разным годам XVII столетия и отражают разные стороны жизни Приказа. В большей своей части эти документы изданы были в первой половине XIX в. в «Актах Археографической экспедиции», «Актах Юридических» и других изданиях. В начале XX столетия все они были описаны² с указанием старых изданий и частью переизданы³.

Документы включены в переплетённые тома «Актов П. М. Строева». Документы Пушкарского приказа имеются не только в главных государственных хранилищах. Они, бесспорно, имеются также в местных архивах и собраниях, но ещё не выявлены.

Почти все документы, содержащие известия о производстве орудий, колоколов, боеприпасов, о сооружении городских укреплений, засек, связаны с деятельностью Пушкарского приказа и происходят из его архива. Много материалов о Пушкарском приказе встречается в самых разнообразных изданиях документов и исторических работах, касающихся XVII века⁴. Собрать все эти материалы в одном хранилище трудно, но учесть возможно полнее необходимо. Это можно было бы сделать, составив краткий сводный указатель документов. От колоссального архива дошли до нас только жалкие остатки и обрывки, которые тем не менее неплохо отражают все основные сторо-

ны деятельности приказа примерно за 75 лет, с 1625—1627 гг. по 1701 год.

Документы за первую четверть XVII столетия не сохранились. О деятельности приказа в этот период известно из материалов других архивов, главным образом дворцовых⁵, и архива Оружейной палаты⁶. В 1701 г. Пушкарский приказ был заменён «Приказом артиллерии», который на первое время сохранил функции Пушкарского приказа, старую структуру и старые кадры служащих.

Все дошедшие до нас документы приказа можно разделить на пять групп соответственно основным задачам деятельности приказа: 1) кадры — личный состав всего ведомства, начиная со старших чинов приказа и кончая подсобными рабочими; 2) «наряд» — артиллерию; 3) боевые боеприпасы — порох и снаряды; 4) «городовое дело» — городские укрепления в Москве и других городах, наблюдение за их состоянием и заботы о ремонте; 5) «засечное дело» — лесные укрепления, «засеки» в «заповедных» лесах на южной и юговосточной границах государства.

Почти все эти задачи с соответствующими изменениями входили в круг деятельности и всех последующих за Пушкарским приказом артиллерийских управлений XVIII—XX столетий.

Кадры Пушкарского приказа делились на две части — личный состав приказа — управления — и кадры подведомственных ему учреждений.

Документы всесторонне характеризуют многочисленный чиновный, служилый и мастеровой состав, называют имена разных лиц «пушкарского чину», рисуют их деятельность, значение и ту историческую, экономическую, производственную и культурно-бытовую обстановку, в которой они жили и трудились.

Судебная юрисдикция приказа отражена в ряде документов разных «судных» дел, как чинов приказа и служащих пушкарского ведомства между собой, так и по искам к ним посторонних лиц. В приказе имела особая «судейская палата», куда вызывались на суд чины приказов, как московские, так и городские.

Заботы приказа о изделении землёй своих служащих — младших — в слободах «пушкарских», средних и старших — в городах — также нашли своё отражение в документах. Сохранились следы «смотров» всех чинов приказа и всего ведомства.

Вторая группа документов относится к «наряду» — артиллерии, материальной её части в широком смысле слова. Документы характеризуют изготовление «наряда», его

¹ Катаев И. и Кабанов А. «Описание актов собрания гр. А. С. Уварова». Отдел III. «Бывшие Дела Пушкарского приказа №№ 90—233». М. 1905.

² Курдюмов М. «Описание актов, хранящихся в Императорской археографической комиссии». «Акты П. М. Строева». — «Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 год». Вып. XVII. СПб. 1907; его же. Там же. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1906 год». Вып. XIX. СПб. 1908.

³ «Акты П. М. Строева. Т. I». «Русская историческая библиотека». Т. 32. СПб. 1915; «Акты П. М. Строева. Т. II». РИБ. Т. 35. 1917.

⁴ См. Лебедевская А. «Материалы для библиографии Пушкарского приказа». «Сборник Арт. ист. музея РККА». Т. II.

⁵ Например, «Дворцовые разряды». Т. I. 1612—1628. М. 1850. Дополнения к «Дворцовым разрядам» — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». 1882, 1883 и др.

⁶ Арсеньев Ю. «Оружейный приказ при царе Михаиле Фёдоровиче». «Вестник археологии и истории». Вып. XV. СПб. 1903. «Расходная книга товарам и вешам 1613—1614 гг.». РИБ. Т. IX за 1881 г. и др. СПб.

испытания, хранение, отпуск, а также учёт наряда в других городах.

Обычно дело представляется в следующем виде: 1) «Память» — указ об отливке определённого числа орудий с требованием присылки сметы нужных материалов; 2) «сказка» — смета мастера; 3) «память» — указ головам об отпуске нужных материалов и о покупке недостающих; 4) запись о расходе на уплату «за молебен с водосвятием» перед началом отливки орудий обычно с распиской данного служителя культа; 5) разные документы, связанные с процессом отливки, и пр.

«Наряд» изготовлялся на «пушечном дворе», который вырос из «пушечной избы» XV в. и являлся артиллерийским заводом. «Пушечный двор» располагал значительным количеством специалистов и управлялся «пушкарскими головами». Чертежи орудий не сохранились, но известно, что они существовали¹. В документах сохранились многочисленные следы переписки «пушечного двора» с приказом.

В штате «пушечного двора» всегда имелись наряду с «пушечными» мастерами и «литцами» и «колокольные» мастера, подмастерья и ученики. В документах изредка встречаются указания и на «паникадильных» и «плавильных» мастеров и их учеников. Как «литейщики», они входили в состав «пушечного двора».

Отливались на «пушечном дворе» и пули. Московское правительство не ограничивалось изготовлением «наряда» собственными силами и многое заказывало за границей. Документы сохранили нам известия об этих заказах и об испытаниях в приказе голландских и немецких «нарядов», равно как и ручного огнестрельного заграничного оружия. Приказ снабжал изготовляемым «нарядом» и «вестовыми» колоколами воинские части, городские управления и монастыри. Сохранилась часть переписки с Разрядом, Стрелецким приказом, воеводами и монастырями об отпуске им «нарядов» и колоколов.

Приказ вёл тщательный учёт всему артиллерийскому имуществу страны — «наряду», колоколам (вестовым) и «зелью», а также запасам материалов, и результаты его заносились в особые приходо-расходные и «городовые» книги, дошедшие до нас, хотя и в небольшом количестве. При смене воевод вторые экземпляры, или копии, передаточных «росписей» посылались в Пушкарский приказ. Отрывки таких «росписей» имеются среди документов приказа.

Третьим основным делом приказа были боевые припасы — «зелёное» (пороховое) и «гранатное» дело, т. е. изготовление пороха и снарядов, их хранение и снабжение ими войсковых частей, учреждений и отдельных лиц или групп.

Изготовление «зелья» — пороха — производилось на «зелёных» мельницах, которых

было две: «нижняя» и «верхняя», или старая и новая. Мельницы обслуживались соответствующим составом специалистов и дополнительными подсобными рабочими, управляли им пушкарские головы. Иногда казённые мельницы отдавались в аренду иноземным пороховым мастерам. Документы сохранили нам следы переписки мельниц с приказом, с «пушечным двором», с иноземцами-«уговорщиками».

Неотъемлемой частью «зелёного» дела являлось «селитренное» дело. Приказ ведал и этой отраслью. Он вёл обширную переписку с воеводами о поисках и эксплуатации новых селитроносных земель и посылал своих мастеров для обучения местных людей. Эта переписка особенно богато представлена в собрании документов приказа, находящемся в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.

Изготовлением снарядов ведал Гранатный двор. Кроме снарядов там готовили и всё нужное к «потешной огненной стрельбе». Известны руководства по изготовлению пороха и снарядов того времени, остатки и отрывки разной переписки с «зелёными» мельницами и Гранатным двором. О «городовом» и «засечном» деле сохранилась переписка главным образом с местными властями.

Приказ занимался также «городовым строением», т. е. наблюдением за состоянием укреплений в Москве и других городах, руководил починкой или возобновлением старых и постройкой новых укреплений.

Для «городового строения» в приказе имелись специалисты — «горододельцы» — военные инженеры, которые руководили работами; «колодезники», делавшие «колодцы» и исполнявшие разные гидравлические работы, и «чертёжники», которые составляли планы и чертежи. Многие, имеющиеся в разных государственных хранилищах чертежи городских укреплений выполнялись, вероятно, в чертёжной Пушкарского приказа или его чертёжниками, так как Пушкарский приказ посылал своих чертёжников в другие приказы и на места.

Приказ наблюдал за состоянием «засек» в заповедных лесах на южной и юговосточной границах. «Засеками» ведали на местах особые «засечные» головы, «засечные» воеводы, «засечные» сторожа, в центре — приказе — существовал особый «засечный» стол. Переписка центра с чиновниками на местах была велика, остатки её сохранились и хранятся главным образом в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде.

Конечно, на протяжении столетия частично менялись рамки деятельности приказа, но основные области его работы оставались те же: кадры, артиллерия, боевые припасы, городские и лесные укрепления.

Следует добавить, что Пушкарский приказ в разное время выполнял ряд других работ. Так, в конце 40-х и начале 50-х годов XVII в. он ведал делами «перебежчиков» из «свейской королевской земли корелян и латышей». В 30-х годах XVII в. он служил чем-то вроде базы разных материалов и снабжал другие приказы и отдельных лиц,

¹ «Опись делам Приказа тайных дел 1713 г.» — «Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества». Т. II, стр. 27—28. 1861.

отпуская им медь, железо, олово, свинец и т. п.

Железные заводы, по некоторым данным, временами находились в ведении Пушкарского приказа, однако в документах связи административные отражены слабо. Несколько документов в собрании Артиллерийского исторического музея, относящихся к тульским железным заводом, происходят из архива «Оружейной палаты», в которой имелся «отдел железных заводов»¹.

Важно было бы собрать названия специальных руководств и книг, которыми располагал приказ, а также в значительном собрании старых чертежей попытаться найти работы чертёжников Пушкарского приказа.

Для иллюстрации «рабочего дня» Пушкарского приказа приведём перечень архивных материалов, датированных одним числом, например «2 июня 1641 (7149) г.». За этот день известны пять документов, рисующих работу приказа в разных направлениях²:

1. «Память» (черновая) из Пушкарского приказа приставу Митрофану Коршунову с предписанием «доправить» на сторожах Пушкарского приказа на Степане Федотове и Савве Прокофьеве (пропавшую) «верховую медную пушечку».

2. «Память» (черновая) из Пушкарского приказа на «пушечный двор» голове Василию Ивановичу Блудову о производстве не-

которых плотничных работ на Царевборисовском дворе.

3. «Роспись», поданная пушечным и колокольным учеником Степаном Арефьевым, о количестве красной меди и прутowego слова, потребных на переливку большого благозетника (колокола), разбитого в Ивановском девичьем монастыре.

4. «Память» (из приказа Большого прихода) окольному князю Андрею Фёдоровичу Литвинову-Масальскому и дьякам Степану Пустышникову и Поснику Задонскому об отпуске пороха и свинца, по примеру 146 года в полки Александра Краферта, Валентина Росформа и Якова Вымса для обучения новоприборных трёх тысяч человек солдат».

5. «Память» головам Владимиру Михайловичу Молчанову и Конону Ивановичу Владычкину об отпуске согласно памяти из приказа Большого прихода (см. № 4) шести пудов «зелья ручного» в полки Александра Краферта, Валентина Росформа и Якова Вымса для учения «новоприборных солдат».

Приведённые документы рисуют нам часть рабочего дня Пушкарского приказа, они, несомненно, не исчерпывают его целиком.

Подобрав в хронологическом порядке документы, точнее, составив хронологический указатель, можно день за днём проследить всю работу Пушкарского приказа за всё столетие и выявить участников и все этапы этой сложной и ответственной работы, особенно важной в военное время.

Дальнейшее подробное изучение этих материалов с привлечением материалов других приказов и других собраний даст возможность выявить ряд новых данных, уточнить и углубить старые, относящиеся к истории архива Пушкарского приказа и самого приказа — Главного артиллерийского управления Московского государства в XVII столетии.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ИРАНА

(Автореферат)

М. Дьяконов

История Ирана в древности и в средние века была теснейшим образом связана с судьбами народов, населяющих ныне кавказские и среднеазиатские республики Советского Союза. Между тем в советской литературе очень мало работ, посвящённых истории Ирана. В буржуазной науке по истории Ирана тоже сделано немного, хороших общих очерков нет, а специальные статьи рассыпаны по редким изданиям и малодоступны.

В европейской исторической литературе существуют, собственно говоря, только две большие работы по истории Ирана. Первая из них — книга сэра Дж. Малькольма¹ — первым изданием вышла в 1815 г. и сейчас уже совершенно устарела, особенно в ча-

сти, касающейся древнего и средневекового Ирана. Появившаяся ровно через сто лет книга сэра Перси Сайкса «История Ирана», выдержавшая затем ещё два издания², по мнению такого крупного авторитета, как акад. В. В. Бартольд, «во многих отношениях неудовлетворительна»³.

Ещё менее удовлетворительны, с точки зрения современных научных требований, очерки по истории Ирана Ф. Юсти и П. Хорна в сводной работе «Основы иранской филологии», издававшейся с 1896 по 1906 год⁴.

² Sykes Percy «A history of Persia». 1915. Vols. I and II.

³ Бартольд В. «История изучения Востока в Европе и России», стр. 146. 2-е изд.

⁴ «Grundriss der Iranischen Philologie». Bd. II.

¹ Melcolm J. «The history of Persia». Есть французский перевод.

отпуская им медь, железо, олово, свинец и т. п.

Железные заводы, по некоторым данным, временами находились в ведении Пушкарского приказа, однако в документах связи административные отражены слабо. Несколько документов в собрании Артиллерийского исторического музея, относящихся к тульским железным заводом, происходят из архива «Оружейной палаты», в которой имелся «отдел железных заводов»¹.

Важно было бы собрать названия специальных руководств и книг, которыми располагал приказ, а также в значительном собрании старых чертежей попытаться найти работы чертёжников Пушкарского приказа.

Для иллюстрации «рабочего дня» Пушкарского приказа приведём перечень архивных материалов, датированных одним числом, например «2 июня 1641 (7149) г.». За этот день известны пять документов, рисующих работу приказа в разных направлениях²:

1. «Память» (черновая) из Пушкарского приказа приставу Митрофану Коршунову с предписанием «доправить» на сторожах Пушкарского приказа на Степане Федотове и Савве Прокофьеве (пропавшую) «верховую медную пушечку».

2. «Память» (черновая) из Пушкарского приказа на «пушечный двор» голове Василию Ивановичу Блудову о производстве не-

которых плотничных работ на Цареворисовском дворе.

3. «Роспись», поданная пушечным и колокольным учеником Степаном Арефьевым, о количестве красной меди и прутowego слова, потребных на переливку большого благозетника (колокола), разбитого в Ивановском девичьем монастыре.

4. «Память» (из приказа Большого прихода) окольному князю Андрею Фёдоровичу Литвинову-Масальскому и дьякам Степану Пустышникову и Поснику Задонскому об отпуске пороха и свинца, по примеру 146 года в полки Александра Краферта, Валентина Росформа и Якова Вымса для обучения новоприборных трёх тысяч человек солдат».

5. «Память» головам Владимиру Михайловичу Молчанову и Конону Ивановичу Владычкину об отпуске согласно памяти из приказа Большого прихода (см. № 4) шести пудов «зелья ручного» в полки Александра Краферта, Валентина Росформа и Якова Вымса для учения «новоприборных солдат».

Приведённые документы рисуют нам часть рабочего дня Пушкарского приказа, они, несомненно, не исчерпывают его целиком.

Подобрав в хронологическом порядке документы, точнее, составив хронологический указатель, можно день за днём проследить всю работу Пушкарского приказа за всё столетие и выявить участников и все этапы этой сложной и ответственной работы, особенно важной в военное время.

Дальнейшее подробное изучение этих материалов с привлечением материалов других приказов и других собраний даст возможность выявить ряд новых данных, уточнить и углубить старые, относящиеся к истории архива Пушкарского приказа и самого приказа — Главного артиллерийского управления Московского государства в XVII столетии.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ИРАНА

(Автореферат)

М. Дьяконов

История Ирана в древности и в средние века была теснейшим образом связана с судьбами народов, населяющих ныне кавказские и среднеазиатские республики Советского Союза. Между тем в советской литературе очень мало работ, посвящённых истории Ирана. В буржуазной науке по истории Ирана тоже сделано немного, хороших общих очерков нет, а специальные статьи рассыпаны по редким изданиям и малодоступны.

В европейской исторической литературе существуют, собственно говоря, только две большие работы по истории Ирана. Первая из них — книга сэра Дж. Малькольма¹ — первым изданием вышла в 1815 г. и сейчас уже совершенно устарела, особенно в ча-

сти, касающейся древнего и средневекового Ирана. Появившаяся ровно через сто лет книга сэра Перси Сайкса «История Ирана», выдержавшая затем ещё два издания², по мнению такого крупного авторитета, как акад. В. В. Бартольд, «во многих отношениях неудовлетворительна»³.

Ещё менее удовлетворительны, с точки зрения современных научных требований, очерки по истории Ирана Ф. Юсти и П. Хорна в сводной работе «Основы иранской филологии», издававшейся с 1896 по 1906 год⁴.

² Sykes Percy «A history of Persia». 1915. Vols. I and II.

³ Бартольд В. «История изучения Востока в Европе и России», стр. 146. 2-е изд.

⁴ «Grundriss der Iranischen Philologie». Bd. II.

¹ Melcolm J. «The history of Persia». Есть французский перевод.

Отдельные периоды истории Ирана и сопредельных стран разработаны в буржуазной науке полнее. Древнейший период истории Ирана стал изучаться сравнительно недавно. Здесь ведущими являются работы таких авторов, как Ж. де Морган, Э. Герцфельд, Орель Стин и некоторых других¹. Особо следует отметить книгу G. G. Cameron «A history of Early Iran» (Chicago, 1938), касающуюся главным образом истории Элама и построенную на месопотамских и эламских клинописных источниках.

Давно привлекала к себе внимание история ахеменидского Ирана, включённая, как известно, в систему не только университетского, но и школьного преподавания истории древнего мира. По этому периоду существует обширнейшая литература; его можно считать, пожалуй, наиболее разработанным из всех периодов древней и средневековой истории Ирана. В любой сводной работе по истории Древнего Востока найдётся глава, посвящённая Ахеменидам (назовём хотя бы «Cambridge Ancient History»).

Значительно хуже дело обстоит со следующими периодами: эллинистическим и парфянским. Здесь можно назвать лишь очень немногие работы. До сих пор не потеряла своего значения книга А. Гутшмида, вышедшая в 1888 г. и явившаяся первым научным очерком истории античного Ирана². Из работ последних лет необходимо отметить книгу К. Юара³, статьи М. Ростовцева и В. В. Тарна в «Cambridge Ancient History» и большую монографию В. В. Тарна, посвящённую судьбам эллинизма на Крайнем Востоке иранского мира⁴. Специально Парфии посвящена добросовестная работа Н. Дибвойза «Политическая история Парфии»⁵.

По сасанидскому периоду сохраняют своё значение работы Т. Нёльдеке, особенно его перевод хроники Табары с обширным комментарием (1879). Из новых работ следует назвать многочисленные работы датского исследователя А. Кристенсена, особенно его последнюю монументальную книгу «Иран при Сасанидах» (1936)⁶.

Ещё хуже, пожалуй, обстоит дело со средневековой и новой историей Ирана. Из общих работ можно назвать только совершенно устаревшую и не отвечающую современным научным требованиям книгу А. Мюллера «История ислама»⁷.

В ней большая часть посвящена Ирану. В книге собран большой фактический материал, но и он не всегда достоверен. Хороший, но краткий обзор исторических событий даётся по ходу изложения в четырёхтомной истории персидской литературы Э. Дж. Брауна⁸.

Разумеется, по всем разделам истории Ирана имеется множество отдельных статей в специальных журналах, есть монографии по частным вопросам, но многие из них не всегда доступны и специалисту.

На русском языке, кроме упоминавшейся переводной книги Мюллера да статей в энциклопедиях, не было общих очерков истории Ирана. Из отдельных разделов самостоятельной разработки подвергся только ахеменидский период в работе Б. А. Тураева «История Древнего Востока».

Особое место в русской дореволюционной исторической литературе занимала прекрасная книга акад. В. Бартольда «Историко-географический обзор Ирана» (1903), однако она по своим задачам не является связным изложением исторических судеб Ирана, а рассматривает историческую географию страны по областям, лишь попутно сообщая ряд ценных исторических сведений.

В советский период несмотря на всё растущий интерес к вопросам истории Востока мы всё же видим мало работ, посвящённых истории Ирана.

Из общих очерков выделяется работа В. Бартольда «Иран» (Ташкент, 1926), но она очень сжата и носит характер главным образом историографического и источниковедческого очерка. Являясь неоценимым пособием для всякого, кто желает работать над историей Ирана, она всё же не может восполнить ощущаемого пробела. Вышедшая в 1925 г. книжка В. Гурко-Кражина «Краткая история Персии» конспективна и несамостоятельна.

Сжатые очерки истории средневекового Ирана дают В. Захлер в «Истории восточного средневековья» (М. 1944) и Е. Беляев в своих лекциях, читанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) (М. 1941).

Несомненно, большим вкладом в советскую историческую науку явился вышедший в 1940 г. учебник по истории колониальных и зависимых стран под редакцией С. Ростовского, И. Рейснера, С. Кара-Мурзы, Б. Рубцова, доведённый до конца первой мировой войны. Главы по истории Ирана при Каджарах (1794—1918) принадлежат в нём М. Иванову и Г. Н. Ильинскому, а главы по истории Афганистана—И. М. Рейснеру.

Справочный материал имеется в энциклопедиях и в специальных справочниках; воле «Страны Ближнего и Среднего Востока» (М. 1944).

⁷ Müller A. «Der Islam im Morgen- und Abendlande». Bd. I—IV. Есть малоудовлетворительный русский перевод под ред. Н. А. Медникова.

⁸ Browne E. «A literary history of Persia». Vols. I—II. «The Persian Literature under the Tartar dominion».

¹ Особенно последние работы: Herzfeld E. «An archaeological history of Iran». London, 1936; «Iran in the Ancient East». New York, 1941.

² Gutschmid A., v. «Geschichte Irans und seine Nachbarländer». Tübingen, 1888.

³ Huart C. «La Perse antique et la civilisation iranienne». Paris, 1925. Есть английское издание.

⁴ Tarn W. «Greeks in Bactria and India». 1938. См. рецензию С. П. Толстова в журнале «Вестник древней истории» № 1 за 1941 год.

⁵ Debevoise N. «A political history of Parthia». Chicago, 1938.

⁶ Kristensen A. «L'Iran sous les Sassanides». Copenhagen, 1936.

Однако, несмотря на наличие всей этой литературы, у нас до сих пор нет мало-мальски подробной и полной истории Ирана. Советский читатель, заинтересовавшийся Ираном, принуждён прибегать к помощи статей по отдельным вопросам, помещаемых в специальных изданиях.

Таких работ появилось за последние годы много. Упомянем здесь имена советских исследователей В. В. Струве (Древний Иран), К. В. Тревера (Эллинизм в Иране), И. А. Орбели, К. В. Тревера, А. Я. Борисова и Н. В. Пигулевскую (Сасаниды), А. Ю. Якубовского, И. П. Петрушевского, Б. Н. Заходера, А. Н. Болдырева, А. М. Беленицкого, А. Али-заде (Средневековый Иран), И. М. Рейснера, М. С. Иванова, Г. М. Петрова (Новый Иран). За годы Отечественной войны появился ряд ценных статей по новейшей истории Ирана: Н. Волина, В. Минаява, Г. Гельбраса и др.

Написание истории такой страны, как Иран, активно участвовавшей в мировых событиях в течение многих веков, — дело нелёгкое, и вряд ли оно под силу одному человеку, особенно если учесть разнообразие и многоязычность источников. Однако юнни, наконец, должен быть сделан.

Мои занятия в области главным образом истории древнего и средневекового Ирана привели меня к убеждению в необходимости и своевременности написания большой истории Ирана, составленной по первоисточникам, с учётом всей современной литературы, но не перегруженной аппаратом и доступной широким кругам советской интеллигенции.

Сейчас мною закончен первый том «Истории Ирана». Он охватывает историю Ирана с древнейших времён, с доклассового общества до победы в Иране при Сасанидах феодального уклада и завоевания Ирана арабами в VII в. нашей эры.

Этот том состоит из введения и трёх частей. В конце приложены: хронологическая таблица, династийные таблицы и подробная библиография. В введении даётся краткая характеристика исторических судеб Ирана, значения иранской культуры, связей Ирана с народами Советского Союза. Затем даётся определение термина «Иран» как понятия географического и политического, а также краткий источниковедческий очерк. Наибольшее внимание уделено тем периодам истории Ирана и тем категориям источников, о которых читателю трудно было бы найти данные в советской исторической литературе.

Основной текст книги разделён на три части. Первая часть — древнейший Иран. В ней излагается история доклассового общества, возникновение классового общества в Западном и Восточном Иране, история Мидийского и Ахеменидского царств до походов Александра Македонского. Изложение ведётся не одинаково подробно в различных частях. Так, возникновение классового общества, история Мидийского царства, восстание Гауматы, т. е. все мало разработанные разделы, где проводятся новые точки зрения, даны подробнее, а такие главы, как посвящённая греко-персидским войнам, даны бо-

лее общо, так как они могут считаться известными читателю по курсам истории древнего мира.

Остановлюсь на некоторых сторонах или мало разработанных вопросах, затронутых мной в первой части и представляющих наибольший интерес. Таким, несомненно, является вопрос о доклассовом обществе Ирана и вопрос об этногенезе иранцев. Достаточным материалом для окончательного решения этих важных и трудных вопросов мы ещё не обладаем. Раскопки доклассовых поселений на территории Ирана начались всего лишь двадцать лет назад, и материал, собранный ими, недостаточен по количеству, а кроме того и не всегда достоверен ввиду применения собирателями недостаточно тщательных и научных методов работы. Однако здесь существенную помощь оказывают нам последние раскопки советских археологов в Средней Азии, давшие не только аналогичный материал, но и научное обобщение этого материала. Наиболее важными являются работы С. П. Толстова, посвящённые открытым им тазабагыбской и кельтеминарской культурам древнего Хорезма, а также его статьи по общетеоретическим вопросам¹.

Сопоставление материалов раскопок, произведённых на территории Ирана, с результатами работ советских археологов позволяет всё же дать предварительный очерк развития доклассового общества в Иране. Существенным подспорьем в этом деле является последняя, весьма интересная книга Э. Герцфельда «Iran in the Ancient East», где опубликованы результаты многолетних работ автора. Однако многие теоретические построения Герцфельда могут быть приняты лишь с большой осторожностью, а некоторые и вовсе неприемлемы. Особенно это касается проблемы этногенеза иранцев, где Герцфельд, несмотря на свои передовые научные взгляды и жизненный опыт, находится в плену у реакционных расовых и миграционных теорий. Вопрос о генезисе индоевропейцев и, в частности, иранцев — самый сложный вопрос, и не пришло ещё время дать на него исчерпывающий ответ, однако обойти его было нельзя. Поэтому я попытался, опираясь на высказывания Н. Я. Марра по этому поводу и на последние достижения советской науки, дать возможное решение этого вопроса². Согласно теории Марра, человеческая речь проходит последовательно ряд стадий, соответствующих

¹ См. Толстов С. «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах». «Известия ГАИМК», вып. 103, 1934 г.; «Военная демократия и проблема генетической революции». «ПИДО» № 7—8 за 1935 г.; «Основные вопросы древней истории Средней Азии». «ВДИ» № 1—2 за 1938 г.; «Древнехорезмийские памятники Каракаллакии». «ВДИ» № 3 за 1939 г.; особенно — «Древний Хорезм» (докторская диссертация, находящаяся в печати). См. также работы А. Н. Бернштама.

² Ср. доклад С. П. Толстова в Институте этнографии АН СССР, октябрь 1944 года.

этапам развития человеческого мышления... И индоевропейские языки не восходят к воображаемому, грамматически сложному, никем не засвидетельствованному общему праязыку, а выростали постепенно и, может быть, на обширной территории, из языков стадиально более ранних систем. В XV в. до нашей эры в Северной Месопотамии и на западных окраинах Ирана мы, возможно, и наблюдаем рождение индоевропейских языков из старой подосновы. В Иран новые языки просачивались постепенно, в течение многих веков, встречая там аналогичные глоттогенетические процессы и продолжая их.

В расовом отношении население древнего Ирана, как и современного, состояло из представителей так называемых арменоидной и средиземноморской рас и различных промежуточных типов, образовавшихся в результате их скрещения. В отношении же языковом с середины II тысячелетия и по начало IX в. до нашей эры у нас вообще нет никаких данных о существовании в Иране племён, говоривших на индоевропейских языках. Только с появлением на исторической арене мидян и персов, упоминаемых в ассирийских анналах IX в., мы можем говорить об арийцах в стране, которая до сих пор носит их имя (Иран — Айриана, страна ариев).

Фашистская лженаука извратила этот термин, осквернила его своим прикосновением, начав употреблять его для обозначения измышленной ею «высшей расы».

Далее мной рассматривается процесс сложения классового общества в Западном Иране и создания первого иранского государства — Мидийского (IX—VI вв. до нашей эры). Состояние Ирана в IX в. до нашей эры, во всяком случае его западных областей, рисуют клинописные источники, говорящие о походах ассирийских царей на восток. Эти же источники дают нам некоторые сведения об общественном строе древних иранских племён, что в сочетании с данными Авесты составит довольно яркую картину. Далее при описании начальных судеб Мидийского царства в качестве источника привлекается и Геродот в сочетании с данными клинописных источников. Таким образом, прослеживается путь от разрозненных мидийских племён, возглавляемых племенными вождями — бел-али — и находящихся на последней стадии варварства, через конфедерацию племён к примитивному государству типа восточной деспотии.

Картина сложения классового общества в Иране была бы неполной, если бы мы не рассмотрели общества Восточного Ирана, как оно рисуется по данным древнейших частей священной книги зороастрийцев Авесты. Это совершенно необходимо для понимания черт общности и различия между Восточным и Западным Ираном, а также целого ряда явлений внутренней жизни Ахеменидского Ирана. Для выяснения этого вопроса необходим был анализ социальных терминов древнейших частей Авесты. Особо разбирается вопрос о магах — мидийском племени, ставшем позднее жреческой организацией, а затем — кастой. Это также необходимо для понимания дальнейших собы-

тий, в частности восстания мага Гауматы. На основании анализа социальных терминов удаётся установить, что общественные отношения на востоке иранского мира в VIII—IX вв. до нашей эры (предполагаемая дата древнейших частей Авесты) были весьма сходны с мидийскими накануне создания Мидийского царства. В частности можно утверждать, что термин «бел-али», употребляющийся в ассирийских источниках, является переводом иранского «виспати», известного нам по Авесте. Что же касается спорного вопроса о характере древнейшей иранской религии и о личности Заратустры, то я отношусь резко отрицательно к выдвинутой Хертелем одно время бывшей очень модной теории об историчности Заратустры и о том, что он был сподвижником и идейным вдохновителем царя Дария¹. Эта теория, по существу, реакционна.

Что касается личности самого Заратустры, то древнеперсидские тексты о нём вообще не упоминают, равным образом и Геродот, что же касается других греческих авторов, то они начиная с Ксанфа единогласно относят время его жизни к баснословной древности, к эпохе до основания персидской державы. В качестве страны, где он жил, называют обычно Бактрию или равнинную Мидию (и под влиянием преобладания там в позднейшее время религии магов — Атропатену — горную Мидию). Покровителя Заратустры — Виштаспу, которого Харес Митиленский, например, называет царём «нижней Мидии», — эти источники не смешивают с известным Виштаспой, отцом персидского царя Дария I. Всё это свидетельствует о том, что движение магов зародилось в Восточной Индии и Бактрии задолго до создания Ахеменидской державы; историческое же существование Заратустры может быть подвергнуто серьёзному сомнению.

К этой важной теме приходится возвращаться ещё не раз на протяжении всей работы.

Нет нужды подробно останавливаться на изложении первоначальной истории Ахеменидов. Достаточно сказать, что в основу характеристики государства Кира положено известное замечание И. В. Сталина: «Несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племён и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»².

Страны Древнего Востока — Вавилония, Сирия, Финикия, Лидия — приносили Персии значительно больше дохода, чем все остальные, вместе взятые. Объединялись они стремлением известных групп в этих передовых по экономическому развитию странах к созданию единства, прежде всего в интересах торговли, отчасти же для защиты своих

¹ См. Hertel J. «Die Zeit Zoroasters». Leipzig 1924, и другие его работы.

² И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 4. Партиздат. 1934.

классовых и групповых интересов в борьбе, происходившей внутри каждой из этих стран.

Такой группой являлась рабовладельческая и торгово-ростовщическая верхушка экономических центров Переднего Востока. Персы, а отчасти и мидяне были господствующей, паразитической народностью, не принимавшей почти никакого участия в производительной деятельности, что, между прочим, с большой ясностью выступает из строительной надписи из Суз, изданной в 1929 г. Шейлем. В этой надписи перечисляются все народы, принимавшие участие в строительстве царского дворца, и отмечается характер выполненных ими работ. Персы в этом перечне отсутствуют. Рядовые персы, состоя в армии и в государственном аппарате, будучи освобождены от общественных работ и от уплаты податей, не были заинтересованы в борьбе против господства персидских царей, и мы имеем основание предполагать, что они почти всегда поддерживали царскую власть, хотя она и выражала, без сомнения, интересы знати.

Изложив события первых двух царствований, я перехожу к следующему важному вопросу, трактуемому мною по-новому, — восстанию магов и приходу к власти Дария. Это событие представляется мне существенным для понимания политики Дария и дальнейших судеб Ахеменидской державы, поэтому она изложена с достаточной подробностью. Это было тем более необходимо, что я не могу согласиться с распространённой в буржуазной науке теорией Хертеля.

Спор по данному вопросу сводится к следующему: Хертель (а за ним и Герцифельд) пытался обрисовать борьбу Дария с магами как борьбу новой, «этической» религии — зороастризма — со старыми, «языческими» верованиями магов. Согласно этой точке зрения, упоминаемый в Авесте покровитель Заратустры Виштаспа родственен с Виштаспой — отцом Дария. Таким образом, Заратустра превращается в современника и идейного вдохновителя всей деятельности Дария.

Моя аргументация, направленная против этой точки зрения, сводится к следующему: «Трудно видеть в борьбе против магов борьбу зороастризма со старыми, «языческими» верованиями магов. Из Геродота не видно, чтобы для религии персов был характерен тот дуализм, который типичен для Авесты (в частности для Гат); культ огня не занимал в их религии того центрального места, которое отводилось ему в позднейшем зороастризме, погребальные обряды персов, в отличие от погребальных обрядов магов, не соответствуют установлениям Авесты... Не доказано, что вера магов в чём-либо существенном отличалась от веры Дария и персов, и если маги были представителями и жрецами религии, прямо противоположной зороастризму, то невозможно объяснить, каким образом они впоследствии стали руководителями и жрецами именно этой новой религии. Иное дело, если признать, что существенной разницы между религиозными верованиями Дария и магов не было и мы имеем здесь дело с предзороастрийскими течениями, ещё не оформившимися в догма-

тическую религию, но уже связанными — в обоих случаях или только в одном из них — с традицией Заратустры и с учением Гат. Дело не в религиозной, а в сложной и не всегда ещё ясной нам политической борьбе.

Можно думать, что маги стремились к возвращению к старым, патриархальным мидийским порядкам доахеменидского времени. Трудно также связать с Дарием и Заратустру. Самым же главным доводом в пользу той точки зрения, что Заратустра не имел и не мог иметь никакого отношения к деятельности Дария, является то соображение, что Гаты, авторство которых приписывается Заратустре, рисуют картину общества, ещё очень архаического, близкого к доастиаговской Мидии, а не к Ахеменидской Персии.

Что же касается отношения к народу как магов, так и Дария, то мне думается, что «кара» — народ-войско — имел в Иране слишком большое значение, чтобы какая бы то ни было власть могла удержаться, не обеспечив себе его поддержки. И царевич Дарий с окружавшей его персидской военной и чиновной знатью, и маги, отражавшие, вероятно, интересы более отсталой иранской патриархальной знати, стремились каждый по-своему привлечь народ на свою сторону.

Я уделил в своей работе много места вопросам истории культуры, стараясь подчеркнуть, что Ахеменидская держава явилась наследницей старых культур Передней Азии. Недаром политический и экономический центр государства находился в Месопотамии и Сирии. Всё это в значительной степени и определило характер культуры Ахеменидской державы. Однако царство Ахеменидов впервые в истории включило в свой состав большую часть известного тогда культурного мира. Это было государство, составленное «из разных племён и рас» (С т а л и н), причём эти племена находились на самых разных ступенях общественного развития. Это определило и гибридный, смешанный характер всей культуры Ахеменидской державы. Воспользовавшись достижениями старой культуры в области сельского хозяйства, ремесла, строительного дела, религии, письменности, искусства, Ахемениды создавали, главным образом руками покорённых народов, новую культуру, где старые элементы были слиты воедино и переработаны по-новому.

Далее, я рассматриваю земледелие, ремесла, торговлю, характер поселений. Суммируя уже сказанное выше, я даю краткую характеристику государственного аппарата и администрации Ахеменидов, а также их религиозной политики. В тесной связи с перечисленными темами стоит и вопрос об ахеменидской письменности, также рассмотренный в этой главе.

Архитектура как ведущий вид искусства в древности, естественно, привлекает наше внимание и при изучении культуры Ахеменидского Ирана. Особенно подробно мной разбираются памятники Персеполя как наиболее характерные. Широко привлечены данные строительной надписи из Суз. Кро-

ме того рассматриваются и другие виды искусств и особенно скульптура.

Вторая часть работы — «Эллинизм и Парфия» — представляла, пожалуй, наибольшие затруднения для автора, потому что этот период истории Ирана наименее разработан, а источники по нему чрезвычайно скудны и не отвечают на основные вопросы.

Самая трудная и до сих пор ещё не решённая советской наукой проблема состоит в том, как определить характер общественного строя в Парфянском царстве. По отношению к Древнему Востоку в советской науке существует почти полное единодушие; подавляющее большинство специалистов считает, что мы имеем здесь дело со своеобразной равновидностью рабовладельческого общества, однако по отношению к более позднему времени, начиная примерно с III в. до нашей эры, единство взглядов далеко ещё не достигнуто. Если проф. С. П. Толстов считает рабовладельческим общество Средней Азии вплоть до арабского завоевания (VIII в. нашей эры)¹, если акад. С. Джанашия придерживается той же точки зрения по отношению к древней Грузии², то акад. Я. Манандян считает феодальной Армению с I в. до нашей эры³.

Такие серьёзные разногласия у ведущих представителей советского востоковедения объясняются прежде всего скудостью и неясностью источников. За последние годы огромные успехи сделала советская археология в Средней Азии и на Кавказе, и решающее слово в этом споре, повидимому, будет за ней. Пока же нам часто приходится судить о базисных явлениях по надстроеным, лучше нам известным.

Всё это заставило меня быть чрезвычайно осторожным в своих суждениях, особенно в связи с тем, что задуманная мной работа пишется не только для специалистов.

Другим вопросом, имеющим кардинальное значение для рассматриваемого периода, является вопрос о значении и последствиях завоеваний Александра, о причине успехов этих завоеваний, о степени и характере эллинизации Ирана.

Фактическая сторона завоеваний Александра достаточно хорошо известна, и на ней можно подробно не останавливаться. Несколько подробнее разбирается завоевание Александром Средней Азии как потому, что это яркая страница из прошлого нашей родины, так и потому, что эти события показывают нам, какие силы противостояли Александру в Азии.

Значительно важнее было дать характеристику политики Александра по отношению к покорённым народам, особенно в Передней Азии, сводившейся к попыткам слия-

ния греков и македонцев с местным населением в одну народность.

Смерть Александра повлекла за собой не только распадение его огромной державы, но и крушение его планов создания единой народности.

Для правильного понимания дальнейших процессов, приведших к столь быстрой эллинизации Ирана, сменявшейся затем туземной реакцией, необходим анализ существования селевкидской власти в Иране.

Решающей здесь, по моему мнению, является судьба греческого города-полиса в Азии и, в частности, в Иране. Полемизуя с Тарном, считающим, что «азиатов привлекали греческие формы городской жизни», но что «Азия брала форму, но не дух», я пишу: «Нам кажется, что самый факт широкого распространения античных городских институтов среди местного населения говорит о том, что общественная жизнь и социальные условия в городах Ирана с негреческим населением настолько близко подходили к античным, что разработанные и установившиеся греческие формы народной жизни явились вполне подходящими и соответствующими существующей экономической и социальной базе. Это является ещё лишним подтверждением мысли о господстве античного способа производства в развитых культурных областях Передней Азии и Ирана в интересующий нас период».

Подчёркивая, далее, полную необоснованность господствующих сейчас в буржуазной науке взглядов на селевкидское и парфянское общества как на феодальные (Тарн, Ростовцев), я пишу: «Античного типа города с гречко-македонским, малоазийским и иранским населением находились в сложном взаимодействии с окружающей их варварской стихией, с племенами земледельческими и кочевыми, стоявшими на разном уровне общественного развития, но во всяком случае на стадии общинно-родового строя... На этой общинно-рабовладельческой базе и была воздвигнута государственная постройка Селевкидской державы».

Дав характеристику Селевкидской державы и коснувшись основных событий III—II веков до нашей эры, я останавливаюсь на интереснейшей проблеме Греко-Бактрийского царства. Ему посвящена богатая литература. В буржуазной науке о нём написаны десятки работ, начиная ещё с трудов Байера и Дегиня (XVIII в.). В XIX в. Греко-Бактрии и кочевникам Средней Азии посвящено было немало работ выдающихся учёных: Лассена, Томашека и особенно Гутшмида, сочинения которого сохранили значение до наших дней. В XX в. новые раскопки, открытие ряда среднеазиатских языков существенно продвинули работу в этой области. Последней, суммирующей книгой была уже упоминавшаяся работа В. Тарна. Однако новые сочинения по этому вопросу, особенно книга Тарна, несмотря на то что они выступают во всеоружии современной исследовательской техники, подкреплённые огромным арсеналом сведений и новых данных, не всегда способствуют разрешению этой сложной проблемы, так как подходят к ней с предвзятыми теоретиче-

¹ См. Толстов С. «Основные вопросы древней истории Средней Азии». «ВДИ» № 1—2 за 1938 г. и другие его работы.

² См. Джанашия С. «Археологические изыскания в Грузии». «Правда» от 12 января 1945 года.

³ См. Манандян Я. «Тигран II и Рим». «Феодализм в древней Армении» и другие работы.

скими построениями. Кроме того эти сочинения игнорируют работы советских археологов и историков Средней Азии, в то время как ими достигнуты большие успехи в решении ряда вопросов древней истории Средней Азии. Судьбы Греко-Бактрийского царства и поглотивших его кочевников освещены в работах К. В. Тревера¹ и особенно С. П. Толстова², выводами которых я в основном и пользовался в этой главе. Я рассматривал борьбу среднеазиатских варваров как последний этап борьбы иранских и среднеазиатских племён с иноземными завоевателями, как антиэллинистическое движение ещё живых родоплеменных организаций, направленных не только и не столько против эллинистической культуры, в значительной степени усвоенной и своеобразно переработанной местным населением, а против гнёта чужестранцев и привитых ими форм эксплуатации.

В этой связи становится понятнее и сложение могущественной Парфянской державы. Внешние сношения Парфии с другими державами, особенно её военная и дипломатическая борьба с Римом, достаточно хорошо известны; значительно хуже обстоит дело с внутренней жизнью Парфянского царства. Но всё же мы можем предполагать, что и в Парфянском царстве, особенно в его западных областях, важнейших и решающих в политическом и хозяйственном отношениях, существовал рабовладельческий уклад. Кризис рабовладельческой системы несомненно, затронул и Парфию. Процесс этот на Востоке развивался с давних пор и к III в. зашёл дальше, чем в Римской империи.

Косвенным доказательством этому является успех догматической религии — зороастризма — уже во II в. нашей эры. Кроме того чрезвычайно характерна и может быть поставлена в связь с этим начавшаяся с I в. реакция против эллинистического влияния.

В результате этого общего кризиса и вырезания внутри общества новых социальных форм мы наблюдаем упадок Парфянского царства, бессилие центральной власти и нарождение на территории огромного государства почти совершенно самостоятельных варварских княжеств.

Заключительная глава, посвящённая вопросам эллинистической культуры в Иране и связям её с культурой парфянской, представляла для автора большие трудности. Прежде всего следовало дать ясный ответ на вопрос о социальной структуре эллинистического и парфянского Ирана, и только тогда можно было обращаться к явлениям материальной и духовной культуры. Я пользовался следующей рабочей гипотезой, вполне понимая её условность и недоказанность

¹ См. Тревер К. «Памятники греко-бактрийского искусства». Л. 1940.

² См. Толстов С. «Основные вопросы древней истории Средней Азии», его же. Рецензия на книгу В. В. Тарна в «ВДИ» № 3 — 4 за 1940 год. Точка зрения Толстова подробно изложена в его работе «Древний Хорезм».

и, пожалуй, недоказуемость, пока у нас не будет новых данных, которые нам смогут дать археологические раскопки и находки новых документов и эпиграфических памятников.

Глубоко ошибочна точка зрения, распространённая сейчас в буржуазной науке, считающая иранское общество ахеменидского и эллинистического времени феодальным. Эта точка зрения основывается на чисто формальном отношении к некоторым явлениям, внешне напоминающим явления, характерные для феодального общества, и, что ещё важнее, — на совершенно чуждом нам понимании феодализма не как системы производственных отношений, а как совокупности определённых политических институтов. Как уже указывал С. П. Толстов, «в этом вопросе в литературе капиталистических стран господствует недопустимое смешение пережиточных категорий первобытно-общинного строя... с категориями феодального общества»³.

В эллинистическом Иране мы встречаемся с самыми разнообразными общественными укладами. Эллинистические города были типичными рабовладельческими полисами, мало чем отличавшимися от таких городов эллинистического Востока, как Александрия в Египте или Антиохия на Оронте. Это положение полностью подтверждается данными раскопок в Дуре-Европе на Ефрате. Система военных поселений — катойкой — также была аналогична таким же поселениям в Птоломеевском Египте, Пергаме, Селевкидской Малой Азии. Вавилония была страной старого рабовладения, и нет основания предполагать, что в эллинистический и парфянский периоды там что-нибудь изменилось. В самом же Иране мы имеем дело с обществом, находящимся на разных ступенях развития в разных районах страны, от господства материнского рода через различные оттенки общинно-родового строя до полусамостоятельных варварских княжеств, где пережитки родового строя ещё очень сильны, но основой производства является труд рабов и полурабов клиентов-кедиверов⁴.

Мне думается, что значительные успехи эллинизма в Иране, наложившего отпечаток на всю иранскую культуру на многие годы, придавшего своеобразную окраску и культуре парфянского периода, объясняются прежде всего тем, что основанная на рабском труде эллинистическая культура попадала в Иране в аналогичные условия, она не была чуждой по своему типу.

Начинающееся же с I в. нашей эры антиэллинистическое движение, своеобразная варваризация, проявляющаяся во всех сферах жизни, обозначает, на мой взгляд,

³ Толстов С. Рецензия на книгу Тарна в «ВДИ» № 3—4 за 1940 г., стр. 200, а также его работа «Военная демократия и проблемы генетической революции». «ПИДО» № 7—8 за 1935 г., стр. 202 и др.

⁴ Теория общинно-рабовладельческого строя Средней Азии подробно и убедительно разработана Толстовым в упоминавшихся выше работах.

начало медленного процесса феодализации, начавшегося на Востоке раньше, чем на Западе, но затянувшегося на многие века. В Иране победа феодального уклада может считаться окончательной только после подавления движения маздакитов (VI в.), а в Средней Азии этот процесс затянулся примерно до VIII—IX веков.

Для краткий обзор основных линий развития общества в Иране и прилегающих странах в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры, можно приступить к описанию конкретных явлений материальной и духовной культуры Ирана этой поры, опираясь на скудные свидетельства письменных источников и на умножающиеся с каждым годом данные археологии.

Победа персидской династии Сасанидов над парфянскими Аршакидами рассматривается мной как победа феодализирующих тенденций в иранском обществе. Характерно, что новая династия, сумевшая объединить весь Иран, вышла из области, менее других подвергшейся эллинизации и сохранившей местные традиции. Нужно отметить, что Сасанидам сразу же удалось нанести ряд серьёзных поражений Риму, в то время как в течение предшествующих ста лет парфяне терпели непрерывные поражения. Всё это, конечно, не значит, что мы с самого начала Сасанидского периода имеем дело со сложившимися феодальными отношениями. Феодализация — это лишь господствующая тенденция развития. Основные стремления феодализирующейся родоплеменной знати состоят в том, чтобы, во-первых, закабалить свободного общинника-земледельца и, во-вторых, избавиться от опеки царской власти. Первое повлекло за собой крестьянскую войну конца VI — начала VII в., а второе вызвало ожесточённую борьбу знати с царём, особенно обострившуюся при Ездегерде I и продолжавшуюся, то затихая, то снова разгораясь, до самого арабского завоевания. Крестьянское движение было подавлено, свободный общинник закабалён. Знать, испуганная размахом крестьянской войны, пошла на компромисс с царём, но два основных противоречия Сасанидского Ирана — между феодализирующейся знатью и закабалённым крестьянством, между центристской силой царской власти и центробежными стремлениями знати — привели к ослаблению государства и облегчили задачу арабам-завоевателям.

В IV в. решающее значение для Сасанидского государства имели царствование Шапура I и первые победы над римлянами. IV век проходит под знаком всё большего укрепления Сасанидского государства. Борьба с Римской империей принимает всё более сложные формы. IV век для всего Средиземноморья был веком важных социальных сдвигов. Уже реформы Диоклетиана закрепили и узаконили фактическое распадение империи. В царствование Константина христианство становится господствующей государственной религией Римской империи, центр государства переносится на восток. Победа христианства, создание могущественной организации — церкви, поставленной на службу государству, — всё это

внешние проявления сложных внутренних процессов, ведших, в конечном счёте, к победе феодального строя.

Во взаимоотношениях двух величайших держав того времени появляются новые факторы, порождающие новые формы борьбы. В центре внимания оказывается трагическая судьба Армении, раздираемой на части могущественными соседями.

V век был ознаменован внутренней борьбой между царём и родоплеменной знатью, презращавшейся в феодалов — духовных и светских, — борьбой, происходившей на фоне больших социальных движений, народных восстаний потрясших в конце V в. самые основы Сасанидской державы. Раздираемое внутренними противоречиями Сасанидское государство подверглось кроме того и жестокому ударам внешнего врага — кочевников Средней Азии.

Прежде чем приступить к рассмотрению переломного момента в истории Ирана — маздакитского движения и реформ Хосроя I, — необходимо было остановиться на внутренней структуре Сасанидского государства, что значительно облегчает понимание дальнейшего хода событий. Я делаю попытку дать краткую характеристику классовой структуры иранского общества V в., его сословного деления. Далее разбирается административный аппарат в центре и на местах.

В условиях нарождающегося феодализма роль религии в системе государства была исключительно велика. Поэтому необходимо знать не только организацию зороастрийской церкви, но и основы зороастрийской догматики, тем более что все народные движения, направленные против государства и церкви, принимали характер религиозного протестантизма, выливались в еретические учения. Потому-то все религиозно-философские учения, направленные против официального зороастризма, должны привлечь наше внимание. Я даю анализ двух таких учений: манихейства и вышедшего из него более радикального маздакизма.

Манихейство, по мысли создателя этого учения, должно было явиться всеобщей универсальной религией и заменить собой все существующие вероучения. Поэтому-то Мани так свободно черпал образы и внешние формы из известных ему религий, прежде всего — зороастризма, а затем христианства и буддизма.

Изложив основы манихейского вероучения, сказав несколько слов об областях его распространения, о его дальнейших судьбах, о преследованиях, которым он подвергался со стороны не только зороастризма, но и христианства, я даю анализ социальной природы манихейства, выдвигая положение, что учение манихеев, направленное против государства и угнетения, проповедовавшее высокие моральные идеалы, получило распространение главным образом среди городского населения — купечества и ремесленной верхушки — крупных экономических центров Средиземноморья и Передней Азии. Несколько иной характер принимает восточное манихейство, но и там проводниками его были, повидимому, купцы.

Сопротивление государству и официальной религии со стороны манихейства было пассивным, но из того же манихейства вышло учение, проповедовавшее уже активную борьбу со злом мира и в первую очередь с государством и его институтами — церковью, семьёй, собственностью. Рассказав об особенностях догматики радикального крыла манихейства, я пишу: «Это учение стало знаменем широкого народного движения, развернувшегося в Иране в конце пятого века, движения, получившего название маздакитского, по имени его руководителя Маздака. Маздак сумел использовать это учение в целях борьбы со слагающимся феодальным государством. Религиозно-философская и морально-этическая сторона учения, повидимому, мало интересовала Маздака, здесь он довольствовался разнообразием манихейского учения. На первый план в маздакитском движении выступают политические лозунги, политические требования».

Носитель мирового зла это прежде всего — феодальное государство, а конкретным проявлением зла является неравенство людей, социальное и имущественное. Оно в первую очередь должно быть уничтожено. Таким образом, маздакизм уже не пассивное религиозно-нравственное учение, а движение, направленное против самых жизненных, самых важных устоев государства. Кроме того маздакизм был движением широко демократическим, по преимуществу крестьянским, недаром даже писавший по-арабски средневековый историк Табари (умер в 923 г.) называет Маздака «апостолом Зардушта у простого народа».

Большой интерес представляет проблема взаимоотношений царя Кавада и маздакитов. Вопрос о мотивах, заставивших Кавада поддержать маздакитов, давно интересовал историков. Ещё арабские и персидские писатели средневековья пытались его разрешить. В современной науке существуют разные точки зрения. Один из наиболее известных исследователей сасанидского периода — датчанин А. Кристенсен — считает, что Кавад искренно перешёл на сторону маздакитов, что он был их идейным сторонником¹. Другую точку зрения высказал ещё в 1879 г., опираясь на авторитет такого крупного исследователя, как А. Гутшмид, Теодор Нёльдеке, который в своих замечательных комментариях к переводу сасанидской части арабской хроники Табари писал: «Союз Кавада с новой сектой... может быть вряд ли объяснён иначе, как желанием нанести чувствительнейший удар могущественной знати, её родовой чести, родовым связям и её имуществу. Кроме того при помощи народного учения он выбивал почву из-под ног теснейшим образом связанного со знатью духовенства»². Анализ всех событий царствования Кавада полностью подтверждает глубокое и исторически правильное

толкование А. Гутшмида и Т. Нёльдеке и разбивает идеалистическую концепцию А. Кристенсиена. Понять позицию Кавада можно только, учитывая сложное сплетение двух противоречий, о которых речь шла выше. На первом этапе деятельности Кавада основным его врагом была знать, и он не остановился ни перед какими средствами, чтобы сломить её сопротивление. Однако царь прекрасно понимал, какие опасности несёт маздакитское движение, и в конце концов разгромил его.

Маздакизм не мог быть истреблён окончательно. Он ушёл в подполье, но долго ещё жил среди народа. Маздакитские лозунги надолго оставались знаменем борьбы против угнетателей, и такие движения, как восстание Мукадды в Средней Азии (конец VIII в.) и восстание Бабека на Кавказе (начало IX в.), несомненно, несли в себе элементы маздакизма. Поражение маздакитов знаменовало собой окончательную победу феодального строя в Иране. Процесс феодализации, начавшийся ещё в парфянский период и бурно развивавшийся с приходом к власти Сасанидов, привёл к окончательной победе класса феодалов, разгромивших крестьянство и завершивших к середине VI в. его закабаление, закрепив свою победу реформами царя Хосроя I. Слабость движения маздакитов заключалась в том, что они ничего не могли противопоставить феодальной системе. Потребительский коммунизм маздакитов невольно уводил их назад, к институтам родового строя, всё к той же общине, из которой выхода не было. Мужественная и глубоко принципиальная борьба с угнетателями не приводила к созданию нового общественного строя, так как в обществе не было тогда той силы, которая могла бы его переделать.

После разгрома маздакитов господствующий класс стремится закрепить за собой завоеванное, и в этом свете следует рассматривать реформы Хосроя как последний акт маздакитской трагедии. Реформы эти имеют явно выраженный феодальный характер, несмотря на ряд мероприятий, проведенных царём с целью усиления центрального правительства и ограничения произвола знати. Борьба против сепаратистских тенденций отдельных представителей знати, особенно крупной, Хосрой отстаивал интересы класса в целом. Это было прекрасно осознано ещё средневековой иранской феодальной исторической традицией, давшей Хосрою прозвище «Справедливый» и прославившей его в веках как идеального монарха. Заканчивается глава описанием внешних событий царствования Хосроя.

Казалось, Сасанидское государство достигло при Хосрое I наивысшего могущества. Нелюбимая знать была обескровлена и обуздана, маздакиты разгромлены. Экономические мероприятия упорядочили поступление налогов, а реорганизованное войско успешно боролось с внешними врагами. Однако потрясения конца V в. были настолько велики, что Сасанидское царство не смогло от них оправиться. Восстания Чобена и Аспахбадов являются достаточным показателем слабости государства.

¹ Kristensen A. «L'Iran sous les Sasanides», p. 340. 1936.

² Nöldcke Th. «Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden», S. 461. 1879.

Эфемерные военные успехи Хосроя II заканчиваются страшной катастрофой.

После гибели Хосроя II в государстве воцарился полный хаос. Коррупция чиновничества и духовенства, сепаратизм знати — всё это сказалось теперь в полной мере. Народ был совершенно истощён. Плохое наблюдение за оросительной системой и сильные паводки на Тигре разрушили плотины, и Южную Месопотамию залило водой. В стране началась страшная эпидемия. Многие области отпали от Сасанидского государства и стали совершенно независимыми. То тут, то там появлялись претенденты на престол, «цари царей» менялись по нескольку раз в год. Когда правящей группировке удалось добиться некоторой

стабилизации положения, началось нашествие арабов. Это был конец Сасанидской державы. Подорванное внутренними распрями, неудачной войной с Византией, разрухой, эпидемиями, государство оказалось неспособным организовать оборону. А главное, народ, изнемогавший под тяжким игом, не желал поддерживать гниющее государство и, может быть, с надеждой смотрел на демократичных, организованных и смелых арабов.

Таковы основные черты задуманной мной и частично уже выполненной работы, которая должна рассматриваться как первая попытка написания общего очерка истории Ирана.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ГРЕКОВ Б. *Борьба Руси за создание своего государства*. Изд. Академии наук СССР. 1945.

Рецензируемая работа является вторым, значительно дополненным и переработанным изданием брошюры акад. Б. Д. Грекова, выпущенной впервые в свет в 1942 году. Эта брошюра привлекла к себе внимание советских историков и, насколько нам известно, получила большой отклик также среди историков зарубежных. Нужно всячески приветствовать появление второго издания этой брошюры, которая посвящена такому интересному вопросу, как происхождение Русского государства.

Работа акад. Грекова состоит, кроме предисловия автора, из пяти разделов. В первом разделе — «Два мира» — автор говорит о существовании на грани двух эр истории человечества двух миров: рабовладельческого, центром которого была Римская империя, — мира дряхлеющего и обречённого, и мира растущего, исполненного надежд на будущее, способного вдохнуть новую жизнь в старое, умирающее общество, состоявшего из так называемых варварских народов, ещё не изживших родового строя (германцы, армяне, иберы, народы Средней Азии). К этим народам акад. Греков относит и славян. Оба эти мира находились в непрекращавшейся борьбе между собой, которая в IV—V вв. привела рабовладельческий мир к катастрофе.

Во втором разделе — «Раннее средневековье и первые славянские государства» — автор устанавливает, что варварские народы, в том числе и славяне, штурмовавшие Римскую империю, создали свои государства, за которыми установилось общее название варварских государств. В этом разделе даётся и характеристика варварских государств, в частности характеристика их общественно-экономического и политического строя.

В третьем разделе — «На заре русской государственности» — акад. Греков подвергает решительной критике взгляды тех учёных, которые началом Русского государства считают так называемое призвание варягов. Он согласен со взглядами Ключевского об образовании некоторыми племенами восточного славянства военно-политического союза в Прикарпатье в VI веке. Этот союз, по мнению Б. Д. Грекова, является первой завязью Русского государства.

В четвёртом разделе — «Общественные отношения докиевского и раннекиевского периодов истории Руси» — автор показывает, что уровень общественно-экономического развития восточного славянства в IX—X вв. был уже настолько высок, что создались внутренние предпосылки для образования Русского государства, которое должно было

объединить все племена восточного славянства.

В последнем разделе, основном и самом обширном, акад. Б. Д. Греков рассказывает об образовании Киевского государства, рассматривая это образование как определённый итог исторического развития восточного славянства. В этом разделе автор на основе летописи и других древнейших источников о так называемом призвании варягов вскрывает действительный характер событий, связанных с появлением варяжских князей в Новгороде. По его мнению, дело шло не о призвании варягов для создания государства и управления им, а о приглашении одной из борющихся новгородских группировок наёмного отряда скандинавских воинов под предводительством их вождя Рюрика.

Случаи подобного призвания вспомогательного наёмного отряда из скандинавов известны и в дальнейшей истории Киевского государства. Варяги приглашались и Владимиром и сыном его Ярославом во время борьбы их со своими братьями. «Неудавшееся восстание новгородцев против Рюрика, обнаружившего намерение из предводителя наёмного отряда стать новгородским князем, дало Рюрику власть над новгородцами, а его преемник во главе новгородского войска занял Киев, превратив эту столицу самостоятельного до сих пор государства в центр своих объединённых владений» (стр. 50).

Так, автор совершенно по-новому решает так называемую варяжскую проблему. Это решение не поколебало его основного положения, что образование Киевского государства подготовлено внутренним развитием восточного славянства.

Далее, автор показывает рост и дальнейшее политическое развитие Киевского государства и его решающую роль в исторических судьбах Европы и Азии, роль, которая была уподоблена Марксом роли империи Карла Великого.

Таково содержание рецензируемой работы акад. Грекова.

Хотя автор рисует в небольшой брошюре огромное историческое полотно, начиная со времени существования Римской империи и кончая XII в., работа читается с огромным интересом и вниманием. В работе приводятся наиболее яркие и убедительные факты, с большим искусством сгруппированные её автором.

В рецензируемой работе акад. Греков подвёл итог своим многочисленным исследованиям о Киевском государстве, которые высоко оценены в советской исторической науке. Многие его положения, в частности об

образовании Русского государства, об общественно-экономическом строе Руси IX—XI вв. давно вошли в современный научный оборот. Особенно ценно, что акад. Греков сумел в популярной форме обобщить все наиболее важные достижения советской исторической науки в решении проблемы об образовании Русского государства и познакомиться с ними широкую читательскую массу.

В работе Б. Д. Грекова поставлены и новые проблемы, которые не были предметом предварительных специальных исследований. Такой проблемой является вопрос о начале государственности у восточного славянства. Как известно, в исторической науке уже давно отстаивался взгляд, что началом русской государственности являлось так называемое призвание варягов (862 г.).

Проф. М. Ф. Владимирский-Буданов взял на себя смелость утверждать, что время происхождения Русского государства должно быть отнесено к эпохе доисторической, что славянские племена ещё до начала летописных сказаний образовали княжения-земли и что князья-варяги застали готовый государственный строй.

Затем Ключевский решился считать началом русской истории не призвание варягов, а образование военно-политического союза славянских племён в Прикарпатье в VI веке.

Но ни проф. Владимирский-Буданов, ни Ключевский не были поддержаны другими историками. Да и сами они не сделали своих положений, высказанных в курсах, предметом специальных исследований.

С течением времени всё же многие исследователи стали считать, что до событий 862 г. существовал на территории восточного славянства ряд примитивных государств — Новгородское, Полоцкое, Киевское и некоторые другие.

Но вопрос о существовании государственности у восточного славянства до VI в. и тем более у антов учёными не был разработан. Это объясняется главным образом тем, что в данную эпоху считалось возможным существование только или рабовладельческих или феодальных государств. Поскольку нет никаких данных для утверждения, что восточное славянство этой эпохи могло создать рабовладельческие или феодальные государства, то вопрос о существовании у них государственности снижался. Обычно говорилось о существовании у славян, в частности у антов, только союза племён.

На основании исследований Маркса и Энгельса ряд советских историков и государствоведов, в том числе и акад. Греков, поставили и разрешили вопрос о так называемом варварском, или дофеодальном, государстве, т. е. государстве переходного типа, государстве, которое идёт к феодальному государству, но пока не является таковым. Варварское государство возникает у тех народов, которые не входили в состав рабовладельческих государств, в результате разложения первобытно-общинного строя.

Тогда стала принципиально возможна постановка вопроса о существовании у ряда

варварских народов, окружавших Римскую империю в период её упадка, государственности этого примитивного вида. Такими народами были и анты.

В одной из работ¹ нами был поставлен вопрос о необходимости пересмотра взгляда о том, что объединение антов являлось только союзом племён, а не государством. Нами были выдвинуты следующие положения.

1. Объединение антов существовало на той же территории, где тысячу лет тому назад, в VIII в. до нашей эры, образовалось скифское государство, т. е. государство народов, которые, по мнению советских исследователей вопроса о происхождении славян (акад. Н. С. Державин, А. Д. Удальцов), являлись предками славян. Считать объединение антов только военно-политическим союзом, а не государством, хотя бы примитивного вида, — значит предполагать наличие какого-то небывалого в истории регресса в общественно-экономическом и политическом развитии этих народов.

2. Союзы племён бывают кратковременными и непрочными. Объединение же антов является весьма длительным; о вождях антов, т. е. главах этого объединения, упоминается в источниках и в 376 г. (о Боже), и в 556 г. (о Межамите), и в 593 г. (о Миджаке). С другой стороны, сила и крепость объединения антов были исключительно велики, поскольку антам приходилось вести крайне напряжённые войны с весьма сильными врагами (готами, аварами, византийцами).

3. Объединения народов, обитавших на восток от антов, вдали от таких культурных центров, как северночерноморское побережье (например объединение хазаров), обычно причисляются к государствам и действительно являются государствами. Тем больше оснований поставить вопрос о признании государством антского объединения, включавшего в свой состав народы, прошедшие тысячелетний путь скифской государственности и подвергшиеся весьма сильному воздействию греко-римской культуры.

4. Военный союз племён обычно характеризуется главенством одного племени над другим. В настоящее же время выяснено, что анты не являлись каким-либо племенем, игравшим господствующую роль в ряду соседних восточнославянских племён, а составляли целый комплекс этих племён, своего рода славянскую народность. Это говорит о том, что в антском объединении экономические и политические связи были гораздо сильнее, чем обычно бывает в союзах племён. Вместе с тем нами было отмечено, что сообщения византийских источников об антах вовсе не исключают возможности считать их объединение примитивным, варварским государством.

Мы считаем объединение славянских племён в Прикарпатье (вольнское) в VI в. также варварским, дофеодальным государством.

¹ Юшков С. «Учебное пособие по истории государства и права СССР». Вып. I—II, стр. 3—4. М. 1944.

Нами было указано, что процесс разложения первобытно-общинного строя, который выявился у восточного славянства в IX в., был настолько глубок, что начало этого процесса надо отнести задолго до образования Киевского государства. Задолго до его образования должны были образоваться классы. Во всяком случае, византийские писатели VI—VII вв. не только отмечают существование рабов у славян, но и довольно подробно говорят об их положении.

М. С. Грушевский в своё время исчерпывающим образом доказал, что названия «вольняне» и «бужане» происходят от города Воляня (или Вельня) и от города Бужьска (а не от реки Буг), т. е. от политических центров, от главных городов, подобно названию «новгородцы», «кыяне» и пр. А это означает, что волянское объединение было объединением не на родоплеменной основе, а уже на территориальной¹.

Акад. Греков во втором издании рецензируемой работы также поставил вопрос о существовании у антов варварского государства и привёл со своей стороны ряд убедительных доказательств в пользу этого предположения. Признал он варварским государством и волянское объединение.

Словом, акад. Греков в рецензируемой работе выдвинул крайне важную проблему, решение которой должно привести к совершенно новым представлениям об общественно-экономическом и политическом строе восточного славянства и о начале государственности у Руси. Придётся признать, что образование Киевского государства — это только один из этапов в истории государственности у восточного славянства, а не его начало.

Нет сомнения, что данная проблема, поставка которой поддержана акад. Грековым, является одной из самых интересных в советской исторической науке проблем последних лет. Мы уверены, что она сделается предметом особого внимания советских историков и археологов. Решение этой проблемы будет одним из крупнейших достижений нашей науки.

Но, высоко оценивая рецензируемую работу, мы позволяем себе сделать некоторые критические замечания. Их немного.

1. Как было указано, мы полностью поддерживаем смелый и вместе с тем убедительный тезис акад. Грекова о том, что восточное славянство уже во времена антов имело свою государственность, что антское объединение являлось разновидностью варварского, или дофеодального, государства. Но нам кажется необходимым уточнить как характеристику общественно-экономического, так и политического строя антского государства.

Акад. Греков утверждает, что в основе производства антского государства, равно как и варварских государств других народов, штурмовавших основные центры рабовладельческого строя (германцы, армяне, иберы и др.), лежал не труд рабов, а труд свободных крестьян (стр. 15). Характеризуя

политический строй этих варварских государств, акад. Греков пишет: «Эти военные, по преимуществу, организации представляют собой переходное явление от родового общественного устройства к государственному и названы Морганом — Энгельсом «военной демократией». Военной — потому, что эта организация существует для целей войны, вызванной в данном случае, как мы видели, общей международной обстановкой; демократией — потому, что это вооружённый народ, управляющийся своим народным собранием, советом вождей и высшим военачальником, не знающий ещё власти, отделённой от народа и тем более ему противопоставляемой (подчёркнуто мною. — С. Ю.). Военная демократия развилась из родовых отношений, но это уже не родовая организация» (стр. 22).

Нам кажется необходимым уточнить представление об общественно-экономическом и политическом строе варварских государств и, в частности, варварских государств славян и антов.

Трудно согласиться без дальнейшего уточнения и без различного рода оговорок с положением акад. Б. Д. Грекова, что в основе производства обществ, объединённых в варварские государства, был труд свободных крестьян-общинников. Ведь если его принять, то придётся считать варварское, или дофеодальное, государство государством первобытных общинников, государством, где или совсем не было классов или классы были в таком зачаточном состоянии, что их роль в образовании этих государств была ничтожной. А между тем, как ни примитивны были варварские, дофеодальные государства, тем не менее и их образование предполагает наличие классов и определённую степень противоречий между ними.

В варварском, дофеодальном государстве, конечно, число свободных общинников весьма значительно, но первобытная община подвергалась разложению. В обществах, объединяющихся в варварские государства, образуются прежде всего два класса: рабовладельцев и рабов; затем в недрах разлагающейся общины появляются крупные землевладельцы, обычно формирующиеся из родоплеменной знати и эксплуатирующие труд посаженных на землю рабов и выбитых из колеи общинников. Из этих землевладельцев образуется класс феодалов. Словом, в варварских, дофеодальных государствах идёт борьба трёх укладов: первобытно-общинного, рабовладельческого (патриархально-рабовладельческого) и феодального, — причём значение феодального всё более и более возрастает. Процесс превращения свободных общинников в зависимое сельское население усиливается.

Несомненно, и сам акад. Греков понимает невозможность существования государства, в котором отсутствуют классы и которое представляет собой совокупность свободных крестьянских общин. В другом месте своей работы он сам говорит, что в VI в. славяне и анты уже вышли из первобытно-общинного или родового строя. Да и источники дают все основания для того, чтобы представлять

¹ Юшков в С. Указ. соч., стр. 7—8.

общественно-экономический строй славян и антов более сложным. Византийские писатели говорят о рабах у славянских народов, хотя отмечают, что положение славянских рабов резко отличалось от положения античных рабов.

Необходимо уточнить и характеристику политического строя восточного славянства, в частности антов VI века. Ведь то, что говорит акад. Греков о «военной демократии» восточных славян, ссылаясь на Моргана — Энгельса, может заставить усомниться в факте существования у них государственности, хотя бы и примитивного вида. Если нет власти, отделённой от народа и тем более противопоставляемой ему, то нет и государства. Энгельс одной из основных отличительных черт государства считает учреждение общественной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим само себя как вооружённая сила¹. Именно отделение от народа общественной власти и отличает государственную организацию от родовой или родоплеменной организации. Изучение политического строя варварских, дофеодальных государств приводит нас к убеждению, что их политический строй был гораздо сложнее, нежели «военная демократия». Дело в том, что «военная демократия» характерна (да и то уже в процессе разложения) только для возникающего варварского государства. По мере того как первобытно-общинный (патриархальный) уклад теряет своё значение, а удельный вес феодального уклада возрастает в системе производственных отношений варварского государства, элементы военной демократии постепенно начинают исчезать, уступая место элементам феодальной государственности. В конце концов, в политическом строе варварского государства сохраняются только некоторые остатки военной демократии.

Таким образом, ставить знак равенства между политическим строем варварского государства и «военной демократией» нельзя. «Военная демократия» — только отправной пункт для варварской государственности. Изучая политический строй известных нам варварских государств, даже стоящих на низших ступенях своего развития, приходится прийти к выводу, что их главы являются не только военными вождями. Одной из важнейших их функций являются управление подвластной ему территорией, назначение административных лиц, контроль над ними, непосредственный сбор дани или организация этого сбора, суд над подвластными ему людьми и т. д.

Деятельность главы дофеодального государства направлялась не только советом

вождей. В состав совета входили наряду с влиятельными дружинниками представители родоплеменной знати (например в Киевском государстве в дофеодальный период принимали участие в княжеском совете «старцы градские»).

Будет явным преувеличением настаивать на том, что варварское государство «управлялось народным собранием». В любом из известных нам варварских государств его глава имел многочисленных помощников по управлению как в центре, так и на местах. Военная организация любого из известных нам варварских государств была также гораздо сложнее. Она состояла не только из вооружённого народа, т. е. из народных ополчений, но и из дружины, которая играла огромную роль в истории войн варварских государств.

В своих многочисленных работах, посвящённых Киевскому государству в дофеодальный период, и в новой работе о Болгарском царстве акад. Греков дал в основном точное описание общественно-политического строя этих варварских государств, причём он не проводил знака равенства между этим общественно-политическим строем и военной демократией. Больше того: акад. Греков отказывается признавать существование веча, остатка военной демократии в дофеодальном Киевском государстве.

Мы уверены, что дальнейший, более глубокий анализ источников об антах и о восточном славянстве IV—VII вв. позволит доказать, что славянские государства этого времени являются не простой совокупностью свободных крестьянских общин, что в этих государствах существовали и боролись три уклада: первобытно-общинный, рабовладельческий и феодальный, — что там шёл процесс классовой дифференциации, что наряду с двумя классами — рабовладельцев и рабов — стали возникать уже и феодальные группы и что политический строй был гораздо более сложным, чем так называемая военная демократия.

2. Акад. Греков в рецензируемой работе не коснулся вопроса о происхождении Руси. У каждого читателя, не искушённого в вопросах древнейшей истории русского народа, естественно должен возникнуть вопрос, какое отношение имеет Русь к антам, дулебам и прочим славянским племенам, о которых говорится в предшествовавших главах, почему славяне стали называться русью. Конечно, вопрос о происхождении Руси является трудным, но обойти его нельзя в работе, посвящённой возникновению Русского государства.

Хотелось бы, чтобы акад. Греков в новом издании своей работы коснулся этого вопроса, указав на наиболее распространённые в советской исторической науке взгляды.

С. Юшков

¹ См. Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 163. Огиз. 1938.

ВИТВЕР И. А., проф. *Историко-географическое введение в экономическую и политическую географию капиталистического мира*. «Учёные записки Московского государственного университета». Вып. 85-й. Издание МГУ. М. 1945. 292 стр. Цена — 30 руб.

Основной задачей И. А. Витвера при написании данной книги, как это он сам указывает, было дать краткий обзор исторической географии капиталистического мира. Это определило как содержание книги, так и её хронологические рамки.

Содержание книги, по формулировке самого автора, может быть сведено к следующим главным темам: как складывалась география мирового капиталистического хозяйства, как складывалась политическая карта мира. С обеими темами переплетаются основные вопросы исторической географии населения (переселенческие движения, развитие городов и т. д.) (стр. 5).

«Отправным этапом курса» является XV век. Автор справедливо полагает, что «с точки зрения исторической географии эта грань сугубо важна как начало великих географических открытий, колониальной экспансии, переселенческих движений из Европы за океан, как начало распространения международных хозяйственных связей на весь мир, т. е. как начало эры мировой торговли и мирового хозяйства» (стр. 9).

В разделении курса на периоды автор пользуется общепринятой периодизацией.

Структура книги видна из краткого обзора её содержания по главам.

Первая глава посвящена краткой экономической и политической характеристике Западной Европы, а отчасти и других частей Старого Света накануне великих открытий.

Во второй главе рассказывается о великих географических открытиях и начале европейской колониальной экспансии. Здесь же дано краткое описание состояния Америки до европейской колонизации.

Третья глава посвящена первому этапу борьбы за колонии. Внимание автора здесь занято главным образом описанием колониальной экспансии Нидерландов и их борьбы с Англией.

В четвёртой главе автор говорит о колониальной экспансии Англии и Франции и об англо-французской борьбе за колонии.

Пятая, последняя, глава первой части даёт краткий очерк мирового хозяйства и основных черт его географии к концу XVIII века. В этой же главе автор говорит о переселенческом движении из Европы в Америку и о городах Европы в XVI—XVIII веках.

Вторая часть начинается главой (VI) о промышленной революции в Англии. В следующей (VII) главе автор говорит о французской революции 1789 г., об империи Наполеона и о политической карте Европы в итоге Венского конгресса. Далее, в VIII главе рассматриваются важнейшие изменения политической географии внеевропейских стран с конца XVIII в. по 70-е годы XIX века.

Заканчивается вторая часть главой IX об

изменениях политической географии Западной Европы от Венского конгресса 1815 г. до Берлинского конгресса 1878 года.

Третья часть книги начинается кратким очерком истории мирового хозяйства с 70-х годов XIX в. до первой мировой войны. В этой же главе приведены данные о росте населения частей света и главных стран Европы в XIX в., об эмиграции из Европы и из азиатских стран в XIX в. и в первом десятилетии XX столетия и о росте крупных городов с начала XIX в. до 1935 года.

Следующая глава (XI) рассказывает о разделе мира к 1914 году. За нею следуют главы об особенностях экономического и отчасти политического развития Англии, Франции, США и Германии за 1871—1914 гг. (гл. XII), о первой мировой войне и версальском переделе мира (гл. XIII).

Заканчивается книга краткой характеристикой состояния капиталистического мира после первой мировой войны. Здесь автор говорит о развитии промышленности, транспорта и связи в период между первой и второй мировыми войнами, об особенностях развития США, Англии, Франции, Германии и Японии, о крушении версальской системы и начале второй мировой войны.

Здесь же приведены данные о динамике рождаемости, смертности и естественного прироста населения в Западной Европе за 1821—1938 гг., о переселенческом движении за океан из Европы и иммиграции во Францию в период между двумя мировыми войнами.

Задача книги — служить учебным пособием для студентов-географов. «Нельзя осмыслить современную географию мирового хозяйства, а равно и современную политическую карту мира, — пишет И. А. Витвер во введении к своей книге, — не зная, как то и другое сложилось» (стр. 5).

Задача, которую поставил себе И. А. Витвер, была не из лёгких. Нельзя не признать, что он справился с этой трудной задачей в основном хорошо. Пожелания дальнейшего улучшения книги, которые ниже высказаны, являются лишь частичными поправками.

Из четырёх элементов прошлого, реконструкция которых является задачей исторической географии¹: природного ландшафта прошлого, населения, хозяйства и политических границ, — автор изучает три последних, касаясь изменения природного ландшафта человеком лишь раз, при характеристике Нидерландов (стр. 55).

Конечно, за изучаемый им исторический период в природных ландшафтах крупных изменений не произошло, но всё же следовало бы отметить два факта, имевших

¹ О содержании и задачах исторической географии см. мою статью «Предмет и задачи исторической географии» в журнале «Историк-марксист» № 5 за 1941 год.

серьёзное экономическое значение: сокращение лесной площади в Европе (в особенности в Англии) и в США и изменения в структуре почвенного слоя в передовых в сельскохозяйственном отношении странах Европы вследствие многолетней культурной обработки со вложением минеральных удобрений и навоза (например почвы современной Бельгии отличаются по химическому составу и структуре от почв Бельгии феодальной).

Из общего числа страниц книги около половины занято историко-политической географией и около половины посвящено проблемам исторической географии хозяйства и населения.

С таким распределением нельзя согласиться. Благодаря ему историко-политическая география дана сравнительно подробно, а историко-экономическая география и историческая география населения, наоборот, чрезмерно сжато.

Из области политической истории приведены такие факты, которые не имеют непосредственного отношения к вопросу о том, как сложилась современная политическая карта мира. Например многое из сказанного о Наполеоне можно было бы опустить (стр. 129—132); упоминая об Утрехтском мире, нет надобности говорить о том, что внук Людовика XIV был допущен на испанский престол, но без права занятия французского престола (стр. 77) и т. п.; можно опустить большую часть сказанного о Карле V (стр. 51).

В предисловии автор сам признаёт, что предвидит обоснованную критику за наличие «деталей, не имеющих первоочередного значения» для курса (стр. 8). Такого рода детали у него как раз и приведены из области политической истории, но, конечно, автор прав в том, «что слишком сильный крен в сторону общих линий был бы неправилен, что без достаточного фактического материала общие линии повиснут в воздухе» (стр. 8).

Есть, однако, одна область историко-политической географии, где автор скуп не только на детали, но и на факты более значительного порядка. Это историко-политическая география славянских стран.

Говоря о политической карте Западной Европы XV в. (стр. 32—35), И. А. Витвер ни слова не говорит о Польше, как будто её не существует. Он говорит здесь довольно подробно о Германской империи, но не упоминает, что в состав её входила Чехия. Несколько ниже, во второй главе, он указывает, что к середине XV в. «турки владели уже большей частью Балканского полуострова» (стр. 38), но не говорит, какие именно славянские земли находились под их властью.

Нет указаний на то, что Хорватия и Словакия в это время находились под властью Венгрии. Впрочем, и о самой Венгрии в первой главе не упоминается. Недостаточное внимание к славянским странам сказывается и в последующих главах.

В области историко-экономической географии автор на протяжении всей книги осо-

бенно мало внимания уделяет сельскому хозяйству. Вот несколько наудачу взятых примеров. Характеризуя сельское хозяйство Европы XV в. (стр. 16—17), автор не останавливается на феодальных отношениях этого времени. О сельскохозяйственном кризисе последней четверти XIX в. говорится чрезвычайно кратко (стр. 174). Почти не освещены динамика урожайности и география сельскохозяйственного рынка XIX—XX веков. По сельскому хозяйству И. А. Витвер обычно не приводит никаких цифр, между тем как использование цифр динамики урожайности в Бельгии, Голландии и Германии в XVIII—XX вв., приведённых в последней статье нашего крупнейшего знатока проблем сельского хозяйства акад. Д. Н. Прянишникова¹, сразу конкретизировало бы изложение истории интенсификации европейского земледелия.

Более подробное изложение желательно и для многих других вопросов историко-экономической географии. Помимо проблем сельского хозяйства, например, автор подводит «итоги важнейшим изменениям политической географии мира за время с конца XVIII в. по 70-е годы XIX века» (стр. 166—167), но изменения в экономической географии мира за это время остаются недостаточно освещёнными; нет чёткого очерка экономического и социального развития Японии в XIX—XX вв., нет истории Zollverein в Германии и т. д.

Желательна также большая географичность в изложении историко-экономических проблем. Например надо чётко показать различие между историей хозяйства Западной и Восточной Германии, больше внимания уделить формированию экономических районов США, не ограничиваясь традиционным различием между капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом, и т. п.

Излагая в пределах принятых им исторических периодов ту или иную проблему, И. А. Витвер часто выходит за рамки данного периода. В некоторых случаях против этого не приходится возражать: например о ликвидации в 1929 г. конфликта, возникшего в 1870 г. между папой и итальянским правительством вследствие включения папской области в состав итальянского государства, конечно, вполне уместно было сказать в рассказе о возникновении данного конфликта (стр. 161). Но в ряде случаев такой способ изложения дезориентирует читателя. Например, излагая историческую географию Британской империи за период с конца XVIII в. до 70-х годов XIX в., И. А. Витвер рассказывает о развитии Канады, Австралии и Новой Зеландии не только за этот период, но и за всё последующее время вплоть до второй мировой войны. В результате у читателя не остаётся ясного представления о различиях в развитии этих стран до и после 70-х годов XIX века.

В книгу кое-где вкрались неясные, могущие ввести в заблуждение читателя форму-

¹ «Вестник Академии наук СССР» № 3 за 1945 г., Д. Н. Прянишников «Сталин и химизация нашего земледелия».

лировки и мелкие погрешности фактического порядка.

Вот примеры: Антверпен не входил в число городов Фландрии¹, как это утверждает автор (стр. 27).

Автор определяет территорию Нидерландов XVI в. как территорию современных Нидерландов, Бельгии и района Дюнкерка, ныне входящего в состав Франции (стр. 54). На самом деле территория Нидерландов была больше указанной автором².

И. А. Витвер пишет, что при Людовике XIV Франция «заканчивает присоединение Эльзаса и Лотарингии (большая часть их была присоединена в середине XVII века)» (стр. 76). Как известно, присоединение Лотарингии было завершено при Людовике XV в 1766 году³.

Свой перечень славянских земель Австро-Венгрии И. А. Витвер строит таким образом, что у читателя получается впечатление, будто автор дал полный перечень (стр. 163). Между тем пропущен полностью один из славянских народов — словены (в Крайне словены составляли 94% населения, по переписи 1910 года⁴. Эта область не названа),

а также не включены в перечень Закарпатская Украина и Воеводина.

Говоря о второй балканской войне (стр. 222), автор излагает события так, что получается впечатление, будто Греция не участвовала в ней. Не отмечена также роль дипломатии центральных держав в этой войне.

Характеризуя сельское хозяйство Европы XV в. (стр. 16), И. А. Витвер на одной и той же странице сначала пишет: «правильного севооборота не знали», а потом: «преобладающей системой полеводства стало трёхполье, сменившее двухполье и переложную систему». Таким образом, на одной странице два противоречащих друг другу утверждения.

Повидимому, по не зависящим от автора причинам издательского порядка, книга совершенно лишена карт, крайне необходимых в такого рода учебном пособии.

Сделанные мною критические замечания не колеблют высказанной выше общей оценки книги, как удачной попытки дать столь необходимое учебное пособие по исторической географии капиталистического мира.

В. Яцунский

¹ См. Guicciardini Ludovico. «Descrittione di tutti i Paesi Bassi».

² Ibidem. Freeman E. «The historical geography of Europe».

³ Mirot. Géographie historique de la France. Paris. 1930.

⁴ Погодин А. «Славянский мир». М. 1915.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Иностранные книги по новейшей истории 1918—1939.

SPENDER J. *Between two wars*. London, Cassell. 1943. 196 p.

СПЕНДЕР ДЖ. *Между двумя войнами. The Treaty of Versailles*. The essential text and amendments. Edited by H. J. Schonfield. London. Peace Book Co. 1940. 127 p.
Версальский договор. Основной текст и поправки. Под ред. Г. Шонфильда.

BANE S. & LUTZ R. *The blockade of Germany after the armistice, 1918—1919*. Selected documents of the Supreme economic council, Superior blockade council, American relief administration and other wartime organizations. Selected and edited by S. L. Bane & R. H. Lutz. Stanford university (Cal.). Stanford university press. London. Milford Oxford university press. 1942. VIII, 874 p.

БЕЙН С. и ЛЮТЦ Р. *Блокада Германии после перемирия 1918—1919*. Избранные документы Высшего экономического совета, Высшего совета блокады, Американской администрации помощи и других организаций военного времени.

LUCKAU A. *The German delegation at the Paris peace conference*. New York. Columbia university press. 1941. XV, 522 p. (The Paris peace conference history and documents. Published for the Carnegie endowment for international peace. Division of economic and history).

ЛЮКОУ А. *Германская делегация на Парижской мирной конференции*.

SHARPLE S. *Spa, Versailles, Munich*. An account of the armistice commission (1918—1919). With a foreword by R. L. Bullard. Philadelphia. Dorrance. 1941. 136 p.

ШАРПЛ С. *Спа, Версаль, Мюнхен*. Отчёт комиссии по перемирию (1918—1919). С предисл. Р. Л. Болларда.

HUDSON M. *The permanent court of international justice 1920—1942*. A treatise. New York. Macmillan. 143. XXIV, 807 p.

ХЕДСОН М. *Постоянная палата международного суда, 1920—1942*.

PIK G. *The conference of ambassadors (Paris, 1920—1931)*. Its history, the tactical aspect of its work, and its place in international organization. With a pref. by M. Mantoux. Geneva. 1942. 293 p.

ПИНК ДЖ. *Постоянное совещание послов в Париже в 1920—1931 гг.* Его история, принципиальное значение его деятельности и его место в международной организации. С предисл. М. Манту.

LEACOCK S. *The British empire*. Its structure, its unity, its strength. New York. Dodd, Mead & Co. 1940. VI, 263 p.

ЛИКОК С. *Британская империя* Её структура, её единство, её мощь.

MEDLICOTT W. *British foreign policy since Versailles*. London. Methuen. 1940. VIII, 344 p.

МЕДЛИКОТ У. *Британская внешняя политика после Версаля*.

HANCOCK W. *Problems of economic policy 1918—1939*. Part 1—2. London. Oxford university press. 1940. (Survey of British commonwealth affairs. Vol. II).

ХЕНКОК У. *Вопросы британской экономической политики 1918—1939*.

HANNA P. *British policy in Palestine*. With an introd by J. Daniels. Washington. American council affairs. 1942. XIII, 214 p.

ХАННА П. *Британская политика в Палестине*. С предисл. Д. Даниельса.

FRIEDMAN I. *British relations with China 1931—1939*. New York. 1940. XIX, 255 p. (Inst of Pacific relations. Inquiry series).

ФРИДМАН И. *Отношения Великобритании с Китаем в период 1931—1939 гг.*

BENHAM F. *Great Britain under protection (1931—1935)*. New York. Macmillan. 1941. XVI, 271 p. (Carnegie endowment for international peace. Commercial and tariff history).

БЕНХЕМ Ф. *Великобритания при протекционистском режиме (1931—1935)*.

KREIDER C. *The Anglo-American trade agreement. A study of British and American commercial policies, 1934—1939*. Princeton. Univers. press; London, Milford. Oxford univ. press. 1943. XX, 270 p. (International finance section. Princeton university. VIII.)

КРЕЙДЕР К. *Англо-американское торговое соглашение*. Исследование, посвященное британской и американской торговой политике в 1934—1939 гг.

MAC HENRY D. *His majesty's opposition*. Structure and problems of the British labour party 1931—1938... Berkeley. University of California press. 1940. XII, 320 p.

МАК ГЕНРИ Д. *Оппозиция его величества*. Организация и задачи британской рабочей партии. 1931—1938.

MOIR Ph. *I was Winston Churchill's private secretary*. New York. Funky. 1941. VIII, 21 p.

МОИР Ф. *Я была личным секретарём Уинстона Черчилля*.

JOHNSON A. *Viscount Galifax*. A biography... London. Hale. 1941. 575 p.

ДЖОНСОН А. *Виконт Галифакс*. Биография.

BUCHAN J. (Lord Tweedsmuir). *Pilgrim's way*. An essay in recollection. Cambridge.

Mass, Mifflin. 1945. VI. 336 p. (The autobiography of Lord Tweedsmuir).

БЬЮКЕН ДЖ. *Путь странника*. Воспоминания. (Автобиография лорда Туидсмюира).

PHELAN J. *Ireland—Atlantic gateway...* London. Bodley Head. 1941. 96 p.

ФЕЛАН ДЖ. *Ирландия — ворота Атлантики*.

FOX R. *The history of the Irish citizen army...* Dublin. Duffy. 1944. 7, 241 p.

ФОКС Р. *История «Ирландской гражданской армии»* (1913—1923).

Papers relating to the foreign relations of the United States. Washington U. S. Government printing office. 1941—1944—1926. Vol. 1—2. 1941; 1927. Vol. 1—3. 1942; 1928. Vol. 1—3. 1942—1943; 1929. Vol. 3. 1944. (United States. Department of State).

Документы о международных отношениях США.

Peace and war; United States foreign policy. 1931—1941. Washington. Government print. off. 1943. XXI, 874 p. (United States of America. Department of State).

Мир и война: внешняя политика Соединённых Штатов в 1931—1941 гг.

SPROUT H. & SPROUT M. *Toward a new order of sea power*. American naval policy and the world scene 1918—1922. 2d ed. Princeton. University press. London. Milford. Oxford university press. 1943. XIII. 336 p.

СПРОУТ Г. и СПРОУТ М. *На пути к новой организации морских сил*. Американская морская политика на мировой арене в 1918—1922 гг. 2-е изд.

HERRING P. *The politics of democracy*. American parties in action. New York. Norton. 1940. XX, 468 p.

ХЕРРИНГ П. *Политика демократии*. Американские партии в действии.

ROOSEVELT F. *The public papers and addresses of Franklin D. Roosevelt*. With a special introduction and explanatory notes by president Roosevelt. 1937—1940. Vol. 1—4. New York. Macmillan. 1941; 1937. The constitution prevails. LXXII, 659 p; 1938. The continuing struggle for liberalism. XXXII, 686 p; 1939. War and neutrality. XI, 635 p; 1940. War and aid to democracies. XXXI, 741 p.

РУЗВЕЛЬТ Ф. *Официальные документы и речи Франклина Д. Рузвельта*. Со специальным введением и пояснительными примечаниями президента Рузвельта. 1937—1940. Т. I—IV. 1937. Конституция достигла цели. 1938. Борьба за либерализм продолжается. 1939. Война и нейтралитет. 1940. Война и помощь демократиям.

PICKARD M. *The Roosevelts and America*. London. Joseph. 1941. 288 p.

ПИКАРД М. *Род Рузвельтов в Америке*.

BONNEIL A. *German control over international economic relations 1930—1940*. Urbana. University of Illinois press. 1940. 167 p.

БОННЕЛЛ А. *Немецкий контроль над международными экономическими отношениями, 1930—1940*.

POOLE K. *German financial policies 1932—1939*. Cambridge. Harvard university press. 1939. XV, 276 p. (Harvard economic studies, Vol. 66).

ПУЛ К. *Германская финансовая политика в 1932—1939 гг.*

AMERY L. *The German colonial claim*. London and Edinburgh. Chambers. 1939. 199 p.

ЭМЕРИ Л. *Немецкие колониальные претензии*.

FRAENKEL H. *The German people versus Hitler...* London, Allen & Unwin. 1940. 373 p.

ФРЕНКЕЛЬ Г. *Германский народ против Гитлера*.

BRAILSFORD H. *Subject India*. (4th ed.). London. Gollancz. 1944. 223 p.

БРЕЙЛЬСФОРД Г. *Подвластная Индия...* 4-е изд.

DIVER M. *Royal India*. A descriptive and historical study of India's fifteen principal states and their rulers. New York—London. Appleton century co. IX, 317 p.

ДАЙВЕР М. *Королевская Индия*. Описание и историческое исследование пятнадцати главных княжеств и их правителей.

HALIFAX, Viscount. *The Indian problem*. London. Oxford university press. 1942. 31 p.

ГАЛИФАКС. *Индийская проблема*.

BOSE S. *The working constitution in India*. A commentary on the government of India. act 1935. London. Milford. Oxford university press. 1940. 677 p.

БОЗ С. *Действующая конституция Индии*. Комментарии к акту индийского правительства 1935 г.

TAYLOR G. *The struggle for North China...* New York. International secretariat Institute of Pacific relations. 1940. XI, VII, 250 p. (Institute of Pacific relations. Inquiry series).

ТЭЙЛОР ДЖ. *Борьба за Северный Китай*

WILLOUGHBY W. *Japan's case examined*. With supplementary chapters on the Far Eastern policies of the United States and the significance to the world of the conflict in the Far East. Baltimore, Hopkins. 1940. X, 237 p.

УИЛЛОУБИ У. *Анализ японской политики*. С приложением дополнительных глав о дальневосточной политике Соединённых Штатов и о значении для всего мира дальневосточного конфликта.

The Industrialization of Japan and Manchukuo, 1930—1940. Population, raw materials and industry. Ed. by E. B. Schumpeter, Contributors G. C. Allen, M. S. Gordon-E. F. Penroes, E. B. Schumpeter. New York, Macmillan. 1940. XXVII, 944 p. (Bureau of international research. Harvard university and Radcliffe college).

Индустриализация Японии и Манчжоу-Го, 1930—1940. Население, сырьё и промышленность.

GREW J. *Ten years in Japan.* A contemporary record drawn from the diaries and private and official papers. New York. Simon & Schuster. 1944. XII, 554 p.

ГРЮ ДЖ. *Десять лет в Японии.* Записки, извлечённые из дневников и частных и официальных документов.

Автор — бывший посол США в Японии с 1932 г.

SHORPHERD J. *Australia's interests and policies in the Far East.* New York. 1940. XIV, 212 p. (Institute of Pacific relations Inquiry series).

ШЕФЕРД ДЖ. *Интересы Австралии на Дальнем Востоке и её дальневосточная политика.*

AINES C. and HOFFMAN R. *Origins and background of the Second world war.* New York. Oxford university press. 1943. 859 p.

ГАЙНЕС С. и ГОФМАН Р. *Происхождение и предпосылки Второй мировой войны.*

CURTIS M., ed. *Documents on international affairs.* 1938. Publ. under the auspices of the Royal institute of international affairs. Vol. I. London. Oxford university press. 1942. XVII, 518 p.

КЕРТИС М., ред. *Документы по международным вопросам,* 1938.

WERTH A. *France and Munich before and after the surrender.* New York and London, Harper. 1939. 447 p.

УЭРТ А. *Франция до и после мюнхенской капитуляции.*

Official documents concerning Polish-German and Polish-Soviet relations 1933—1939. („The Polish White book“). London. Hutchinson. 1940. XIV, 222 p. (Republic of Poland. Ministry for foreign affairs).

Официальные документы, касающиеся польско-германских и польско-советских отношений 1933—1939 гг. «Польская Белая книга».

American-Japanese documents. Message to Congress from the President of the United States transmitting a summary of the past policy of the United States of America in relation to the Pacific area and of the more immediate events leading up to the Japanese onslaught upon American forces and territory. London. Hutchinson. 1940. 128 p.

Американо-японские документы. Послание Президента США Конгрессу, излагающее политику Соединённых Штатов Америки в отношении Тихоокеанской зоны и ближайшие события, приведшие к японскому нападению на американские военные силы и территории.

Сектор истории Фундаментальной библиотеки общественных наук
Академии наук СССР.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Сессия Отделения истории и философии АН СССР

На октябрьской сессии 1945 г. Отделения истории и философии Академии наук СССР было завершено обсуждение Записки об основных проблемах в области исторических наук. Это обсуждение велось на протяжении более года как на заседаниях Отделения, так и на заседаниях Президиума Академии наук и Учёных советов институтов, а также и на страницах «Исторического журнала» (см. №№ 3 и 4 за 1945 г.). Журнал, как отметил в своём выступлении академик В. П. Волгин, собрал большое количество откликов и замечаний на проект Записки. После окончательного утверждения эта Записка должна стать документом, помогающим ориентироваться работникам исторического фронта при планировании работы учреждений, ведущих исследования в области истории, и т. д.

Первым среди научных докладов, заслушанных сессией, был доклад чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина на тему «Основные проблемы истории Москвы до конца XVIII века».

До сих пор, говорит докладчик, история Москвы рассматривалась главным образом с краеведческой точки зрения. В этом направлении сделано и делается очень много ценного. Но в настоящее время перед нами стоит задача — подойти к истории Москвы с исторической точки зрения.

Первая проблема, которая встаёт перед историком Москвы, состоит в выяснении условий, определивших её роль в истории русского народа. Не следует преувеличивать, как это делали Ключевский, а за ним и Покровский, значения торговли. Основной причиной, по мнению С. В. Бахрушина, является то, что Москва возникла в центре территории, на которой сложилась русская народность.

Следующая проблема — периодизация истории Москвы. Докладчик разбивает историю Москвы на периоды, находящиеся в связи с историей образования феодального русского государства: 1) в XII—XIII вв., в период углубления феодальных отношений в Суздальской земле, Москва — укрепленная княжеская усадьба и пограничная крепость; 2) в XIV в. и до середины XV в. Москва —

столица одного из больших русских княжеств, которое со второй половины XIV в. становится главенствующим в Северо-восточной Руси и возглавляет борьбу с внешними врагами — Литовским великим княжеством и татарскими ханствами; 3) во второй половине XV и начале XVI в. Москва становится столицей Русского государства, объединившей все русские земли; 4) значение XVI в. в истории Москвы определяется уничтожением в стране остатков феодальной раздробленности, в связи с чем складываются черты столицы сильного централизованного государства, характерные для XVII в.; 5) утратив при Петре Великом значение столицы государства, Москва в XVIII в. сохраняет своё крупное значение в истории страны как центра торгово-промышленного и как центра дворянского землевладения.

Указанные этапы в истории Москвы тесно связаны с теми изменениями, которые наблюдаются в её экономике. Так, в XII—XIII вв. и даже в XIV в. она в основном представляла собой центр феодального княжеского хозяйства. В дальнейшем мы можем проследить, как постепенно она превращается в большой ремесленно-торговый центр. В XVI в. намечается уже роль Москвы как будущего центра, которому предстояло объединить местные рынки в единый «всероссийский рынок». В XVIII в. Москва приобретает значение мощного центра развивающейся текстильной промышленности.

С. В. Бахрушин показывает, далее, как перемены в экономической жизни Москвы отразились на росте территории города, составе его населения и его культуре. Город разрастается. Феодально-зависимое население, когда-то значительное в Москве, уступает место ремесленникам и торговцам. Изменяется и положение феодалов — жителей Москвы. Москва, объединяя все лучшие культурные силы страны, способствует развитию общерусской национальной культуры.

Углублённому изучению, подчёркивает докладчик, подлежит классовая борьба в Москве. При этом важно изучать не только

городские движения, но и отражения крестьянских войн в жизни столицы.

Одной из очень трудоёмких задач являются восстановление внешнего вида города в различные эпохи, изучение его благоустройства и управления.

Все крупные события в истории русского народа отражались с большой силой на жизни Москвы. В связи с этим С. В. Бахрушин указывает, что одна из задач изучения истории Москвы заключается в том, чтобы выяснить, как реагировало население Москвы на победы русских войск над врагами, на перемены в государственной жизни, как отражались народные бедствия на столице и т. д.

С докладом на тему «Анты на Дунае», посвящённым вопросу о русском элементе в этногенезе болгар, выступил проф. Б. А. Рыбаков.

Докладчик поставил своей задачей синтезировать разнородных источников о колонизационных потоках, направлявшихся в VI—VII вв. из восточнославянских областей на югозапад, к низовьям Дуная и далее за Дунай, к Балканам. Б. А. Рыбаков сопоставляет русскую летописную легенду о Кие и его пребывании на Дунае с данными Прокопия Кесарийского об анте Хилбудии, получившем от императора Юстиниана город на Дунае. В круг источников о Хилбудии включена надгробная плита 529 г. с именем Хилбудия, найденная в Константинополе.

В докладе были подвергнуты разбору сведения о славянском племени северян; северяне упоминаются на Десне, на Дунае и за Балканами. Сопоставление размещения северян балканских и дунайских с этнографической картой Болгарии дало следующее: там, где упоминаются северяне, встречены в болгарском национальном костюме такие элементы, которые сближают их с Приднепровьем, — например, плахты.

В этой связи особый интерес приобретает список городов Воскресенской летописи (раздел «Имена градом русским по Дунаю»). Русскими городами там названы те болгарские города, которые располагаются в районе древней антской колонизации на Нижнем Дунае и близ Видина. Карта этих городов, продемонстрированная докладчиком, совпадает как с картой размещения северян в VII в., так и с картой размещения в Болгарии приднепровских элементов костюма.

Анализ списка городов Воскресенской летописи приводит Б. А. Рыбакова к выводу, что автором его мог быть московский митрополит Киприан, болгарин родом. Дата списка — конец XIV века.

Опираясь на существующие в науке взгляды на древние связи населения Днепра и Дуная, докладчик указывает на возможность прямого заселения правого берега Дуная выходцами из русских областей Среднего Приднепровья.

Вопросу о колонизации Россией Америки в первой половине XVIII в. посвятил свой

богато документированный доклад чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимов.

Докладчик указывает, что в общих работах по истории международных отношений история русско-американских отношений обычно начинается с 1809 г., когда формально были установлены дипломатические отношения между этими странами, и послом России в США был назначен Ф. П. Пален, а послом в России — Джон Квинси Адамс. Однако в специальных работах по истории русско-американских отношений начальным их этапом считается провозглашение Россией вооружённого нейтралитета в 1780 г. и настойчивое предложение Екатериной II посредничества воюющим сторонам с целью заключения мира. Оба указанных момента, несомненно, способствовали успеху американцев в войне за независимость. Проф. Ф. Голдер в одной из статей относит возникновение русско-американских отношений к 1775 г., когда Георг III обратился к Екатерине II с просьбой послать в Америку 20 тыс. русских солдат для подавления восстания в колониях. В период войны за независимость можно отметить и культурные связи США и России.

Теперь мы можем утверждать, говорит докладчик, что положение Маркса о том, что американская война за независимость была набатным колоколом для среднего класса Европы, относится в известной мере и к России. Под влиянием борьбы американцев за независимость ещё до Французской революции написал свою оду «Вольность» А. Н. Радищев. Каржавин издавал книги внешне самого невинного содержания, вроде наставления к гаданию, а в них с яростью выступал против самодержавия и крепостничества. При этом он подписывался «Русский американец». Новиков, Ладыгин и другие передовые люди выражали своё сочувствие борьбе американцев за демократию.

Но Америка, подчёркивает докладчик, была включена в сферу русской внешней политики не в 1809 г., когда были установлены нормальные дипломатические отношения с США, и не в период войны за независимость, когда завязались неофициальные политические, а также и культурные связи между Россией и США, а значительно раньше, после сокрушения при Петре I могущества Швеции и перехода России в ряд сильнейших держав мира, и теперь уже державы не только сухопутной, но и морской.

Именно в этот период появился ряд проектов колонизации Россией Америки. Большую роль играла и назревшая необходимость разрешения географической задачи, нерешённой ещё в то время, а именно, выяснения вопроса, сошлась ли Америка с Азией. Пролив, носящий ныне имя Беринга, был пройден на кочах (мореходные лодки) Семёном Ивановым Дежневым, донёсшим в челобитной 1655 г. царю Алексею Михайловичу о том, что к востоку от мыса, именуемого ныне Восточным, имеются острова (речь шла о группе островов Диомиды), на

селённые «зубатыми» людьми, т. е. вставившими в кожу лица украшения из моржовой кости.

Сведения о Большой земле за этими островами были собраны Володимиром Атласовым при открытии им Камчатки в 1701 г., служилым человеком Афанасием Мельниковым в 1730 г. и другими. Но только в 1732 г. геодезист Гвоздев и полштурман Фёдоров подошли на боте вплотную к североамериканскому континенту. В 1741 г. Беринг и Чириков повторили это путешествие, закрепив открытие Америки со стороны России.

В этот период в связи с усилением России, созданием флота и сибирскими экспедициями возник ряд проектов колонизации Россией Америки. В 1713 г. дворянин стольник Фёдор Степанович Салтыков, находясь в Англии, составил для Петра I пропозиции, в которых он считал нужным плавание русских судов в Архангельска в Америку, Китай, Японию и Индию. В те годы Петру I через посла в Лондоне князя Куракина англичанином Рупертом Беком был представлен проект занятия острова Тобэго. В проекте Бека имеется неожиданное сообщение о том, что владельцем острова является князь Курляндский, который занял остров своей экспедицией, прибывшей на корабле. Версия о занятии в 1642 г. острова Тобэго курляндским герцогом Яковом подтверждается историческими работами и документами, относящимися к истории Прибалтики. Колония курляндцев в дальнейшем покинула остров, однако по праву оккупации остров этот принадлежит князю (герцогу) Курляндскому. Как раз к этому времени (в 1710 г.) Курляндия была занята русскими войсками. Бек рассматривает Тобэго как опорный пункт для распространения торговли и влияния на побережье Южной Америки.

В 1736 г. в Петербург приезжал некто Симон Абрагам, который, находясь на нидерландской службе, уже два раза был в Америке. Он предлагал послать экспедицию для колонизации никем не занятого, по его словам, района реки Ориноко.

Сенат высказался за посылку военного судна с товарами, но эта экспедиция не состоялась в связи с протестом Испании по поводу плана другой экспедиции, предложенного португальцем д'Акоста.

В 1734 г. им была организована в Лондоне паевая компания для колонизации Америки, не получившая правительственной поддержки. Через посла в Лондоне князя Антиоха Кантемира, поддержавшего д'Акосту, последний поставил перед русским правительством вопрос о посылке экспедиции в Южную Америку через Балтику в Атлантический океан. Вице-канцлер граф П. А. Остерман и императрица в принципе нашли возможной организацию такой экспедиции. Уполномоченный д'Акосты вместе с итальянцем Каньони прибыл в Петербург, где разрабатывался план экспедиции. Экспедиция не состоялась вследствие протеста Англии и Испании, который, возможно, был инспи-

рирован Ост-Индской компанией. Со стороны Англии протест был заявлен от имени Георга II, причём в этом деле приняли участие Горацио Уолпол, статс-секретарь Гаррингтон, а также английский посол в Петербурге Клавдий Рэндо. Формально английское правительство поддержало протест испанского правительства, переданный через испанского посла в Лондоне.

Разработка ряда проектов колонизации Америки Россией происходила в период усиленной колонизации Америки всеми крупнейшими европейскими державами.

В отношении восточных государств и колоний европейских держав в Америке российским правительством был взят последовательный курс для предотвращения столкновений. Это не относилось и не могло относиться к Курильским островам, которые уже раньше были во владении России.

В проекте секретного указа императрицы в Сенат говорится об островах, которые пошли от Камчатского полуденного носа к Японии, «несколько уже были во владении Российском, и с народа, живущего на тех островах, брали ясак на Камчатку... разрешается ясак и в дальнейшем». Докладчик обращает внимание на данную здесь попутно примечательную характеристику методов международного общения японцев. Экспедиции, ввиду этих методов, предлагалось у японских владений «много не мешкать, дабы не дать японцам неожиданно напасть на себя и захватить». Рекомендовалось остерегаться опасных обманов японцев. «Как у них обыкновенно,— цитирует указ докладчик,— чего силою не смогут, то лестью и обнадеживанием подошед, в свои руки берут и за мудрость обман ставят».

Историк и географ, заключает А. В. Ефимов, одни и те же события могут рассматривать в различных планах, и на один и тот же вопрос географ и историк могут дать различные и даже противоположные ответы. Если географ на вопрос Петра, поставленный в 1719—1725 гг., сошлись ли Америка с Азией, даст ответ отрицательный, то историк, изучающий вопрос о завязывании русско-американских отношений, ответит, что в 1725 г. Америка с Азией уже сошлись.

На заключительном заседании сессии были заслушаны два философских доклада — проф. В. Ф. Асмуса «Вопросы реализма и натурализма в свете учения В. И. Ленина о познании» и проф. П. С. Попова «О законах мышления».

Все прочитанные на сессии доклады вызвали оживлённое обсуждение.

В. А.

Первый пленум Якутского научно-исследовательского института

В Якутске 26—29 июля 1945 г. состоялся первый пленум Научно-исследовательского института языка, литературы и истории, посвящённый проблемам истории Якутии. В работах пленума, кроме местных научных работников, приняли участие проф. С. А. Токарев и доц. М. Г. Левин.

Открывая первое заседание, директор института Т. А. Шуб сделал краткий обзор изучения истории якутского народа и охарактеризовал задачи советских историков по созданию трёхтомного труда «История Якутской АССР с древнейших времён».

Затем с докладом «Общественный строй якутов XVII века» выступил доктор исторических наук проф. С. А. Токарев. Доклад С. А. Токарева был посвящён одной из важнейших и в то же время до сих пор мало изученных проблем якутской истории — вопросу об общественном строе якутов в до-русскую эпоху. По этому вопросу, как известно, в литературе существуют в основном две теории — родовая и феодальная. Избегая односторонности обеих этих теорий, докладчик указывает на переходный характер общественного строя якутов в эпоху появления русских.

Родоплеменные отношения якутов к этому времени разлагались. Отдельные племена (кангаласцы, борогонцы, мегинцы, бетунцы и др.) враждовали между собой. Господствовала частная семейная собственность на скот и другое имущество. Появились классы и классовая борьба. Низший слой общества составляли рабы («кулуты», или «боканы»), господствующую верхушку — воинственная аристократия, — тойсны. Массу населения образовали свободные общинники, «урусные мужики», которые, однако, не составляли однородного целого: более зажиточные из них — «лучшие улусные мужики» — сближались с тойонами, а обедневшие — «балыксыты» — мало отличались от рабов. Земля ещё являлась общинной собственностью, но тойонат начал уже её захватывать в частное владение.

Формирование классового строя у якутов происходило не на основе войн с тунгусами, как считали некоторые историки, а в связи с ростом производительных сил их скотоводческого хозяйства. Однако процесс этот не был завершён: собственного государства у якутов не сложилось. Приход русских и присоединение Якутии к Российскому государству ускорили процесс классового образования и придали ему новое направление.

Доц. М. Г. Левин выступил с докладом на тему «К вопросу о стадийном развитии культур Северной Азии». Эта проблема имеет непосредственное отношение к вопросам древнейшей истории Якутии постольку, поскольку вопросы этногенеза якутов неотделимы от вопроса этногенеза эвенков и палеоазиатов — древнейших насельников края.

В этнографической литературе существуют различные точки зрения по вопросу о соотношении охотничьей, рыболовецкой и оленеводческой культур. Одни авторы рассматривают в качестве древнейшей стадии на Севере рыболовецкую культуру, связанную с оседлым образом жизни, подземным жилищем, гончарством, собаководством, а охотничью культуру считают позднейшей, развившейся на основе рыболовецкой в результате изобретения лыж. По мнению же других авторов, древнейшей является охотничья культура.

Докладчик считает, что обе эти точки зрения страдают схематизмом, и развивает концепцию, согласно которой древнейшей культурой Северной Азии являлась комплексная охотничье-рыболовецкая культура. Отсюда развитие шло в двух разных направлениях: к охотничье-оленеводческой и оленеводческой культурам, с одной стороны, и к специализированной рыболовецкой культуре, возникшей только в определённых районах, — с другой. Только для последней характерно упряжище собаководство, восходящее, как показал докладчик, к охотничьей практике эпизодического использования собаки в качестве помощника охотнику при транспортировке ручной нарты.

Примитивное использование охотничьей собаки для транспорта в ручной нарте — более универсальное и более древнее средство, чем собственно упряжное собаководство в той развитой его форме, в какой оно известно на Амуре, на крайнем северо-востоке Азии, на Оби и у русско-камчадальского населения Восточной Сибири.

Доклад на тему «Олонгхо о Нюргуне как исторический источник» прочёл зав. отделом фольклора института Г. У. Эргис. Докладчик указал на то, что героический эпос — олонгхо — самый совершенный жанр устного поэтического творчества якутского народа. Существуют целые циклы олонгхо об отдельных богатырях. Одним из наиболее популярных является цикл олонгхо о богатыре Нюргуне. Вариант его распространён у якутов амгино-ленского плоскогорья. Нюргун — защитник рода человеческого от всех бед и несчастий, главным образом от вражеского нашествия уродливых чудовищ — адьараев. Сюжет олонгхо очень сложен: фантастические события чередуются с реалистическими описаниями пейзажей древней родины якутов. В олонгхо вплетаются и мотивы якутских мифов о мироздании, о происхождении человека на земле, об установлении культа добрых божеств и обрядов, им посвящённых.

Художественная ценность олонгхо о Нюргуне высока, велико и познавательное его значение. В художественной форме олонгхо даёт описание всей материальной и духовной культуры древних якутов.

На основе анализа содержания олонгхо докладчик приходит к следующим выводам.

Герои олонгхо действуют не на Лене, а где-то на юге, на что указывают топонимика и этнонимика. В олонгхо развёртывается картина жизни патриархально-родового строя. В это время у героев возникло сознание племенного и культурного единства отдельных якутских родов. Якутские богатыри олонгхо защищают свой род и племя от нашествия иноземных захватчиков, возможно, феодальных ханов и князей соседних монгольских и тюркских народов. Повествование олонгхо насыщено высоким патриотизмом.

С обзором исторических источников легенд об Омогое, Эллее и Улуу Хоро выступил фольклорист С. И. Боло. Докладчик начинает свой обзор с историографического разбора трудов Исабрандта Идеса, прославившего с дипломатическим поручением московского царя в Китай в 1692—1695 годах. Далее он рассматривает труды Ф. Страленберга (1730), Г. Миллера (1750), И. Фишера (1752), Н. Шукина (1844), В. Приклонского (1890), В. Серошевского (1896). Обзор заканчивается рассмотрением записей советских фольклористов — А. Саввина и др.

Тов. Боло приходит к выводу, что легенды об Омогое, Эллее и Улуу Хоро являются генеалогическими сказаниями якутов центральных районов, окрашенными сознанием культа предков. Эти легенды свидетельствуют о том, что якуты в незапамятные времена прибыли на Лену двумя волнами. Первая волна — это народ Омогоя, вторая — Эллей и его сподвижники. Последний представляется культурным и религиозным реформатором.

Доклад на тему «Поэты-декабристы в Якутии» сделал старший научный сотрудник института В. Хохлачёв. Докладчик собрал и исследовал яркие и ценные материалы, восстанавливающие якутские страницы в биографии и творчестве выдающегося писателя-декабриста А. А. Бестужева-Марлинского и почти совсем неизвестного поэта-декабриста Н. А. Чижова.

Марлинский пробыл в Якутске около полутора лет, написал там до тридцати стихотворений (включая переводы). Позже, на Кавказе, он создал о Севере три художественных очерка. Якутские стихи Марлинского замечательны своей музыкальностью, лиричностью и искренностью выраженных в них чувств. Особое значение имеет баллада «Саатырь», написанная по мотивам фольклора. В докладе подробно анализируется художественная проза Марлинского. Писатель отмечает свободолюбие, гуманизм, благородство, героизм, честность, гостеприимство и горячий патриотизм северных народов.

Исследуя литературное и эпистолярное наследие Марлинского, докладчик развенчивает либеральную легенду о нём и по-новому освещает якутский период биографии и творчества писателя. Он приходит к выводу, что Марлинский был подлинный декабрист и основоположник русской художественной литературы о Якутии.

Вторая часть доклада посвящена Н. А. Чижову. В ней даются первый опыт биогра-

фии поэта-декабриста и характеристики его произведений, посвящённых якутскому народу.

Библиограф А. Н. Бученков сделал доклад «Якутия в русской литературе» (библиографический обзор). Якутский край, говорит докладчик, богато представлен в русской литературе. О Якутии писали А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев (Марлинский), И. А. Гончаров, В. Г. Короленко, В. Серошевский, В. Г. Тан-Богораз, из советских поэтов — И. Уткин, В. Саянов, Д. Алтаузен, Э. Багрицкий и многие другие.

Первым из русских писателей, кто ввёл Якутию в русскую литературу, был поэт-декабрист Рылеев. Его знаменитая поэма «Войнаровский» (1825) является первым произведением русской литературы, в котором даны картины природы и быта Якутии.

Созданные русскими писателями художественные произведения о Якутии отличаются разнообразием жанров и тематики. В стихах, поэмах, романах, повестях русских поэтов и писателей отобразён исторический путь Якутии от «обширной узников тюрьмы» до цветущей социалистической республики.

Доклад М. А. Кротова «Якутская политическая ссылка 70—90-х годов XIX в.» был посвящён роли ссылке в развитии земледелия, распространении просвещения, их медицинской деятельности и научно-исследовательской работе по изучению Якутии.

Исключительно велика роль ссылки в деле изучения Якутского края, в организации работы на метеостанциях, в создании и развитии областного музея. Свыше 50 ссылкой дали более 300 печатных работ по различным вопросам якутоведения. Среди них почётное место занимают 13-томный якутский словарь Пекарского, монографии Тан-Богораза о чукчах, Иохельсона о якутах, Майнова об эвенках и русском населении, грамматика якутского языка Ястребского, капитальное этнографическое исследование Серошевского «Якуты» и многочисленные труды Левенталя, Виташевского, Ионова, Геккера, Феликса Кона и др. Несмотря на отдельные ошибки и недостатки большинство этих трудов сохраняет своё научное значение и до сих пор.

Доклад Виктора Бика был посвящён жизни и деятельности К. Г. Неустроева, ставшего жертвой самодержавия. На основании ряда воспоминаний близких, родственников, архивных и литературных материалов В. Бик ярко воссоздал облик якута-революционера, организатора политических кружков, человека, мечтавшего о бескорыстном служении своему народу и погибшего в расцвете жизненных сил.

Доклад Н. М. Заболоцкого «У истоков якутской литературы» в основном посвящён Уваровскому, русскому по национальности, зачинателю якутской литературы. Уваровский — автор «Воспоминаний», первого произведения, написанного по-якутски, изданного в 1848 году. Н. Заболоцкий сделал также краткий обзор дореволюционной якутской периодической печати.

П. В. Попов сделал доклад на тему «Основные моменты в истории якутского письма». Работа тов. Попова является первым опытом в этой области. История развития якутского письма делится на два периода: дорусский — период пиктографии и идеографии — и период зрелого фонетического письма. Дорусский период письма совершенно не изучен. Русский период якутской пиктографии и идеографии охватывает время до конца первой четверти XX века. Пиктография в виде примитивных идеограмм нашла своё выражение в многочисленных якутских тамгах, басхалах, календарях, «знамёнах», печатях, бирках, записных книгах и т. п. Первый период фонетического якутского письма охватывает время с XVII до середины XIX века. Это было время накопления фактического филологического материала. Второй период охватывает время от начала XIX в. и до наших дней. Он был временем создания алфавитов и грамматик якутского языка.

На заключительном заседании выступил с речью проф. С. А. Токарев, который отметил научную зрелость историков, фольклористов и литературоведов Якутии. Науч-

ное исследование Якутии имеет за собой большую и хорошую традицию, говорит С. Токарев. Великие академические экспедиции XVIII в. впервые сделали территорию Якутии и её население предметом серьёзного изучения. В XIX в. работу по исследованию народов Якутии, их быта, культуры и истории провели политические ссыльные. В первые годы советской власти огромную исследовательскую работу здесь развернула Академия наук СССР; шестилетние труды Якутской экспедиции охватили все стороны изучения ЯАССР.

Теперь мы стоим, сказал далее С. Токарев, на новом этапе якутоведения. В работу включились местные культурные силы, которые за эти годы выросли и окрепли. Большинство выступавших на пленуме с докладами — молодые научные работники, воспитанные советской культурой. Докладчик выразил уверенность в том, что дальнейший рост научных кадров Якутской республики и работа их в тесном содружестве с научными силами Москвы и Ленинграда и впредь будут продолжаться на пользу родне.

В. Хохлачев

Научная работа одесских историков

С первых же дней освобождения Одессы от румыно-немецких оккупантов, по инициативе отдела агитации и пропаганды обкома КП(б)У, развернулась работа по написанию истории Одессы, которая, как известно, в сентябре 1944 г. отмечала своё 150-летие.

Книга «Одесса 1794—1944» состоит из следующих разделов: «Героическая оборона Одессы» (автор — И. А. Сосновский, секретарь Одесского обкома КП(б)У по агитации и пропаганде), «История Одессы до 1861 года» (автор — проф. А. Г. Готалов), «Одесса в 1861—1917 гг.» (автор — проф. С. Я. Боровой), «Одесса в 1917—1941 гг.» (автор — доц. А. И. Гладковская), «Одесса в чёрные дни оккупации» (автор — проф. К. П. Добролюбский). В. С. Алексеев-Попов написал введение к книге. Работа над книгой закончена, и она сдана в печать. Подготовленная книга по истории Одессы является результатом длительной и серьёзной научной работы и основана в значительной части на впервые используемых в печати источниках.

Научно-исследовательская работа кафедры истории СССР Одесского государственного университета за истекший год заключалась в разработке ряда тем. Доц. Н. П. Коровяков работает над докторской диссертацией — «Оборона южных границ Русского государства XVIII столетия». По материалам, собранным для названной диссертации, тов. Коровяков сделал доклад на научной сессии университета — «Морская политика России в XVIII столетии».

В июле 1945 г. доцент С. М. Ковбасюк защитил кандидатскую диссертацию — «Военное поселение кавалерии на Украине». Диссертация написана в значительной мере на ещё не опубликованных архивных материалах; доц. Е. В. Сизоненко работает по местным архивным материалам над темой «Движение крестьян на Украине в 40—50-х годах XIX ст.»; проф. Н. Н. Розенталь в июле 1945 г. защитил в Московском государственном университете докторскую диссертацию на тему «Социальная реформа Юлиана Отступника»; проф. К. П. Добролюбский (зав. кафедрой новой истории Одесского университета) продолжает работать над историей Директории и над вопросами историографии нового времени.

Научно-исследовательская работа кафедры истории СССР Одесского государственного педагогического института (зав. кафедрой — проф. С. Я. Боровой) сводилась к разработке нижеуказанных тем. На проведённых в институте научных сессиях члены кафедры выступили со следующими докладами: проф. С. Я. Боровой — «Сталин и историческая наука», «Реакционные традиции немецкой науки», «Одесса в годы сталинской реакции»; ст. преподаватель кафедры истории СССР С. Я. Марлинский — «Происхождение петровских ведомостей и их историческое значение» (по материалам подготавливаемой им кандидатской диссертации); ст. преподаватель В. П. Козинец — «К изучению русско-молдавских связей». Проф. С. Я. Боровой подготовил к печати

П. В. Попов сделал доклад на тему «Основные моменты в истории якутского письма». Работа тов. Попова является первым опытом в этой области. История развития якутского письма делится на два периода: дорусский — период пиктографии и идеографии — и период зрелого фонетического письма. Дорусский период письма совершенно не изучен. Русский период якутской пиктографии и идеографии охватывает время до конца первой четверти XX века. Пиктография в виде примитивных идеограмм нашла своё выражение в многочисленных якутских тамгах, басхалах, календарях, «знамёнах», печатях, бирках, записных книгах и т. п. Первый период фонетического якутского письма охватывает время с XVII до середины XIX века. Это было время накопления фактического филологического материала. Второй период охватывает время от начала XIX в. и до наших дней. Он был временем создания алфавитов и грамматик якутского языка.

На заключительном заседании выступил с речью проф. С. А. Токарев, который отметил научную зрелость историков, фольклористов и литературоведов Якутии. Науч-

ное исследование Якутии имеет за собой большую и хорошую традицию, говорит С. Токарев. Великие академические экспедиции XVIII в. впервые сделали территорию Якутии и её население предметом серьёзного изучения. В XIX в. работу по исследованию народов Якутии, их быта, культуры и истории провели политические ссыльные. В первые годы советской власти огромную исследовательскую работу здесь развернула Академия наук СССР; шестилетние труды Якутской экспедиции охватили все стороны изучения ЯАССР.

Теперь мы стоим, сказал далее С. Токарев, на новом этапе якутоведения. В работу включились местные культурные силы, которые за эти годы выросли и окрепли. Большинство выступавших на пленуме с докладами — молодые научные работники, воспитанные советской культурой. Докладчик выразил уверенность в том, что дальнейший рост научных кадров Якутской республики и работа их в тесном содружестве с научными силами Москвы и Ленинграда и впредь будут продолжаться на пользу родне.

В. Хохлачев

Научная работа одесских историков

С первых же дней освобождения Одессы от румыно-немецких оккупантов, по инициативе отдела агитации и пропаганды обкома КП(б)У, развернулась работа по написанию истории Одессы, которая, как известно, в сентябре 1944 г. отмечала своё 150-летие.

Книга «Одесса 1794—1944» состоит из следующих разделов: «Героическая оборона Одессы» (автор — И. А. Сосновский, секретарь Одесского обкома КП(б)У по агитации и пропаганде), «История Одессы до 1861 года» (автор — проф. А. Г. Готалов), «Одесса в 1861—1917 гг.» (автор — проф. С. Я. Боровой), «Одесса в 1917—1941 гг.» (автор — доц. А. И. Гладковская), «Одесса в чёрные дни оккупации» (автор — проф. К. П. Добролюбский). В. С. Алексеев-Попов написал введение к книге. Работа над книгой закончена, и она сдана в печать. Подготовленная книга по истории Одессы является результатом длительной и серьёзной научной работы и основана в значительной части на впервые используемых в печати источниках.

Научно-исследовательская работа кафедры истории СССР Одесского государственного университета за истекший год заключалась в разработке ряда тем. Доц. Н. П. Коровяков работает над докторской диссертацией — «Оборона южных границ Русского государства XVIII столетия». По материалам, собранным для названной диссертации, тов. Коровяков сделал доклад на научной сессии университета — «Морская политика России в XVIII столетии».

В июле 1945 г. доцент С. М. Ковбасюк защитил кандидатскую диссертацию — «Военное поселение кавалерии на Украине». Диссертация написана в значительной мере на ещё не опубликованных архивных материалах; доц. Е. В. Сизоненко работает по местным архивным материалам над темой «Движение крестьян на Украине в 40—50-х годах XIX ст.»; проф. Н. Н. Розенталь в июле 1945 г. защитил в Московском государственном университете докторскую диссертацию на тему «Социальная реформа Юлиана Отступника»; проф. К. П. Добролюбский (зав. кафедрой новой истории Одесского университета) продолжает работать над историей Директории и над вопросами историографии нового времени.

Научно-исследовательская работа кафедры истории СССР Одесского государственного педагогического института (зав. кафедрой — проф. С. Я. Боровой) сводилась к разработке нижеуказанных тем. На проведённых в институте научных сессиях члены кафедры выступили со следующими докладами: проф. С. Я. Боровой — «Сталин и историческая наука», «Реакционные традиции немецкой науки», «Одесса в годы столыпинской реакции»; ст. преподаватель кафедры истории СССР С. Я. Марлинский — «Происхождение петровских ведомостей и их историческое значение» (по материалам подготавливаемой им кандидатской диссертации); ст. преподаватель В. П. Козинец — «К изучению русско-молдавских связей». Проф. С. Я. Боровой подготовил к печати

книгу о банках в России в XVII—XVIII веках.

В Одесском государственном университете в мае 1945 г. состоялась научная сессия, посвящённая 100-летию со дня рождения крупнейшего русского византолога, акад. Ф. И. Успенского, проработавшего около 20 лет в бывшем Новороссийском университете. На научной сессии были заслушаны следующие доклады: проф. А. Г. Готалов — «Академик Успенский Ф. И. — основоположник русского византиноведения»; проф. Н. Н. Розенталь — «Проблема итальянского гума-

низма в трудах Успенского»; проф. Н. В. Беляев — «История славянских народов в трудах академика Успенского»; доц. М. Ф. Болтенко — «20 лет работы в Константинопольском археологическом институте»; доц. Н. П. Корвяков — «Русское источниковедение в трудах Ф. И. Успенского».

Доклады, посвящённые юбилею академика Успенского, войдут в подготовляемый университетом к печати «Научный сборник».

С. Марлинский

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Кембриджский университет в Англии выпускает ряд многотомных серийных изданий по различным отраслям исторической науки. К наиболее известным его изданиям принадлежат: 12-томная «Древняя история» («Cambridge Ancient History». Vol. 1—12. 1924—29), 8-томная «История средних веков» («Cambridge Medieval History». Vol. 1—8. 1924—36) и 14-томная «История нового времени» («Cambridge Modern History». Vol. 1—14. 1907—24). Ниже мы отмечаем несколько томов из различных серий Кембриджского университета, вышедших за годы войны.

◆ Вышел XII и последний том кембриджской «Древней истории», под названием «Кризис империи и возрождение» (Vol. XII. «The imperial crisis and recovery. A. D. 193—324». 1939), охватывающий период, начиная с царствования Септимия Севера (193 г. н. э.) и кончая царствованием Константина (324 г.). Том вышел под редакцией С. А. Кука, Ф. И. Эдкока и других и заканчивает собою серию томов по древней истории, дающую историю античности богатый фактический материал.

◆ Под редакцией Бениенса (F. Benians), Холланда Роза (J. Holland Ros) и Ньютона (A. P. Newton) выходит кембриджская «История Британской империи» в восьми томах. Первые три тома должны дать историю английской колониальной экспансии и политики. Томы IV и V дают историю Индии (они же входят в «Cambridge history of India»), последние три тома включают в себя историю Канады и Ньюфаундленда, Австралии и Новой Зеландии, Южной Африки и Родезии. Хронологические рамки «Истории Британской империи» — конец XV в. (путешествие к берегам Америки Джона Кабота) — начало XX века. Издание началось печатанием в 1929 г., к настоящему времени не вышел только том III. Последним вышедшим томом является том II, охватывающий историю Британской империи с 1783 по 1870 гг. (Vol. II. «The growth of the new empire 1783—1870», XII, 1068 p. 1940). Издание ценно для нас собранным в нём большим фактическим материалом.

◆ В 1942 г. выпущен один том новой серии Кембриджского университета по эко-

номической истории Европы «Cambridge economic history of Europe from the decline of the Roman empire». Ed. by J. H. Clapham & the late E. Power).

Этот том посвящён аграрной истории средних веков («The agrarian life of the Middle Ages». XVII, 650 p.) и содержит ряд очерков крупных европейских историков — Марка Блока, Острогорского, Нелли Нейльсон и др. В рецензии Дж. Хоманса (G. C. Homans — «Speculum». 1942, Vol. XVII, № 2, p. 283—284) отмечается, что во всех этих очерках чувствуется отсутствие общего понимания связи и взаимовлияния социального строя и экономики. Рецензент пишет, что экономическая история зашла в тупик, как это не раз бывало с историей идей. Единственным исключением рецензент считает Марка Блока, которому принадлежит глава о «сенъериальных институтах» и который серьёзно занялся изучением вопроса о соотношении социального строя и экономики.

◆ В 1940 г. выпущено весьма ценное и интересное издание — библиография английской литературы («Cambridge bibliography of English literature». Vol. I—4. Ed. by F. M. Bateson. 1940). Оно состоит из трёх томов, охватывающих период с 600 г. до 1900 г., и четвёртого тома — указателя к этим томам (287 стр.). В предисловии указывается, что издание содержит описание напечатанных произведений всех лиц, родившихся на территории Британской империи. Включены произведения писателей, историков, философов и учёных различных специальностей, учтены все газеты и журналы и, выборочно, памфлеты и брошюры. Материал расположен в хронологическом порядке; указывается автор и название, с сохранением правописания подлинника, затем первое издание данного произведения и последующие издания и переводы за пятьдесят лет (в течение которых автор мог вносить изменения и дополнения в напечатанный текст), кроме того иногда указывается и современное издание, если оно представляет значительный интерес. Каждому тому (охватываемому определённым отрезком времени) предпослано библиографическое введение (general introduction), в котором указаны все работы по

книгу о банках в России в XVII—XVIII веках.

В Одесском государственном университете в мае 1945 г. состоялась научная сессия, посвящённая 100-летию со дня рождения крупнейшего русского византолога, акад. Ф. И. Успенского, проработавшего около 20 лет в бывшем Новороссийском университете. На научной сессии были заслушаны следующие доклады: проф. А. Г. Готалов — «Академик Успенский Ф. И. — основоположник русского византиноведения»; проф. Н. Н. Розенталь — «Проблема итальянского гума-

низма в трудах Успенского»; проф. Н. В. Беляев — «История славянских народов в трудах академика Успенского»; доц. М. Ф. Болтенко — «20 лет работы в Константинопольском археологическом институте»; доц. Н. П. Корвяков — «Русское источниковедение в трудах Ф. И. Успенского».

Доклады, посвящённые юбилею академика Успенского, войдут в подготовляемый университетом к печати «Научный сборник».

С. Марлинский

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Кембриджский университет в Англии выпускает ряд многотомных серийных изданий по различным отраслям исторической науки. К наиболее известным его изданиям принадлежат: 12-томная «Древняя история» («Cambridge Ancient History». Vol. 1—12. 1924—29), 8-томная «История средних веков» («Cambridge Medieval History». Vol. 1—8. 1924—36) и 14-томная «История нового времени» («Cambridge Modern History». Vol. 1—14. 1907—24). Ниже мы отмечаем несколько томов из различных серий Кембриджского университета, вышедших за годы войны.

◆ Вышел XII и последний том кембриджской «Древней истории», под названием «Кризис империи и возрождение» (Vol. XII. «The imperial crisis and recovery. A. D. 193—324». 1939), охватывающий период, начиная с царствования Септимия Севера (193 г. н. э.) и кончая царствованием Константина (324 г.). Том вышел под редакцией С. А. Кука, Ф. И. Эдкока и других и заканчивает собою серию томов по древней истории, дающую историю античности богатый фактический материал.

◆ Под редакцией Бениенса (F. Benians), Холланда Роза (J. Holland Ros) и Ньютона (A. P. Newton) выходит кембриджская «История Британской империи» в восьми томах. Первые три тома должны дать историю английской колониальной экспансии и политики. Томы IV и V дают историю Индии (они же входят в «Cambridge history of India»), последние три тома включают в себя историю Канады и Ньюфаундленда, Австралии и Новой Зеландии, Южной Африки и Родезии. Хронологические рамки «Истории Британской империи» — конец XV в. (путешествие к берегам Америки Джона Кабота) — начало XX века. Издание началось печатанием в 1929 г., к настоящему времени не вышел только том III. Последним вышедшим томом является том II, охватывающий историю Британской империи с 1783 по 1870 гг. (Vol. II. «The growth of the new empire 1783—1870», XII, 1068 p. 1940). Издание ценно для нас собранным в нём большим фактическим материалом.

◆ В 1942 г. выпущен один том новой серии Кембриджского университета по эконо-

мической истории Европы «Cambridge economic history of Europe from the decline of the Roman empire». Ed. by J. H. Clapham & the late E. Power).

Этот том посвящён аграрной истории средних веков («The agrarian life of the Middle Ages». XVII, 650 p.) и содержит ряд очерков крупных европейских историков — Марка Блока, Острогорского, Нелли Нейльсон и др. В рецензии Дж. Хоманса (G. C. Homans — «Speculum». 1942, Vol. XVII, № 2, p. 283—284) отмечается, что во всех этих очерках чувствуется отсутствие общего понимания связи и взаимовлияния социального строя и экономики. Рецензент пишет, что экономическая история зашла в тупик, как это не раз бывало с историей идей. Единственным исключением рецензент считает Марка Блока, которому принадлежит глава о «сенъериальных институтах» и который серьёзно занялся изучением вопроса о соотношении социального строя и экономики.

◆ В 1940 г. выпущено весьма ценное и интересное издание — библиография английской литературы («Cambridge bibliography of English literature». Vol. I—4. Ed. by F. M. Bateson. 1940). Оно состоит из трёх томов, охватывающих период с 600 г. до 1900 г., и четвёртого тома — указателя к этим томам (287 стр.). В предисловии указывается, что издание содержит описание напечатанных произведений всех лиц, родившихся на территории Британской империи. Включены произведения писателей, историков, философов и учёных различных специальностей, учтены все газеты и журналы и, выборочно, памфлеты и брошюры. Материал расположен в хронологическом порядке; указывается автор и название, с сохранением правописания подлинника, затем первое издание данного произведения и последующие издания и переводы за пятьдесят лет (в течение которых автор мог вносить изменения и дополнения в напечатанный текст), кроме того иногда указывается и современное издание, если оно представляет значительный интерес. Каждому тому (охватывающему определённый отрезок времени) предпослано библиографическое введение (general introduction), в котором указаны все работы по

библиографии, истории литературы, антологии и истории языка, относящиеся к данному отрезку времени.

Настоящее издание выросло из библиографии к отдельным главам кембриджской «Истории английской литературы», вышедшей в 1907—1916 гг. «Cambridge history of English literature». Vol. I—XIV. Ed. by A. W. Ward & A. R. Waller (1907—1916), которая была неполной, да к тому же ещё и устарела. Желая дать полную и вполне отвечающую настоящему времени библиографию английской литературы, Кембриджский университет и выпустил в 1940 г. новую библиографию, в составлении которой принимало участие большое количество авторов, под редакцией Ф. М. Бейтсона. Она является весьма ценным справочным пособием для всех, занимающихся не только историей английской литературы, но и вообще историей культуры Англии.

◆ В древноревских сагах засвидетельствован факт открытия норманнами материка Северной Америки и их попытки колонизовать Атлантическое побережье Северной Америки. Но судьба этих поселений и степень их проникновения в глубь материка до сих пор не выяснены. В последнее время в США появились две работы, в которых авторы делают попытку пролить свет на эти вопросы. Первая работа—Р. Шервина, носящая название несколько рекламного характера—«Викинг и краснокожий» (Sherwin R. T. «The Viking and the Red man. The Old Norse origin of the Algonquin language». New York — London. 1940. XXVI, 340 p.), — является исследованием языка вымершего индейского племени алгонквинов и сравнением его со старонорвежским. В результате проведённого исследования Шервином составлен словарь алгонквинских слов норвежского происхождения (по его мнению), который включает около тысячи слов обиходного характера, названий индейских поселений в Новой Англии и слов, встречающихся в «Песне о Гайавате» Лонгфелло. Дадим один пример догадок Шервина: алгонквинское слово «calumet» (трубка мира) производится им от норвежского «kalla moot» (мужи на совещании). Автор делает вывод, что норманская колонизация Атлантического побережья Северной Америки носила значительно более широкий характер, чем обычно предполагается, однако в конечном счёте не увенчалась удачей. Остатки норманских колонистов, которые не были истреблены, смешались с коренным населением страны — алгонквинами, в языке которых и остались следы этого смешения.

Вторая работа на ту же тему, о норманской колонизации Северной Америки, является результатом 30-летних исследований автора её Яльмара Холанда, связанных с расшифровкой рунической надписи на Кенсингтонском камне, найденном в Миннесоте (США) в 1898 г. (Holand H. R. «Westward from Vinland. An account of Norse discoveries and explorations in America 982—1362». 2nd ed. New York. 1942, X, 354 p.). В первой части книги автор излагает

историю путешествий в Америку за период 982—1362 годов. Во второй, значительно большей по объёму части он исследует надпись на Кенсингтонском камне и доказывает (с привлечением лингвистического, археологического и геологического материала), что надпись эта оставлена экспедицией норманнов в 1362 году. Экспедиция эта проникла в глубь материка, где часть членов её погибла (в память этого события и сделана надпись), а судьба других неизвестна. Автор доказывает, что они были приняты в ныне вымершее индейское племя манданов; своё утверждение он основывает на показаниях путешественников XVIII и XIX вв. об этом племени, носившем признаки смешения с белыми. В «Приложении» Холандом даны подробный лингвистический анализ Кенсингтонской надписи и библиографические заметки о новой литературе по этому вопросу.

◆ Книга преподавателей Морской академии США У. Стивенса и А. Уэсткотта «История морского флота» (Stevens W. O. and Westcott A. «A history of sea power». Rev. ed. New York. 1944, IX, 467) вышла 4-м изданием в 1944 году. Первое издание книги вышло в 1920 году. Настоящее издание (второе за время войны) пересмотрено и значительно дополнено. Книга даёт историю морского флота, начиная с самых ранних известий о мореплавании финикийцев и афинян и кончая нападением Японии на американский флот в газани Пирл-Харбор в декабре 1941 года. В книге даётся подробное описание как старинных, так и новейших боевых кораблей. В многочисленных картах, диаграммах и иллюстрациях показаны развитие морского флота, изменения в стратегии морского боя и взаимозависимость мощи страны и контроля над морями.

Более солидной работой по истории морского флота но носящей несколько иной характер, является труд контр-адмирала в отставке, бывш. главнокомандующего флотом США С. С. Робисона совместно с Мэри Робисон — «История тактики морского боя с 1530 по 1930 г.» (Robison S. S. and Robison M. L. «A history of naval tactics from 1530 to 1930. The evolution of tactical maxims». Annapolis. Md. 1942. XXIII, 956 p.). В дополнительной главе, автором которой является капитан У. Ребл, рассматриваются типы современных боевых кораблей и их вооружение.

В книге прослеживается развитие тактики морского боя на протяжении 400 лет, которое автор ставит в связь с изменением характера вооружения боевых кораблей и самого типа их. Дан не только разбор крупнейших морских войн и сражений, но также и теория тактики морского боя в её историческом развитии. Книга снабжена многочисленными картами и планами морских сражений и различными иллюстрациями.

◆ За годы второй мировой войны этнографическая наука Англии и США лишилась многих крупнейших своих представителей. Прежде всего следует отметить смерть крупнейшего этнолога последнего

времени Джемса Фрезера. Фрезер дал так много капитальных, зачастую многотомных работ, что создавалась даже легенда о каком-то коллективном творчестве. На самом деле Фрезер работал лично всю свою долгую жизнь не менее 12, иногда до 20 часов в сутки. Автор «Тотемизма и экзогамии», «Золотой ветви», «Антропологической антологии» и других трудов был крупным художником, мастером английской прозы. Основные идеи, особенно первых лет его карьеры, были передовыми для своего времени и его влияние сравнивали с влиянием Вольтера. Последние годы этот «вечный труженик» совершенно ослеп. Некролог написан его личным секретарём (Downie R. A. «James George Frazer. The portrait of a scholar». London, Watts. 1940).

Англия потеряла и другого крупнейшего своего антрополога и этнографа, Хеддона, который был как бы главой целой школы, учителем целого поколения учёных. Особенно следует отметить его ведущую роль в знаменитой экспедиции Кембриджского университета к Торресову проливу; именно благодаря ему антропологические исследования заняли прочное место в английской науке. Его ученица дала ему очень тёплую и живую характеристику: Quiggin A. H. «Haddon, the head hunter». Cambridge University press. 1942. На русском языке имеется, к сожалению, только самая слабая книжка Хеддона — «Переселение народов».

В лице Селигмана этнография потеряла

одного из лучших по точности наблюдения и описания полевых работников. Его труды «Ведды», «Меланезийцы Британской Гвинеи», «Языческие племена Египетского Судана» являются в своей области классическими. Человек огромной культуры и большого личного обаяния, он перед смертью посвятил себя заботам об учёных, пострадавших от фашистского погрома (см. его некролог в журнале «Мир», январь — февраль 1941 года).

Большое впечатление произвела в Англии и смерть Маретта — крупного мыслителя-идеалиста, автора известной работы «Порог религии» (о наиболее ранних формах религиозного сознания).

В США умер Боас, американизировавшийся немец, общепризнанный глава антропологов и этнографов США, каковым был Хеддон в Англии. Ему принадлежит множество трудов по фольклору и религии индейцев Северной Америки, общая редакция трёхтомного учебника по языкам североамериканских индейцев, в котором им лично написан целый ряд глав; но прежде всего он был учителем и воспитателем целого поколения учёных, которым он передал свою сложнейшую технику работы (см. сборник статей «Race, language and culture», N. Y. 1940, есть и немецкое издание). Следует особо отметить его дружеские связи с русской наукой — Богоразом, Иохельсоном, Аверкиевой и др. «American Anthropologist» посвятил его памяти специальный номер.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Черномордик С. — Декабрьское вооружённое восстание 1905 года и Московский совет рабочих депутатов	3
Иванова О. — Петербургская боевая организация большевиков (1905—1907 гг.)	37
Асмус В., проф. — Борьба философских течений в Московском университете в 70-х годах XIX века	56
Веселовский С., проф. — Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году	86
Архангельский С., проф. — Отношения Англии с протестантской и католической Европой (1654—1658)	105

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Лебедевская А. — Архив Пушкарского приказа	122
Дьяконов М. — История древнего Ирана	130

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Юшков С., проф. — Греков Б. Борьба Руси за создание своего государства	140
Яцунский В. — Витвер И. Историко-географическое введение в экономическую и политическую географию капиталистического мира. «Учёные записки Московского государственного университета»	144

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	147
-------------------------------------	-----

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

В. А. — Сессия Отделения истории и философии АН СССР	150
Хохлачёв В. — Первый пленум Якутского научно-исследовательского института	153
Марлинский С. — Научная работа одесских историков	155
Историческая наука за рубежом	156

CONTENTS:

ARTICLES: Chernomordik S. — The December Armed Uprising of 1905 and the Moscow Soviet of Workers, Deputies. Ivanova O. — The St. Petersburg Militant Organization of Bolsheviks (1905—1907). Asmus B. Prof. — The Struggle of Philosophical Trends in Moscow University in the Seventies of the 19th Century. Veselovsky S. Prof. — The Establishment of Select Corps in 1565 and its Abolition in 1572. Arkhangel'sky S. Prof. — The Relations of England with Protestant and Catholic Europe. (1654—1658). INFORMATION. PUBLICATIONS. REVIEWS. Lebedinskaya A. — The Archives of the Artillery Department. Dyakonov M. — The History of Ancient Iran. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. BOOK REVIEWS. BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CALENDAR OF EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Tchernomordik S. — L'insurrection d'armée de décembre 1905 et le Soviet des députés ouvriers de Moscou. Ivanova O. — L'organisation de combat des bolchéviks de Pétersbourg (1905—1907). Asmus V., prof. — La lutte des tendances philosophiques à l'Université de Moscou (1870—1880). Vesselovski S., prof. — L'institution de l'„opritchnina" en 1565 et son abolition en 1572. Archangelski S., prof. — Les rapports de l'Angleterre avec l'Europe catholique et protestante (1654—1658). COMMUNICATIONS, PUBLICATIONS, NOTES. Lebedinskaja A. — Les Archives du Département d'artillerie. Diakonov M. — Histoire de l'Iran ancien. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. NOTES BIBLIOGRAPHIQUES. CHRONIQUE.

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.

Тел. ДЗ-31-04.

А — 01954

Изд. № 275

Заказ № 2921.

Тираж 33.200

Подписано к печати 28/III 1946 г.

10 печ. л.

68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.